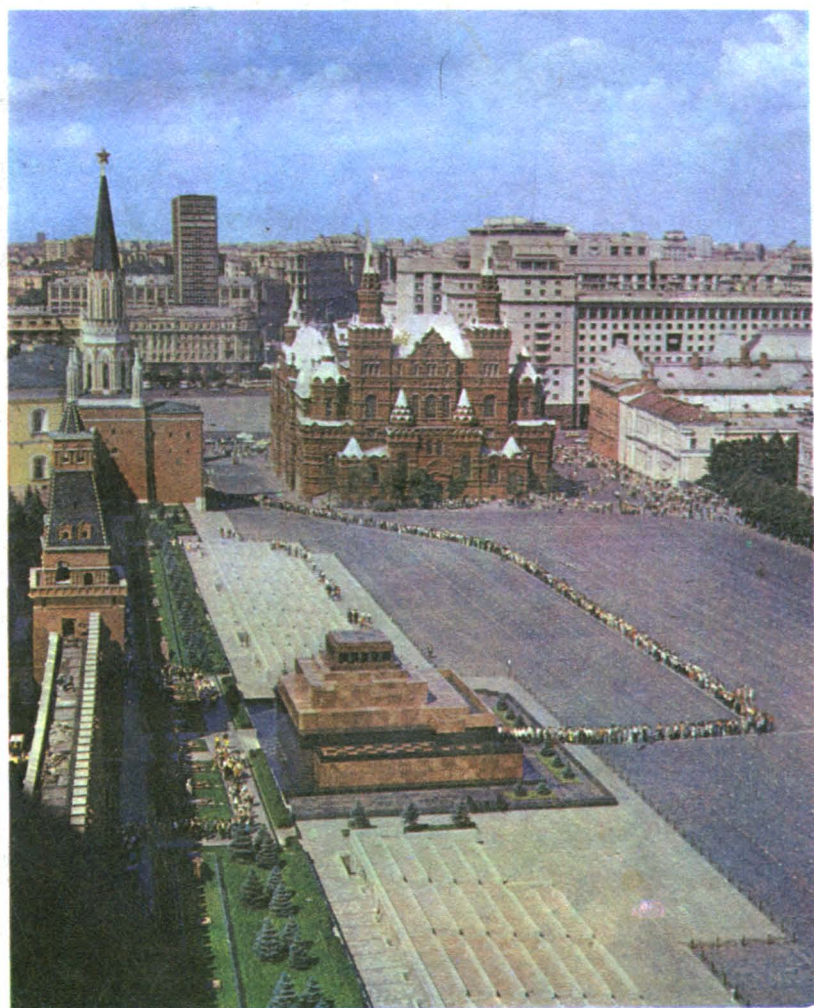

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

1977

4

Лида Оганесовна Агаронян — секретарь судебного заседания. Двенадцать лет трудится она в Ленинском районном народном суде Еревана.

Фото В. ЗИМИНА.

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ
МИНИСТЕРСТВА
ЮСТИЦИИ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР» МОСКВА

4(76) АПРЕЛЬ 1977
Издается с 1971 года

Главный редактор С. Н. СЕМАНОВ.

Редакционная коллегия:

Б. А. ВИКТОРОВ, И. К. КОВАЛЕВ, В. В. ЛИПАТОВ,
Г. П. ПОЛИТЫКО (ответственный секретарь), А. М. РЕКУНКОВ,
П. И. СЕДУГИН, Ю. С. СЕМЕНОВ,
П. И. СКОМОРОХОВ (заместитель главного редактора),
А. Я. СУХАРЕВ, В. И. ТОНКИХ, А. М. ЯКОВЛЕВ.

В НОМЕРЕ

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ:

Ленинские уроки права

- Ю. Лубшев, В. И. Ленин о роли права в формировании нового человека** 4
- С. Розанцев. Жилищно-строительный кооператив** 13
-

Наши интервью

- Право, красота и качество** 22
-

СОБЕСЕДНИК:

К 60-летию Великого Октября

- М. Иванов. Щедрость** 31
- Письмо позвало в дорогу**
- Михаил Андраша. Авторитет директора** 43
- Отклики на статью «Не забавы ради...»** 48
- Нам пишут**
- В. Куликов. Не запугал...** 50
- По следам неопубликованных писем** 51
- Л. Алексева, К. Табачников. Командир народной дружины** 53
-

К 60-летию Великого Октября

- Человек славен делами** 57
-

Время. Законы. Люди

- Луиза Брайант. Революционный трибунал** 65
-

Критика и библиография

- В. Щербина. Давайте не будем портить язык!** 70
-

- Г. Кузьмичева. Решаются международные торговые споры. Репортаж** 74
-

- О проекте Основ лесного законодательства Союза ССР и союзных республик** 82
-

Главный художник В. Т. СЕЛИВАНОВ.

Технический редактор Л. Л. ЕЖОВА.

Корректоры А. В. ЕЛИЗАРОВА, Б. С. ТУМЯН.

Адрес редакции: 109147, Москва, Ж-147, Марксистский пер., 1/32.
Телефоны отделов: науки и пропаганды 271-09-01, литературы 271-03-17, очерков 271-10-93, «Собеседник» 271-10-24, писем 271-11-20, международной и внутренней информации 271-08-63.

СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ:

Наши консультации

Л. Вульф. Пенсии по старости рабочим и служащим	84
П. Зобнин. Уличные и квартальные комитеты	89
Читатель на приеме у юриста	
Предоставление отпусков рабочим и служащим	92
Разрешено ли гражданам, не являющимся членами колхоза, иметь лошадей	95

Ганс Шнайдер. Ночь без алиби. Роман	96

Йозеф Несвадба. Болезнь Холмса	116

Ролан Пассеван. Бизнес на боксе	125

ИМЕНЕМ САТИРЫ:

Л. Юшков. Совесть в бутылке	140
Зарубежная мозаика	144

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Красная площадь. Непрерывным потоком идут люди к Ленину, чтобы отдать дань уважения, признательности памяти великого вождя Революции.

НА ЧЕТВЕРТОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: отдыхающие в пансионате на берегу Черного моря. Право на отдых — одно из конституционных прав советского человека. Оно гарантируется советским законодательством, самой организацией труда и отдыха в нашей стране, системой распределения путевок в дома отдыха, санатории, на туристские базы.

Фото В. ЗИМИНА,
М. ШИШАНОВА.

Сдано в набор 1/II-77 г. Подписано в печать 14/III-77 г. А11061. Формат 84 × 108¹/₂. Печ. л. 4,5 + 0,125 вкладка. Усл. печ. л. 7,56. Уч.-изд. л. 9,91. Заказ 1141. Тираж 3 300 000 экз. (1-й завод — 1 000 000 экз.). Цена 40 коп.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28.

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ

Ленинские
уроки права

Ю. ЛУБШЕВ,
кандидат юридических наук

В.И. ЛЕНИН О РОЛИ ПРАВА В ФОРМИРОВАНИИ НОВОГО ЧЕЛОВЕКА

Неразрывное единство партии и народа с особой силой проявляется в наши дни, когда советские трудящиеся, воодушевленные историческими решениями XXV съезда КПСС, идут навстречу знаменательному юбилею — шестидесятилетию Великой Октябрьской социалистической революции.

За истекшие шесть десятилетий Советский Союз поднялся к вершинам мирового прогресса, стал великой страной победившего социализма, знаменосцем коммунизма.

«Самое большое завоевание нашей революции,— говорил Л. И. Брежнев,— которым по праву гордится Коммунистическая партия,— это новый советский человек, новый облик народа. Подавляющее большинство советских людей сегодня — это дети и вну-

ки Октября. Они воспитаны социалистическим обществом и являются первыми в мире строителями коммунизма.

На XXV съезде КПСС отмечалось, что вопросы идейного воспитания людей, проблемы формирования нового человека занимают большое место в работе нашей партии. Коммунистическое воспитание, как и всю свою революционно-преобразующую деятельность, КПСС строит на прочном фундаменте марксистско-ленинской теории.

Формирование личности нового человека относится к числу центральных проблем марксистской философии, психологии и права. Развитие сознания масс, писал Ленин, «остаётся, как и всегда, базой и главным содержанием всей нашей работы». Ленинские идеи о свойствах новой личности составляют методологическую основу решения не только многих важных теоретических вопросов, но и практических задач формирования коммунистического мировоззрения, воспитания нового человека, всесторонне и гармонически развитой личности.

Актуальность мыслей Ленина о путях формирования личности нового человека обусловлена его гениальной способностью видеть любое явление одновременно с позиций истории, современности и перспектив. «Владимир Ильич Ленин так хорошо знал историю прошлого, что мог и умел смотреть на настоящее из будущего... — отмечал А. М. Горький. — Он вообще, как никто до него, — умел предвидеть то, что должно быть. Он умел и мог делать это — мне кажется — потому, что половиною великой души своей жил в будущем; железная, но гибкая логика его показывала ему отдаленное будущее в формах совершенно конкретных, реальных».

Личность советского человека формируется под воздействием многих факторов — экономического, политического, идеологического и других. В системе эффективных средств, с помощью которых формируется личность нового человека, важное место занимает право. Регулируя общественные отношения, оно не только вносит в них должный порядок, придает им определенность и устойчивость, но и прививает обязательные правила поведения людей.

Советские законы выражают политику Коммунистической партии и Советского государства. Они воплощают в себе исторические завоевания социализма и служат интересам трудящихся.

Право — всегда орудие, инструмент классовой воли. В этом суть любого типа права. Весь вопрос в том, чья воля находит отражение в праве, чьи классовые интересы оно охраняет и защищает. Соответственно этому процесс формирования личности человека с помощью права — это также классовое явление.

Если при социализме право ставится на службу трудовому народу, то все предшествовавшие ему типы права были и остаются выражением воли эксплуататорских классов, орудием всяческого порабощения трудящегося человека.

Характеризуя сущность буржуазного права, К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса».

Старое, эксплуататорское общество, говорил Ленин, основано на таком принципе: либо ты грабишь другого, либо другой грабит тебя, либо ты работаешь на другого, либо он на тебя. Право же обеспечивало и закрепляло такие отношения между людьми.

Многие законы, издаваемые царским правительством, имели устрашающий характер. Их назначение было карать виновных, а не воспитывать население. Кроме того, эти законы и их применение с юридической точки зрения представляли собой образец казуистики.

Ленин довольно точно раскрыл юридический смысл царских законов. «Язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли — говорят дипломаты, — писал он. — Закон дан для того, чтобы извращать понятие вины и ответственности — могут сказать наши юристы».

Такова была «воспитательная» роль царских законов.

Принципиально иное воздействие на общественные отношения людей оказывает социалистическое право. Возникнув с появлением Советского государства, оно стало не только орудием уничтожения господства эксплуататорских классов, но и действенным средством формирования личности нового человека.

Даже самое поверхностное ознакомление с действующим законодательством и практикой его применения убеждает, что советские законы играют прогрессивную и активнейшую роль в формировании всех положительных качеств личности, то есть тех ее свойств, которые делают жизнь человека материально богаче, духовно содержательней.

Возьмем, к примеру, право граждан СССР на труд и посмотрим, каковы его возможности в формировании личности нового человека. Обеспеченное право на труд совершенствует не только общественное производство, но и самого трудящегося человека. В этой связи ленинские идеи указывают нам те направления, по которым должно идти формирование человека посредством разумного практического воплощения в жизнь законов о труде. Владимир Ильич пи-

сал: «Впервые после столетий труда на чужих, подневольной работы на эксплуататоров является возможность *работы на себя*, и притом работы, опирающейся на все завоевания новейшей техники и культуры».

Осознание того, что человек работает на себя, способствует воспитанию высоких личных качеств. Труд формирует у человека высокие нравственные качества, говорил Владимир Ильич, лишь тогда, когда само производство «очеловечено». «Мы должны,— указывал он,— всякий труд, как бы он ни был грязен и труден, построить так, чтобы каждый рабочий и крестьянин смотрел на себя так: я — часть великой армии свободного труда и сумею сам построить свою жизнь без помещиков и капиталистов, сумею установить коммунистический порядок».

Социалистическое государство не только предоставило право на труд, но установило, что труд — обязанность и дело чести каждого способного к труду гражданина. В статье «Как организовать соревнование?» Ленин писал о необходимости бороться со старой привычкой «...смотреть на меру труда, на средства производства с точки зрения подневольного человека: как бы освободиться от лишней тяготы, как бы урвать хоть кусок *у буржуазии*».

Ленин отмечал, что процесс трудового воспитания нового человека — длительный и сложный. Он призывал советских граждан смело и решительно устранять из жизни любые отрицательные факторы, мешающие им проявлять трудовые способности. Новое общество, учил он, должно применять меры принуждения к лицам, живущим за счет чужого труда. «Конечно, эта величайшая в истории человечества смена труда подневольного трудом на себя не может произойти без тренировок, трудностей, конфликтов, без насилия по отношению к закоренелым туеядцам и их прихвостням. На этот счет ни у кого из рабочих иллюзий нет...» Однако строить новую дисциплину труда, говорил Ленин, строить новые формы общественной связи между людьми, строить новые формы и приемы привлечения людей к труду, это благодарнейшая и благороднейшая работа.

Все мы хорошо знаем, что многие пороки личности — следствие, главным образом, недостатков трудового воспитания, результат потребительской идеологии. Уклонение от общественно полезного труда ведет к нравственному падению личности, к деяниям, противоречащим нормам права. Вот почему на одном из первых мест в идеологической работе, которую проводит партия, отмечалось на XXIV съезде КПСС, стоит воспитание у советских людей нового, коммунистического отношения к труду. Успешному выполнению

этой задачи в известной мере способствует и советское законодательство.

Процесс формирования нового человека обеспечивается всей системой нашего народного хозяйства, основанного на социалистической собственности на орудия и средства производства. Это величайшее благо, закрепленное в Конституции СССР, служит базой для выработки и применения стройной системы правовых средств, с помощью которых формируется личность нового человека.

Уже через несколько дней после победы Великой Октябрьской социалистической революции в обращении «К населению» В. И. Ленин писал: «Берегите, храните, как зеницу ока, землю, хлеб, фабрики, орудия, продукты, транспорт — все это отныне будет *всецело* вашим, общенародным достоянием».

Владимир Ильич исходил из того, что законодательные предписания Советской власти, направленные на воспитание в людях чувства социалистической бережливости, — важнейшая часть всей деятельности по формированию личности человека.

Бережное отношение к собственному имуществу давно стало привычкой каждого. И она существовала еще при старых формациях. Что же касается бережного отношения к имуществу других людей, а тем более общественной или государственной собственности, то это свойство — исторически новое. Оно возникло сравнительно недавно, уже в наших, социалистических условиях. Рачительное, по-настоящему хозяйское отношение к общественному достоянию должно стать привычкой всех людей. Без этого немислим новый человек, невозможна борьба с различного рода правонарушениями, в основе которых лежат частнособственнические взгляды. Вот почему советское законодательство предусматривает широкую систему правовых мер, направленных на борьбу с посягательствами на социалистическую собственность, с бесхозяйственностью.

Плохое хозяйствование причиняет большой ущерб не только экономике, но и формированию личных качеств. Несоблюдение законов об охране социалистической собственности порождает у некоторой части граждан привычку безответственного отношения к государственным и общественным интересам, разлагающе влияет на людей.

Правовые нормы, особенно те из них, которые непосредственно регулируют поведение граждан, имеют важное значение в формировании социалистической дисциплины. Создание же новой, социалистической дисциплины Ленин рассматривал как переворот в сознании и поведении людей, более существенный, чем свержение бур-

жуазии. Он связывал этот переворот с преодолением всех отвратительных пережитков в быту и привычках, в отношениях людей к своим обязанностям и друг к другу.

С первых дней Советской власти интересы социалистической революции требовали от граждан дисциплинированности как в труде, так и в быту. Ленин раскрыл сущность и роль новой пролетарской дисциплины. Она должна включать в себя организованность рабочих и крестьян, товарищеское взаимоуважение, самостоятельность и инициативность. Основным методом воспитания этих качеств должно быть убеждение. Но только этим нельзя привить надлежащую дисциплину.

Ленин указывал, что орудие воспитания людей к дисциплине должен стать и суд как орган принуждения, как орган власти. Эти ленинские идеи находят свое отражение и в действующем советском законодательстве. В статье 3 Основ законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик установлено, что «всей своей деятельностью суд воспитывает граждан СССР в духе преданности Родине и делу коммунизма, в духе точного и неуклонного исполнения советских законов, бережного отношения к социалистической собственности, соблюдения дисциплины труда, честного отношения к государственному и общественному долгу, уважения к правам, чести и достоинству граждан, к правилам социалистического общежития».

Воспитывая трудящихся в духе сознательного отношения к установленному правопорядку, государство стремится привить им высокую гражданскую ответственность и непримиримость к нарушению законов.

Опираясь в основном на метод убеждения, Советское государство тем не менее не исключает возможности применения строгих мер наказания к лицам, совершающим опасные для общества преступления, нарушающим правила социалистического общежития, не желающим приобщаться к честной трудовой жизни. Принуждение в социалистическом обществе носит воспитательный характер. Применяя наказание, Советское государство стремится использовать его не только как кару за правонарушение, но и как средство исправления и перевоспитания, как средство убеждения в целесообразности неуклонного соблюдения правовых норм, а также предупреждения совершения новых правонарушений как наказанными, так и другими лицами.

Социалистическое право воспитывает в человеке личную ответственность за порученное дело, понимание своего общественного долга. Ленин указывал на необходимость установления строжай-

шей ответственности за неисполнение предписаний и распоряжений государственной власти.

Обязанность охранять общественный порядок возлагается, указывал Ленин, не только на органы государственной власти. Это дело всего советского народа. Только широкое участие общественности в этой работе принесет успех, поможет победить «пережитки проклятого капиталистического общества».

Широкое участие граждан в деятельности государственных органов, охраняющих общественный порядок,— это и действенная помощь этим органам, и серьезная школа самовоспитания. В самом деле, актив местных Советов, посты народного контроля, товарищеские суды, народные дружины и другие общественные организации имеют цель не только воспитания других людей, но и являются хорошей школой самовоспитания, формирования собственной личности работающего в этих организациях.

Активное участие трудящихся в общественной и политической жизни, в охране общественного порядка — школа правового воспитания. Привлекая народные массы к управлению государством, Коммунистическая партия воспитывает у них правильное отношение к социалистическому праву и законности.

Буржуазные юристы часто утверждают, что поведение людей свободно от классового подоплека, что для них безразличны факты проявления классового политикана. Граждан, говорят они, заботит только материальное благополучие. Но это не так. Ленин подчеркивал, что «ни один живой человек *не может не становиться* на сторону того или другого класса (раз он понял их взаимоотношения), не может не радоваться успеху данного класса, не может не огорчаться его неудачам, не может не негодовать на тех, кто враждебен этому классу, на тех, кто мешает его развитию...»

Важное средство формирования личности нового человека Ленин видел в повышении уровня правовой культуры населения. Это необходимо для воспитания широких масс рабочих и крестьян в духе «самостоятельного, быстрого, делового участия их в надзоре за соблюдением законности». Советская демократия, указывал Ленин, означает, «что каждый представитель массы, каждый гражданин должен быть поставлен в такие условия, чтобы он мог участвовать и в обсуждении законов государства, и в проведении государственных законов в жизнь».

Равенство перед законом Ленин понимал не только как провозглашение равных прав граждан, но и как возможность и умение законным путем добиваться их реализации. «Тот не достоин звания политически свободного гражданина,— писал он,— кто не умеет тре-

бовать и добиваться от своих доверенных выполнения их обязанностей по отношению к доверителям». Коммунистическая партия и Советское государство проводят большую работу по правовому воспитанию населения страны.

Особое место в решении этой задачи занимает организация системы правового обучения в школах, профтехучилищах, в неюридических высших и средних специальных учебных заведениях. Накоплен определенный опыт правового воспитания в производственных коллективах. Активно участвуют в пропаганде права печать, радио, телевидение.

В наши дни, когда роль права в коммунистическом строительстве возрастает, правовое воспитание приобретает большое практическое значение и становится важной составной частью коммунистического воспитания трудящихся.

В правовом воспитании граждан необходимо строго соблюдать ленинские принципы идейно-воспитательной работы.

Наиболее важный из них — принцип партийности. Из него вытекает еще одно ленинское требование к идейно-воспитательной деятельности — убедительность. Достоверность фактов, полнота информации, научность помогают глубже понять сущность советских законов.

Основная задача правового воспитания — формирование у граждан таких качеств, как высокая сознательность, организованность, чувство ответственности не только за свое поведение, но и за действия других. Вот почему нельзя вести правовую пропаганду в отрыве от пропаганды принципов коммунистической морали.

Если мы добьемся такого положения, как говорил Л. И. Брежнев, что уважение к праву, к закону станет личным убеждением каждого советского человека, а следовательно, и основой его поведения, тем самым будут созданы условия для решения многих задач хозяйственного и культурного строительства. Добровольное, сознательное соблюдение правовых норм всеми членами социалистического общества на производстве, в быту — одно из условий успешного выполнения планов развития советской экономики, укрепления общественного порядка и охраны прав советских граждан.

Изучая мысли Ленина о принципах формирования нового человека, надо четко представлять себе, что сам Владимир Ильич — вдохновляющий пример того, как должен жить и работать человек социалистического общества. Отличительными чертами морального облика Ленина были: преданность делу коммунизма, подчинение всей своей жизни и деятельности борьбе за счастье трудящихся, любовь к Родине, интернационализм, непримиримость к врагам ком-

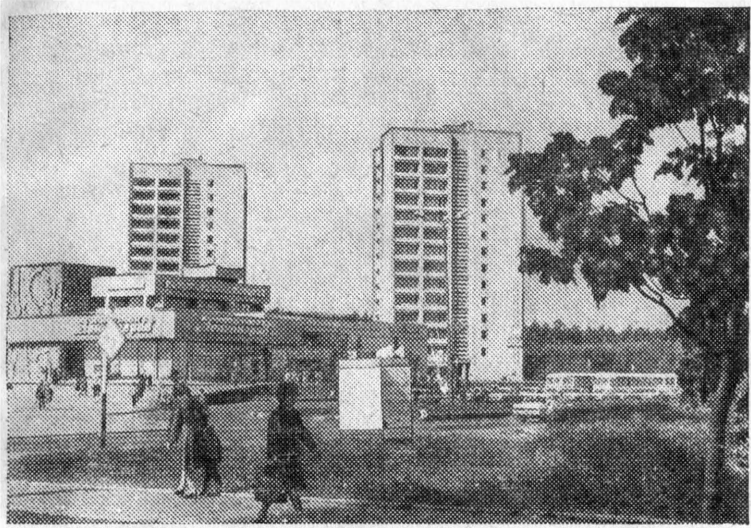
мунизма, коллективизм, труд на благо всего общества. Для него были характерны гуманность, уважение, чуткость и внимание к людям, любовь к жизни во всей ее многогранной красоте, разносторонность, нравственная чистота, простота и скромность, жизнерадостность. Ленин — человек с кристально чистым сердцем. Он не терпел в людях эгоизма, тщеславия, зависти, злобности, мстительности и мелочности. Н. К. Крупская писала, что Владимир Ильич никогда не отделял личное от общественного. Как в работе, так и в быту он был один и тот же — строго требовательный к себе в большом и малом. Она рассказывала также, что даже при решении сугубо личных вопросов Ленин спрашивал себя: «Что скажут об этом рабочие?»

Формирование личности советского человека — такое же важное дело, как и создание материально-технической базы коммунистического общества. Наш строй высоко поднял значение человеческой личности, борющейся за социальный прогресс, против всего отсталого, реакционного, против насилия и войн, за творческий труд, за красоту и чистоту человеческих отношений, за подлинную демократию.

XXV съезд КПСС наметил пути дальнейшего укрепления советской демократии как главного направления в развитии Советского государства.

На съезде был дан глубокий анализ соотношения демократии, законности и прав личности. Отвечая зарубежным критикам, изображающим как нарушение демократии всякий разговор об укреплении дисциплины и ответственности граждан перед обществом, Л. И. Брежнев сказал, что, заботясь о всемерном развитии личности, прав граждан, мы вместе с тем уделяем должное внимание проблемам укрепления общественной дисциплины, соблюдению всеми гражданами их обязанностей перед обществом. Ибо без дисциплины и прочного общественного порядка демократия неосуществима. Именно ответственный подход каждого гражданина к своим обязанностям, к интересам народа создает единственно надежную базу для наиболее полного воплощения принципов социалистического демократизма, подлинной свободы личности.

ЖИЛИЩНО - СТРОИТЕЛЬНЫЙ КООПЕРАТИВ

«**К**вартиру — одной семье». По такому принципу в основном распределяется сейчас новое жилье. И достигли мы этого в результате успешного развития народного хозяйства страны, неустанной заботы партии и правительства о повышении уровня жизни народа.

Вспомним достаточно убедительные цифры, приводимые на XXV съезде КПСС. За годы девятой пятилетки были улучшены жилищные условия 56 миллионам человек, а в десятой пятилетке намечено построить 545—550 миллионов квадратных метров жилой площади, повысить качество жилищного строительства, улучшить удобства.

Растущее материальное благосостояние позволяет трудящимся все больше вкладывать личные трудовые сбережения в жилищно-кооперативное строительство. И это дает им возможность быстрее

обеспечить себя жильем, в известной мере освободить государство от части расходов на строительство и использовать эти средства на дальнейшее расширение жилого фонда.

Сразу же надо подчеркнуть, что члены жилищно-строительной кооперации не являются собственниками оплаченных ими квартир. Строения в целом принадлежат ЖСК, а члены кооператива — лишь собственники значащихся на их счетах в кооперативе сумм паевых накоплений.

Порядок организации жилищно-строительных кооперативов установлен постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 1 июня 1962 года № 561. Согласно ему, во всех союзных республиках разработаны и утверждены Примерные уставы ЖСК. Каждый из них предусматривает, какое наименьшее количество граждан требуется для объединения в кооператив.

Возьмем, к примеру, РСФСР. Здесь для организации кооператива требуется: в Москве и Ленинграде — не менее 60 человек, в столицах автономных республик, краевых и областных центрах и городах с населением свыше 100 тысяч жителей — не менее 48, в других городах и поселках городского типа — 24, при совхозах и поселках, расположенных в сельской местности, — 12 человек. Рабочие и служащие нескольких небольших предприятий, учреждений, а также пенсионеры могут объединяться в один кооператив.

А вот как происходит организация ЖСК. Предприятие, учреждение, организация, совхоз, которые намерены создать кооператив, получают на это разрешение жилищного управления или отдела, либо управления или отдела коммунального хозяйства местного Совета депутатов трудящихся. Затем на предприятии совместно с профсоюзной организацией проводится общее собрание желающих вступить в ЖСК. Решение собрания об организации ЖСК, списки желающих вступить в него и членов их семей утверждаются исполкомом Совета депутатов трудящихся по месту организации кооператива. На общем собрании, решившем организовать ЖСК, избирается инициативная группа из трех — пяти человек для проведения организационных мероприятий до избрания правления и ревизионной комиссии кооператива.

После того как исполком местного Совета депутатов трудящихся утвердит решение об организации ЖСК, созывается общее собрание граждан, желающих вступить в кооператив. На собрании принимается Устав ЖСК, который затем регистрируется в жилищном управлении или отделе, либо в управлении коммунального хозяйства соответствующего исполкома местного Совета, утвердившего решение об организации ЖСК, а в городах с районным делением —

в исполкоме районного Совета депутатов трудящихся по месту строительства жилого дома или нескольких домов.

После регистрации Устава созывается общее собрание членов кооператива для избрания правления и ревизионной комиссии. С момента регистрации Устава кооператив приобретает права юридического лица и пользуется печатью с обозначением своего наименования.

Членами ЖСК могут быть граждане СССР, достигшие восемнадцати лет, постоянно проживающие в данной местности и нуждающиеся в улучшении жилищных условий. Без соблюдения правила о постоянном проживании в данной местности в ЖСК могут быть приняты граждане, проработавшие не менее десяти лет на предприятиях и стройках алмазодобывающей промышленности и в геологоразведочных экспедициях Якутской АССР, на золотодобывающих предприятиях и в геологических организациях районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, на Норильском горно-металлургическом комбинате и в геологических экспедициях Красноярского геологического управления, в городах Норильске и Дудинке. Эти граждане могут вступить в кооперативы во всех городах и местностях, кроме Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Московской области и курортных местностей. Рабочие и инженерно-технические работники угольной промышленности и шахтного строительства, проработавшие в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях пятнадцать лет, также имеют право вступить в кооперативы в любом городе, кроме Москвы и Московской области, Ленинграда, административных центров союзных республик и курортных местностей Крыма и Кавказа.

Советам Министров ряда автономных республик, находящихся в районах Крайнего Севера и в приравненных к ним местностях, а также краевым и областным Советам депутатов трудящихся этих районов и местностей разрешено организовывать из рабочих и служащих, проработавших там не менее пятнадцати лет, жилищно-строительные кооперативы в населенных пунктах других республик, краев и областей. Город, в котором будет строиться дом ЖСК для этих граждан, определяется Советом Министров соответствующей союзной республики по ходатайству Совета Министров автономной республики, исполкома краевого или областного Совета депутатов трудящихся, организующих такой кооператив.

В ЖСК могут быть приняты и граждане, имеющие в личной собственности жилой дом или часть его, но при условии, что этот дом не пригоден для постоянного проживания или по другим причинам не может быть использован для жилья.

Важнейшее условие для приема в ЖСК — необходимость в улучшении жилищных условий: недостаточные размеры жилой площади, отсутствие необходимых удобств, проживание нескольких семей в одном помещении и так далее.

Важно отметить вот что: жилищно-строительный кооператив не обязан согласовывать вопрос о приеме гражданина в члены ЖСК с жилищными органами местного Совета депутатов трудящихся. Однако ЖСК осуществляют свою деятельность под руководством и контролем исполкомов местных Советов депутатов трудящихся, вот почему исполком вправе отменить решение общего собрания членов кооператива, если оно противоречит действующему законодательству или Примерному уставу.

Особое место в деятельности кооператива занимает ее финансовая сторона. Средства ЖСК состоят из вступительных взносов членов кооператива, паевых взносов, взносов на содержание и эксплуатацию дома или домов и прочих поступлений. Все собственные средства ЖСК вносятся на соответствующие счета кооператива в учреждениях банков. По постановлению общего собрания кооператив может образовывать специальные фонды (на организационные расходы, капитальный ремонт дома и другие), расходуемые на цели, соответствующие предусмотренным в Уставе задачам ЖСК.

Порядок образования и расходования этих фондов определяется общим собранием членов кооператива применительно к правилам, действующим в государственных организациях.

Размер пая каждого члена кооператива должен соответствовать строительной стоимости предоставляемой ему в кооперативном доме отдельной квартиры. Строительная стоимость квартир определяется исходя из полезной площади. При этом учитывается общая стоимость строительства дома, в которую входят затраты на прокладку водопровода и канализации, работы по благоустройству и так далее. Из этого исключается стоимость санитарно-технического и кухонного оборудования, балконов, веранд, встроенных шкафов, антресолей, — словом, всех элементов, которые могут быть разными в различных типах квартир. Оставшаяся сумма, в которую входят затраты на устройство лестничных клеток, лифтов, мусоропроводов, делится на общую полезную площадь дома в целом. Так определяется единичная стоимость площади, то есть стоимость одного квадратного метра площади дома. После этого полезная площадь квартиры каждого типа умножается на единичную стоимость. К полученной основной строительной стоимости квартиры каждого типа добавляются затраты, связанные с устройством ванных комнат, уборных, установкой сантехприборов и кухонного оборудования, а

также затраты на устройство балконов, веранд, встроенных шкафов для тех квартир и в тех объемах, которые предусмотрены в проектах.

Каждый член кооператива обязан внести правлению ЖСК до начала строительства дома не менее 40 процентов полной стоимости строительства квартиры. Членам кооперативов, расположенных в населенных пунктах краев и областей, определенных постановлением Совета Министров СССР от 19 ноября 1964 года № 943, по просьбе профсоюзов, предприятий и организаций, исполкомы местных Советов могут снизить первоначальный взнос до 30 процентов. Остальная часть пая вносится членом кооператива в сроки, предусмотренные обязательством кооператива по погашению государственного кредита.

Сметная стоимость строительства кооперативных жилых домов определяется по ценам, нормам, тарифам и единичным расценкам в порядке, установленном Госстроем СССР. Кооператив может пользоваться кредитом Стройбанка СССР. Для этого он должен заключить с организацией Стройбанка СССР договор о предоставлении кредита в соответствии с Правилами кредитования кооперативного жилищного строительства.

Исполком Совета депутатов трудящихся не позднее месячного срока после подачи правлением кооператива заявления обязан вынести решение об отводе земельного участка для строительства жилого дома. Все работы, связанные со строительством домов ЖСК, должны производиться государственными проектными и строительными организациями по нормам, ценам и в сроки, установленные для государственного жилищного строительства.

Все вопросы, связанные со строительством кооперативного жилья, должны решаться общим собранием членов кооператива. Правление ЖСК представляет на его рассмотрение и утверждение свои предложения. В них должны быть рекомендации, касающиеся проекта и выбранного района строительства, проектной стоимости как домов, так и отдельных типов квартир. Проектное задание на строительство со сводным сметно-финансовым расчетом после согласования с исполкомом и строительной организацией также должно быть утверждено общим собранием. Когда дом принимается в эксплуатацию, в состав рабочей и государственной комиссии обязательно входит представитель ЖСК.

Но вот Государственная комиссия приняла дом с условием, что строители должны устранить недоделки и дефекты в срок, установленный актом комиссии. Однако случилось так, что недоделки в ука-

занный срок не были устранены. Какие возникают последствия в связи с этим?

Пункт 62 «в» правил о договорах подряда на капитальное строительство определяет штраф в размере 100 рублей за каждый день задержки устранения недоделок, допущенных строителями, против сроков, предусмотренных государственной приемочной комиссией. Штраф подлежит взысканию независимо от количества недоделок и дефектов до их полного устранения. А устранить их обязаны генеральный подрядчик и организации, производящие монтажные и специальные строительные работы.

Важным вопросом для ЖСК является порядок и сроки распределения квартир между членами кооператива. Такое распределение проходит на общем собрании только после принятия в члены ЖСК всех лиц и должно быть приурочено к моменту внесения кооперативом в банк собственных средств в размере 40 процентов стоимости строительства. По окончании строительства исполком местного Совета депутатов трудящихся выдает ордера на заселение кооперативной площади в соответствии с утвержденными общим собранием пайщиков списками. Каждому члену кооператива, внесшему вступительный и паевые взносы, предоставляется, в соответствии с размером его пая и количеством членов семьи, в постоянное пользование отдельная квартира жилой площадью не более 60 квадратных метров. Член ЖСК имеет право с согласия общего собрания передать свой пай и право пользования предоставленным ему помещением только родителям, супругу или детям, если они до этого пользовались указанным помещением совместно с членом кооператива. Данный перечень лиц — исчерпывающий и не может быть расширен. Следует особо отметить, что на членов ЖСК не распространяется норма закона, согласно которой право пользования жилым помещением за отсутствующими сохраняется лишь в течение шести месяцев. Право на квартиру за членом ЖСК или членом его семьи сохраняется, сколько бы времени он ни отсутствовал. На кооперативные квартиры не распространяются также правила об изъятии излишков жилой площади и повышении платы за нее.

Обслуживание жилищного фонда и территории домовладений кооператива может осуществлять либо сам ЖСК, либо жилищно-эксплуатационные конторы исполкомов Советов депутатов трудящихся или жилищно-коммунальных отделов, или домоуправления предприятий и организаций. Это обслуживание выполняется на договорных началах с оплатой кооперативом расходов на условиях, установленных для домов государственного жилищного фонда. К сожалению, до сих пор еще имеются случаи, как это было, например,

в Саратове, когда отдельные ЖСК установили оплату эксплуатационных расходов поровну за каждую квартиру независимо от ее размера. Это неправильно. Размер взносов на содержание и эксплуатацию домовладений устанавливается в каждом кооперативе решением общего собрания пайщиков, исходя из сметы эксплуатационных расходов на соответствующий операционный год и с учетом того, какая часть расходов приходится на один квадратный метр жилой или полезной площади. Вопрос о том, на какую площадь — жилую или полезную — следует начислять эксплуатационные расходы, также решает собрание. Все эксплуатационные расходы, которые приходятся на пайщиков (эта сумма остается после вычета денежных поступлений, полученных от арендаторов нежилых помещений), делятся на 12 месяцев, а затем делятся на количество квадратных метров жилой или полезной — в зависимости от решения общего собрания пайщиков — площади дома. Полученную цифру умножают на соответствующее количество метров в отдельных квартирах. В результате получают ту сумму, которую должен возместить каждый из членов кооператива. Член ЖСК может добровольно, по своему заявлению, выйти из кооператива в любое время: как до начала и во время строительства, так и после его окончания, и во время эксплуатации дома. Когда пайщик выбывает из жилищного кооператива, ему возвращают паевой взнос, но за вычетом определенной суммы за износ квартиры. И здесь существует следующий порядок. При расчете с выбывающими из ЖСК и вновь вступающими в него гражданами кооперативы не должны иметь ни доходов, ни убытков. Стоимость пая возвращается выбывающему члену кооператива после того, как вновь принятый внес свой пай. Пока пайщик состоит в кооперативе, его паенакопление остается неизменным, но в бухгалтерских документах производится ежегодный расчет износа квартиры (по нормам амортизационных отчислений на полное ее восстановление). Когда же пайщик выбывает из ЖСК, его пай уменьшается на сумму износа. Вот почему в итоге ему возвращают паевой взнос за вычетом этой суммы. Равнозначный по размеру паевой взнос (балансовую стоимость квартиры) должен внести вновь вступающий член кооператива.

В том случае, когда ЖСК получил государственный кредит на строительство дома и еще не погасил его, весь расчет по возврату и внесению паевого взноса ведется исходя из той суммы, которая фактически составляет паенакопление выбывающего члена кооператива.

С выбывающим членом ЖСК могут быть произведены и другие

расчеты, например по его задолженности в фонд капитального ремонта. Но нового пайщика они не касаются.

Член кооператива может быть исключен из ЖСК лишь по решению общего собрания большинством две трети голосов, если он не подчиняется Уставу жилищно-строительного кооператива, не выполняет обязательств, установленных общим собранием членов кооператива; при систематическом разрушении и порче жилого помещения; при систематическом нарушении правил социалистического общежития, что делает невозможным для других совместное проживание в одной квартире или доме, когда меры предупреждения и общественного воздействия оказались безрезультатными.

Исключенный из кооператива выселяется из дома в судебном порядке со всеми проживающими с ним лицами без предоставления другой жилой площади. Балансовая стоимость паенакопления ему возвращается.

В случае исключения члена кооператива за невозможностью совместного с ним проживания квартира остается в пользовании проживавших с ним членов семьи при условии, что один из них вступит в члены кооператива.

Член ЖСК, как правило, не может состоять одновременно в другом жилищно-строительном кооперативе. Однако если он нуждается в улучшении жилищных условий, то в виде исключения может быть принят в другой ЖСК. В этом случае он должен одновременно выполнять обязанности и пользоваться правами, предусмотренными Уставом, в двух кооперативах на период строительства нового дома. Получив ордер на квартиру в другом кооперативе, он должен быть исключен из ЖСК по прежнему месту жительства. Член его семьи, оставшийся на кооперативной площади по прежнему месту жительства, имеет преимущественное право на вступление в данный кооператив.

Член кооператива имеет право, с разрешения исполкома местного Совета депутатов трудящихся, производить обмен занимаемого им жилого помещения на другую жилую площадь при условии приема в члены кооператива гражданина, обменивающего эту жилую площадь, с соблюдением правил, установленных Уставом ЖСК, за исключением требования о постоянном проживании в данной местности. Не разрешается обмен жилого помещения, являющегося личной собственностью, на кооперативную квартиру.

При обмене одной кооперативной жилой площади на другую равные суммы паенакоплений взаимно передаются. Разница в паенакоплениях должна быть внесена вновь принятым в соответствующий кооператив, а выбывающим — получена от этого кооператива.

Член кооператива вправе сдать жилую площадь полностью или частично внаем с согласия правления кооператива. Размер платы при этом не может превышать взимаемой с самого члена кооператива суммы, необходимой для покрытия эксплуатационных расходов на сдаваемое жилое помещение. Все спорные вопросы, связанные с заключением договора найма, разрешаются в судебном порядке.

Пай умершего члена кооператива переходит к его наследникам в установленном законом порядке. С разрешения исполкома Совета депутатов трудящихся общее собрание вправе принять в кооператив нескольких наследников при условии, что для каждого из них в квартире может быть выделено изолированное жилое помещение и при соблюдении требований, установленных Уставом ЖСК. Наследникам, не пользовавшимся квартирой при жизни пайщика, а также отказавшимся от дальнейшего пользования квартирой, кооператив выплачивает стоимость наследуемого ими пая или его доли. Члены семьи, не являющиеся наследниками, но проживавшие совместно с пайщиком и имевшие общее с ним хозяйство, сохраняют право дальнейшего пользования занимаемой жилой площадью в случае вступления одного из наследников в члены кооператива. Если наследники откажутся от вступления в кооператив или если наследников не окажется, указанные члены семьи умершего имеют право на вступление в члены кооператива с внесением пая, соответствующего занимаемой квартире или комнате.

Все вопросы производственной, хозяйственной и финансовой деятельности кооператива решаются на основе самой широкой демократии самими пайщиками на общих собраниях членов кооператива или через выборные органы управления: правление кооператива и ревизионную комиссию, подотчетные общему собранию. На исполкомы местных Советов депутатов трудящихся возложен контроль над тем, чтобы решения общих собраний, правлений и ревизионных комиссий не противоречили действующему законодательству.

ПРАВО, КРАСОТА И КАЧЕСТВО

Авторское право... Оно привычно ассоциируется у нас с творчеством в литературе, искусстве, архитектуре, изобретательстве. Но мало кто знает, что оно распространяется и на художников, работающих в технической эстетике, иначе говоря — дизайнеров. От их разработок во многом зависят качество, потребительские свойства, удобство в эксплуатации и внешний вид изделий промышленного и культурно-бытового назначения. Вот почему эта область творчества получила в нашей стране широкое распространение. Успешно работают Всесоюзный научно-исследовательский институт технической эстетики (ВНИИТЭ) и его филиалы в республиках и городах Союза, специальные художественно-конструкторские бюро (СХКБ) при министерствах и ведомствах. Их задача — всемерно содействовать повышению качества продукции и эффективности производства. Наш корреспондент Я. Шестопал встретился с директором ВНИИТЭ Юрием Борисовичем Соловьевым. Тема беседы — правовые проблемы художественного конструирования.

— Юрий Борисович, нас прежде всего интересует нынешний статус дизайнеров. Разумеется, не тех, кто работает в специальных художественно-конструкторских организациях — тут дело ясное, а тех, кто трудится на обычном предприятии, в обычном КБ. Ведь, помнится, еще несколько лет назад они числились там кем угодно, но только не по своей действительной должности. Уже не говоря о том, что подобный камуфляж сам по себе противозаконен, он к тому же приводил к почти полному бесправью дизайнера именно в той

области, где ему должно было принадлежать решающее слово, либо к использованию его также и на работах, не имеющих отношения к избранной профессии.

— По идее этого уже нет. Художественное конструирование все больше и больше пробивает себе дорогу во многих отраслях производства, а значит, на вполне законных основаниях приходят туда и специалисты этого дела. Теперь, если директору завода, фабрики, объединения, КБ нужны дизайнеры, он может поставить вопрос перед руководством министерства или ведомства и получить необходимые ему единицы. Причем под своей, так сказать, «фамилией».

— Но тогда почему вы начали свой ответ со слов «по идее»?

— Потому что на пробивание этих самых «единиц» уходит порой слишком много времени. А руководителю предприятия некогда ждать. Ему надо срочно обновить выпускаемую продукцию — и по техническим параметрам, и по эстетическим. Да чтобы она была удобна в эксплуатации или обладала рядом важных потребительских свойств да претендовала на Знак качества, а то и была конкурентоспособной на внешнем рынке. Тут без дизайнера не обойдешься. Вот его и берут на любую должность в ожидании, пока идущая по инстанциям бумага обрстет нужными ей визами и задним числом узаконит правовое положение работника. Но иногда и вовсе никуда не пишут. Зачем лишние хлопоты? Тем более что художники-конструкторы — люди своенравные, свои взгляды отстаивают рьяно. С ними потом мороки не оберешься. Так уж лучше держать их на неопределенных ролях — будут покладистей и сговорчивей.

Я не хочу сказать, что сплошь и рядом наблюдается подобная картина. Отнюдь. Но наблюдается. И даже если факт единичный, даже если речь идет об одном-единственном изделии, выпускаемом или проектируемом, вред от такого подхода к творчеству дизайнера немалый. Поэтому, думается, настало время издать нормативный документ, в котором были бы четко и ясно обозначены права и обязанности дизайнера и столь же четко указано, где, в каких отраслях производства, в каких КБ, объединениях, на каких заводах и фабриках он должен непременно числиться в штатном расписании. И еще необходимо разработать положение об СХКБ и других подобных им организациях, занятых художественным конструированием. Тогда не будет разнобоя в оценке их деятельности, не будет двусмысленностей в правовом положении как самих бюро, так и отдельного специалиста.

Кстати, о специалистах. Не секрет, что их пока не хватает. Высшие учебные заведения готовят значительно меньше дизайнеров,

чем требуется. Спрос, естественно, большой, а есть спрос — есть и предложения. За эту работу нередко берутся инженеры, конструкторы, архитекторы, даже графики, скульпторы. Хорошо, если такой человек хоть немного пытается вникнуть в технические и экономические особенности производства или, на худой конец, найти общий язык с производителями. А коль всего этого нет, коль место занято несведущей посредственностью? Тогда не приходится ждать и хороших результатов подобного творчества. Малейшая ошибка в образце умножается на десятки тысяч, а иногда и миллионы экземпляров.

Спору нет, при таком дефиците на дизайнеров совсем неплохо, если эти должности занимают художественно и технически одаренные люди, так сказать, из смежных областей...

— Но как определить соответствие занимаемой должности?

— Аттестацией, правомочность и необходимость которой следует закрепить законодательно. Между прочим, есть и соответствующий опыт, например в ГДР, где дизайнеры, работающие в промышленности, периодически проходят аттестацию.

— Юрий Борисович, вы только что упомянули о том, как дорого может обойтись ошибка или неточность в дизайнерской работе. Но возможен ли иной вариант: скажем, художник-конструктор вложил в свое создание все умение, весь талант, оно с восторгом принято в производство, а при тиражировании весьма и весьма отличается от «первозданного» образца? Ведь чаще всего дизайнер трудится в одном месте, а его детище изготавливается совсем в другом.

— Я понял ваш вопрос. Он относится к области авторского права, или, точнее, к праву на осуществление авторского надзора. Должен сразу сказать: с этим дела обстоят плохо. По сути, художник-конструктор как автор почти незащищен. Никому не придет в голову выкинуть без ведома писателя главу из его романа, «подрисовать» в картине художника, допустим, усы одному из персонажей. Или возьмите строительство. Без ведома архитектора невозможны даже малейшие изменения в проекте. Да что там в проекте! Попробуйте без архстройконтроля установить в здании столетней давности кондиционер, если при этом требуется элементарная перепланировка помещения. А вот с дизайнерской разработкой вольно делать что угодно: менять окраску и форму, добавлять новые детали и убирать имеющиеся. И заметьте: все это не в первоначальном проекте, не в предварительных вариантах, а в проекте всесторонне обсужденном, согласованном всеми заинтересованными организациями, окончательно принятом к производству.

Причем процесс согласования и принятия изделия, прошедшего

через руки дизайнеров, не так прост. Тут возникает масса противоречивых, порой взаимоисключающих условий, которые ставят, с одной стороны, предприятия, а с другой — дизайнерские организации. Первым приходится считаться с большим комплексом эстетических требований к изделию, вторым — с условиями производства, его технологическими, экономическими, даже сырьевыми возможностями. Значит, поиски единственно верного, единственно качественного решения, удовлетворяющего все «высокооговаривающиеся» стороны, при обязательном учете интересов потребителя, проходят через споры и компромиссы к полному взаимному согласию. Наконец собраны все мнения, все визы, проект утвержден всеми необходимыми подписями. Намечен завод-изготовитель. Там тоже проводят огромную подготовительную работу, прежде чем начинают массовый выпуск изделия. И вот оно — создание разных специалистов. Не знаю, как другие, а дизайнеры часто хватаются за голову, ибо не узнают многого из того, чему отдали столько сил, энергии, ума.

Примеры? Пожалуйста. Несколько лет назад отдел художественного конструирования изделий машиностроения и приборостроения Ленинградского филиала ВНИИТЭ разработал для оренбургского завода «Гидропресс» гамму одностоечных гидравлических прессов, которая заказчиком была принята. Подчеркиваю: принята. И без оговорок.

Одного беглого взгляда на предложенный образец и внедренное изделие достаточно, чтобы убедиться, насколько пренебрежительно отнеслось предприятие к авторскому праву. Я уже не говорю о невыразительности форм пресса, о перегруженности его станины многочисленными разнохарактерными деталями, чего не было в согласованном проекте. Ладно, это может кое-кому показаться не столь уж важным. Но в том-то и беда, что игнорирование эстетических принципов художественного конструирования сплошь и рядом ухудшает конструкцию технически, отрицательно сказывается на эксплуатации пресса. Вот и в данном случае неоправданное перемещение манометра выталкивателя и рукоятки регулировки его хода крайне затрудняет работу оператора, который быстрее устает. А вертикальная лицевая плоскость нижней консоли практически не позволяет трудиться сидя. Пульты и рукоятка ручного управления, выступающие над плоскостью подштамповочной плиты, не только мешают устанавливать необходимую оснастку, но и могут ее повредить. Дизайнеры же, руководствуясь требованиями эргономики (науки, занимающейся исследованиями системы «человек — машина» и стремящейся создать наилучшие условия для работы), при проектировании пресса исходили именно из этого. Они хотели максимально облегчить

труд оператора, создать все удобства для наладки, эксплуатации и ремонта станка.

Нечто подобное получилось с автоматом газированной воды для промышленных предприятий Перовского завода торгового машиностроения. Разработку вели в Московском СХКБ Министерства машиностроения для легкой и пищевой промышленности и бытовых приборов СССР. Как внешне, так и в компоновке конструктивных деталей промышленный образец, предложенный дизайнером, существенно отличается от того, что создали в итоге на предприятии. И опять пострадает от этого потребитель: не вдаваясь в другие подробности, отмечу только, что автоматом в нынешнем его виде пользоваться труднее, да и времени на это уходит больше.

Я привел два примера, а мог бы привести еще множество, из которых нетрудно уяснить, что «усовершенствование» согласованного и принятого проекта изделия ухудшает его эстетические, эргономические, экономические, потребительские качества, да и технические тоже. Между прочим, в случае с Перовским автоматом комиссия по качеству как раз и дала отрицательное заключение.

Фактов таких множество, так что, если продолжить их перечисление, боюсь, интервью будет состоять только из них. Отмечу лишь, что самоуправное внесение изменений или превратное толкование роли технических специалистов в создании изделия приводит порой и к противоправным действиям.

— Признаться, не улавливаю связи...

— Сейчас поясню. Еще в 1965 году был принят нормативный акт о правовой защите промышленного образца. Им считается новое, пригодное к осуществлению промышленным способом художественное решение изделия, в котором достигается «единство технических и эстетических качеств». Такой промышленный образец подлежит государственной регистрации и правовой охране. В зависимости от обстоятельств Госкомитет Совета Министров СССР по делам изобретений и открытий выдает на него либо свидетельство, либо патент. Авторам, получившим свидетельство, полагается вознаграждение при условии, если изделие внедрено в производство. А кто платит? То предприятие, которое первым внедрило промышленный образец, иначе говоря — заказчик. Предусмотрено также, из каких средств: из тех, которые заложены в смету на изобретательство и рационализацию. И вот тут-то и начинаются чудеса с внесением изменений в принятый заказчиком промышленный образец. Местная «дизайнерская» самодеятельность позволяет, таким образом, отказать в выплате вознаграждения либо попросту тянуть волюнку — авось авторы устанут воевать. Тем более что и подходящая ссылка нахо-

дится: смотрите, как отличается наше серийное изделие от промышленного образца. За что же платить?

Так отсутствие действенного авторского контроля приводит еще и к ущемлению прав дизайнеров.

А бывает, что и набиваются в соавторы: дескать, и мы свое внесли. Но тут уж дело совести. Порой же вполне искренне претендуют на роль участника художественно-конструкторской разработки. Споры доходят до того, что иногда решать их приходится народному суду. Любопытное в этом отношении дело слушалось в Горьком.

Фабула его такова. При разработке плавучей электростанции «Северное сияние» группой горьковских конструкторов было найдено оригинальное дизайнерское решение внешнего вида судна. В соответствии с законом группа работников бюро — авторов проекта подала заявку на промышленный образец и получила свидетельство. Когда построили головной образец и заводу-изготовителю было подготовлено письмо о выплате в связи с фактом внедрения авторского вознаграждения, проектировщики затеяли теоретический спор, в основе которого лежало желание истолковать понятие «промышленный образец» не как художественное решение внешнего вида судна, а как техническое решение судна в целом. И в связи с этим была предпринята попытка расширить круг авторов, включив в него некоторых руководителей или тех, кто непосредственно участвовал в разработке различных чисто технических узлов. При этом новых «соавторов» даже не смущало то обстоятельство, что художественный проект плавучей электростанции предшествовал техническому и был утвержден несколькими месяцами раньше. Потребовалась серьезнейшая работа народного суда с привлечением многих экспертов, чтобы отменить незаконные притязания.

— Но, Юрий Борисович, вы сами только что цитировали положение о промышленном образце, в котором как раз и делается упор на достижение единства «его технических и эстетических качеств».

— Вы хотите сказать, что сама формулировка дает повод для двояких толкований? Не возражаю, дает. А коль так, то она требует уточнений, дополнительной расшифровки, возможно — изменений. Ведь принимали ее в 1965 году, когда техническая эстетика, дизайн еще только входили в силу, делали первые шаги и подготовка нормативных актов больше опиралась на умозрительные выкладки, нежели на творческий опыт. Если говорить откровенно, то и ВНИИТЭ приложил к ним руку. Однако это не мешает нам сегодня, с учетом прошлого, утверждать: кое-что в них явно устарело, нуждается в пересмотре.

— Скажите, а не возникают споры о сумме вознаграждения?

— Возникают, потому что и в этой части положения нет ясности. Размер гонорара зависит от категории сложности созданного изделия. Их пять. Если оно подпадает под первую категорию, куда входят, к примеру, посуда, слесарно-монтажный инструмент, можно получить до ста пятидесяти рублей, под пятую (самолеты, автомобили, суда) — до пяти тысяч. А в промежутке есть еще мебель, светильники, пылесосы, велосипеды, ЭВМ, холодильники, мотоциклы, подпадающие под иную степень сложности и, значит, — иные расценки. Но, во-первых, в списке поименовано всего с два десятка видов изделий, а другие значатся под «и т. п.». Поэтому не известно, к какой степени сложности отнести, скажем, телефон, радиоприемник, автодиолку. Вот и возникают дискуссии. Во-вторых, спорно само распределение той или иной продукции по этим пяти категориям. Иногда спроектированная дизайнером вещь числится в «легких», а по справедливости ее следовало бы считать самой трудной. На наш взгляд, настала пора выработать более объективные критерии оценки, может быть, какие-то строго научные коэффициенты, которые позволили бы избежать субъективности и своеволия. Не секрет же, что заказчики предпочитают в целях экономии платить меньше и часто берут цифру гонорара «с потолка». И опять рассудить их с авторами приходится суду.

— А бывает ли, что заказчик принял дизайнерский проект, утвердил его, но по каким-либо причинам прячет под сукно — не хочет переходить на выпуск новой продукции, ибо неплохо пока идет старая, возникли трудности с сырьем, а то и вовсе заметили невыгодности перестройки производства? Невыгодность для себя, а не для общества.

— К сожалению, бывает. Случается, даже изготовят изделие в одном экземпляре, заплатят авторское вознаграждение, и на этом все кончается: художественно-конструкторская разработка, на которую потрачено много сил и средств, попадает не на заводской конвейер, а на пыльную полку. И никто не может ею воспользоваться. Право заказчика — ничего не напишешь... Он вроде собственника.

Правильно ли это? Безусловно нет! В условиях социалистического производства не должно быть места расточительному принципу «сам не гам и другому не дам». Надо законодательно обязать заказчика, не внедрившего принятый им проект, вернуть все материалы в художественно-конструкторскую организацию, чтобы им могли воспользоваться другие предприятия, в чьей номенклатуре, может быть, числится данное изделие. И пусть тот, кто так бесхозяйственно, бездумно отнесся к своему заказу, понесет материальные убытки, пусть

они скажутся на его экономическом положении. Это, с одной стороны, послужит стимулом для внедрения, а с другой — не даст «усохнуть на корню» перспективному, нужному изделию.

— Мы с вами, наверное, не исчерпали всех вопросов правового обеспечения художественного конструирования?

-- Конечно. Да это и невозможно в одной беседе. Можно лишь вскользь упомянуть о некоторых важных проблемах: где защищать проект — надо у заказчика, а происходит у исполнителей. Кому выносить решение о эстетических достоинствах изделия — Госкомитету по делам изобретений и открытий, где нет достаточно квалифицированных специалистов, или художественным советам отраслевых СХКБ? Кому быть арбитром в случае разногласий? Патентование за границей. Кто должен этим заниматься? Ведь случилось же так, что разработанный ВНИИТЭ лет десять назад проект такси, причем в виде уже опытного образца, не был защищен за рубежом, и теперь точную копию его выпускает шведская фирма «Вольво», а фирма «Альфа-Ромео» показывает аналогичный «свой» проект в музее современного искусства в Нью-Йорке. Выходит, перспективная получилась модель, если ее сочли возможным скопировать столько лет спустя.

Словом, роль дизайнеров в повышении качества продукции и эффективности производства весьма заметна. Как и другие труженики, они призваны внести свой вклад в решение задач новой пятилетки. И он станет тем заметней, чем четче будут определены их правовое положение, их обязанности перед обществом.

**ПИСЬМА
С КОММЕНТАРИЯМИ
И БЕЗ**

**ОБМЕН МНЕНИЯМИ,
ДИСКУССИИ**

*что сделано по вашим
письмам*

**РАССКАЗЫ О ЛЮДЯХ ХОРОШИХ,
СОВЕТЫ ЛЮДЕЙ ОПЫТНЫХ**

**ВСТРЕЧИ НА ЖУРНАЛЬНЫХ
СТРАНИЦАХ**

**РЕПОРТАЖИ ИЗ
ЗАЛА СУДА**

собеседник

ЩЕДРОСТЬ

После шумных центральных улиц этот крохотный переулок на самой окраине Ташкента кажется удивительно тихим. За глиняными дувалами разрослись урючины и яблони, буйно вьется, образуя густые зеленые шатры, виноград. В арыке, бегущем вдоль домов, весело журчит вода. Эту картину, больше подходящую для села, нежели для большого города, дополняет стайка ребятишек, играющих прямо на улице.

— Вы чьи же будете?

— Шомахмудовых...

Перевожу взгляд с одного ребячьего лица на другое и невольно удивляюсь: до чего же они разные. Вот этот, крутолобый, со стриженной головой — точно, узбек. Девочка, что рядом с ним, со светлыми косичками и мягким отливом серых глаз, по всему видно — русская. А широкоскулый паренек с узким разрезом глаз напоминает татарина. И только познакомившись с удивительной историей, случившейся много лет назад на этой маленькой окраинной улице, начинаешь понимать, почему эти так внешне не похожие друг на друга мальчишки и девчонки объединены родством.

Мирно играют на залитой щедрым азиатским солнцем улочке босоногие ребятишки. Дети тех, кого в далекие, полные невзгод военные годы обогрели двое удивительных советских людей — Шоахмед Шомахмудов и Бахри Акрамова...

Смена закончилась, когда совсем стемнело, — так уж повелось с самого начала войны. Перестали скрипеть мехи. Угли, горевшие только что ярким оранжевым пламенем, постепенно начали тускнеть, покрываясь темной окалиной. Шоахмед отложил в сторону молот. Невысокий, сухощавый, внешне он мало напоминал кузнеца. И тем не менее почти всю свою взрослую жизнь он провел у кузнечного горна, а в его коротких жилистых руках таилась огромная сила. Но даже он, привыкший к тяжелому труду, чувствовал, что крепко

сегодня устал. Шутка ли — почти двенадцать часов не выпускал из рук молота. От напряжения в теле ныла каждая жилочка.

Но прежде чем пойти домой, Шоахмед по давней привычке заглянул в чайхану. Под старым тутовником, возле небольшого водоема, собрались в кружок старики. Раздвинулись, давая ему место. Кто-то поднес пиалу с чаем Шоахмед прислушался. Тема разговоров последнее время единственная: война. Новости невеселые: немцы наступают. И даже сюда, в далекий Ташкент, долетает ее тяжелое грозное дыхание. В их махаллю пришла еще одна похоронка. Третья за этот месяц. Город переполнен беженцами из оккупированных областей. Вчера пришел еще один эшелон с осиротевшими детьми. Люди говорят: жалко было на них смотреть — так намаялись за время долгого пути. Ушедший в свои мысли Шоахмед встрепенулся. Дети! Он не мог без боли в сердце думать о них. Тому была веская причина. На своей Бахри Шоахмед женился по любви, и, казалось, все предвещало счастливую семейную жизнь. Но беда подстерегала там, где они меньше всего ее ожидали: у них не было детей. К чести обоих, ни тот, ни другой не корили друг друга, жили в мире и согласии, хотя где-то в глубине души и сознавали, что для полного жизненного благополучия им все-таки недостает ребятишек.

— А где разместили привезенных детей? — спросил он.

— Говорят, в детском доме, что на Ассакинской.

Вернувшись домой, Шоахмед прямо с порога выпалил Бахри новость насчет эшелонов с сиротами. В эту ночь оба долго не могли уснуть, думая об одном и том же: они вот тоскуют по ребячьим голосам, а где-то есть дети, которые сейчас больше всего нуждаются в родительском внимании и заботе.

Следующий день был воскресный, и не надо было идти на работу. Но Шоахмед поднялся чуть свет и начал собираться. Бахри ему помогала — за годы совместной жизни они научились понимать друг друга с полуслова.

Ехать Шоахмеду пришлось через весь город.

Низкое продолговатое здание, крашенное в желтый цвет, встретило его глухим непрекращающимся гулом. Женщина средних лет с утомленным лицом, директор детского дома, не удивилась просьбе Шоахмеда. Только спросила:

— Кого бы вы хотели взять?

— Сына.

Директор одобрительно кивнула головой. Затем вызвала какую-то женщину, судя по всему, воспитательницу.

— Проводите товарища. Кто ему приглянется — отдайте. После этого оформите все документы.

«У нас не будет сирот!» — под таким заголовком был помещен снимок в «Фото-газете» в 1943 году, где Бахри и Шоахмед сняты с ребяташками, которые первыми пришли в их семью. Эти слова прозвучали как призыв в то трудное военное время, когда в Узбекистан прибывали эшелоны с осиротевшими детьми.

Воспитательница провела Шоахмеда длинным узким коридором и открыла одну из дверей. Он перешагнул порог и остановился с сильно бьющимся сердцем. В большой комнате было около тридцати детей. Все они разом повернулись. Шоахмеда особенно поразило выражение их глаз, в которых застыла недетская усталость. Никто не сделал ни шага, ни движения вперед, они просто смотрели и ждали. Наверное, догадывались, зачем он пришел... С первого шага в комнату взгляд Шоахмеда остановился на совсем крохотном мальчугане, сидевшем в самом дальнем углу. Среди остальных детей он выделялся худобой: тоненькие ручки, тоненькие ножки и неестественно огромные глаза на исхудавшем лице.

— Вот этого.

— Понимаете, у него очень плохое здоровье...— начала было воспитательница, но Шоахмед перебил ее:

— Потому я и хочу взять именно его. Ничего, выходим.

Он сделал несколько шагов, взял мальчика на руки. Остальные дети по-прежнему молчали, внимательно следя за ним. И, торопясь уйти от этих словно укоряющих его взглядов, поспешил к двери. Он уже вышел вместе с воспитательницей в коридор, как вдруг почувствовал, что кто-то его дергает:

— Дяденька! А дяденька!

Шоахмед обернулся и увидел еще одного карапуза. Вцепившись в его одежду так, что косточки рук побелели, тот заговорил горячо и сбивчиво:

— Дяденька, заберите меня тоже! Я буду послушный! Буду помогать вам!..— и вдруг расплакался горько и безутешно.

Все так и перевернулось в душе Шоахмеда. Опустившись на корточки, он погладил малыша по торчащим в разные стороны вихрам и сказал, сам с трудом удерживая дрожь в голосе:

— Ну, что ты! Зачем же плакать? Я возьму и тебя. Завтра приду и возьму! Только ты не плачь.

— А вы не обманете?

— Честное слово, приду!

В канцелярии, когда были заполнены бумаги, Шоахмед сказал:

— Заполняйте и на второго,— и, встретив недоумевающий взгляд воспитательницы, добавил: — Да-да, я возьму и того. Ведь я же ему дал честное слово!

Маленький Нигмат, так называли первенца, и в самом деле был настолько слаб, что в первое время серьезно опасались: выживет ли? Обеспокоенная Бахри не отходила от него. Всячески подкарм-

ливала, лечила известными ей с детства народными средствами. Услышала как-то, что в таких случаях полезно сливочное масло. Продукт по скудным военным временам просто редчайший. Но разве могло это удержать ее и Шоахмеда? Продали кое-что из домашних вещей и за огромные деньги на базаре купили полкило драгоценного масла. Медленно мальчик возвращался к жизни. И в доме стал большим праздником тот день, когда он впервые рас- смеялся.

— Ничего-о! — сказал Шоахмед. — Богатырем вырастет!

После работы кузнец возвращался в приподнятом настроении: дома его ожидали двое сыновей.

Но рядом с этой радостью в сознании Шоахмеда тяжелым неизбывным грузом сохранялось горькое воспоминание о худых детских лицах, тоскующих глазах, смотревших на него, когда он увел сначала одного, потом другого мальчика. Кузнец понимал, что не будет чувствовать себя спокойно, пока не сделает все от него зависящее, чтобы хоть как-то уменьшить случившуюся с ними беду. Когда Шоахмед поделился с женой мучащими его мыслями, она сказала просто:

Прошло совсем немного времени — и семья Шоахмудовых выросла. Хоть и приходилось трудно, но жили дружно. На этом снимке, взятом из семейного архива, приемные дети Бахри и Шоахмеда — за обеденным столом.

— Давай усыновим еще двоих ребятшек.

Вновь отправился Шоахмед в детский дом. На этот раз он привел оттуда четырехлетних украинца Сашу Бунина и татарина Мишу Ярулина. Не успели прожить в доме несколько дней, как Шоахмед заметил, что оба вроде бы загрузили. Стал осторожно выспрашивать: в чем дело? Ребята долго мялись, а потом выложили все начистоту. Оказывается, в детдоме было трое неразлучных друзей: Саша, Миша и Федя Кульчиковский. Двоих-то взяли, а третий остался. Обнял Шоахмед ребятшек и сказал, что они с Бахри, конечно же, возьмут и Федю.

Смугловатый курчавый мальчик с грустными глазами, узнав, что его тоже хотят усыновить, настороженно спросил:

— А вы меня навсегда забираете?

— Конечно, сынок!

— И у меня будет мама?

— Обязательно будет!

Лишь позднее Шоахмед узнал, что эти режущие душу вопросы рождены не просто желанием жить в семье. Пятилетний мальчик за свою коротенькую жизнь успел натерпеться такого, чего бы, наверное, в избытке хватило иному взрослому человеку. Он не помнил, откуда его привезли: то ли из Белоруссии, то ли с Украины. В памяти лишь сохранилось: поезд долго стоял на полустанках, а потом мчался без остановок. Однажды их настигли немецкие самолеты. Бомбы, казалось, падали прямо на голову. Когда бомбежка кончилась, половины состава не было. Наконец вырвались в места, куда еще не докатилась война.

Но даже спустя время, уже находясь в семье Шомахмудовых, окруженный всеобщей заботой и лаской, маленький Федя долго еще не мог избавиться от страшных воспоминаний. Пугаясь тяжелых сновидений, он по ночам вскакивал с постели и кричал не своим голосом. Вспокоенная Бахри прижимала его к груди, гладила жесткие курчавые волосы и мягко утешала:

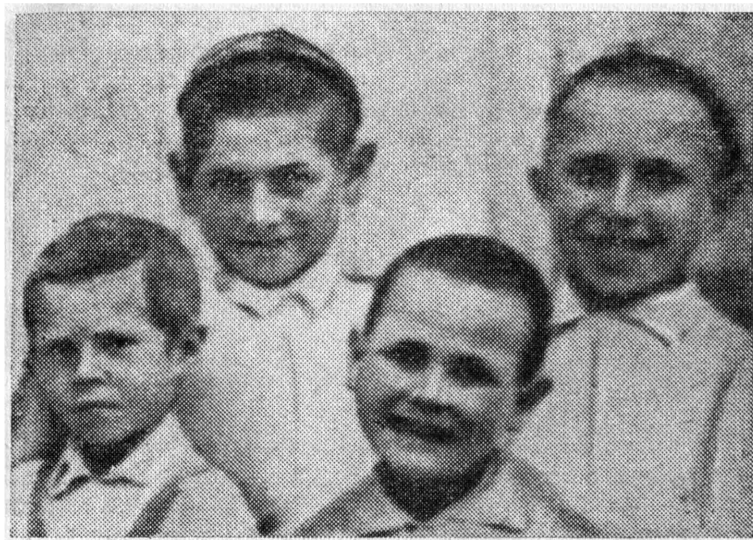
— Успокойся, сынок! Успокойся, милый! Все теперь будет хорошо!..

Старая фотография доносит до нас, какими они были в далеком детстве, когда появились в семье Шомахмудовых. Слева направо: Самуг, Федя-Юлдаш, Нигмат и Саша-Эргаш.

А внизу снимок сегодняшних дней. Один из усыновленных Бахри и Шоахмедом детей Федор Васильевич Кульчиковский, по профессии горный инженер, вместе со своими детьми Наташей и Костей.

Они приходили в дом один за другим — дети, обездоленные войной, измученные невероятными тяготами, которые выпали на их маленькие плечи. Когда уже было шестеро сыновей, Бахри спохватилась: нужно бы и дочку. Пошел Шоахмед за девочкой. Пригласилась ему маленькая быстрая молдаваночка с озорными смыслеными глазами. Посадил он ее на колено.

— Тебя как звать?

— Оля.

— По нашему — Халида. Хочешь быть моей дочкой?

— Хочу.

Тут подскочил мальчик, белобрысый, веснушчатый — и на второе колено:

— А меня зовут Володя!

Глядь, и еще один:

— А меня — Каравой!

Так с ними, троицей, и появился Шоахмед домой. Бахри не удивилась. Только велела ребятишкам получше вымыть руки и садиться за стол. Семья росла. В один из дней в доме появилась Зина, которую ее приемные родители стали называть (как, впрочем, и всех остальных детей) на узбекский лад — Хабибой. Потом — молчаливый и стеснительный Самуг, рослый, но страшно худой двенадцатилетний Рафик, спокойная Муазам, совсем еще крохотная Халима...

По утрам Шоахмед, как обычно, уходил в кузницу, а Бахри обшивала, обстирывала, кормила ребятишек, рассказывала им сказки. За день, бывало, так намается, что к вечеру ног под собой не чувствует. Жилось нелегко. Война кончилась, но мирная жизнь налаживалась с трудом. Продукты по карточкам. В магазинах очередь. Зарплата кузнеца хоть и приличная, но прокормить на нее четырнадцать человек, не считая самих Шоахмеда и Бахри, нешуточное дело. Оба уже позабыли, когда что-то покупали для себя. Все для ребятишек. Зато в школу они у них идут всегда чистенькие, аккуратно одетые, не хуже других. И депутаты горсовета позаботились о многодетной семье. Помогли обзавестись коровой. Появилось свое молоко. Кроме того, ребятишек прикрепили на дополнительное снабжение мясом и хлебом — льгота в те годы немалая. Сразу полегчало.

Из воспоминаний о тех трудных, но по-своему счастливых годах со всей определенностью сохранилось одно: жили дружно. Бахри хоть и поругивала иной раз за разодранные штаны или полученную двойку, но никогда не кричала на ребятишек. А Шоахмед обычно говорил:

— Ну, что же ты, сынок? Разве можно так?

Этого отцовского упрека, сказанного спокойным тоном, дети боялись больше всего.

Затеял как-то Шоахмед во дворе строительство. Все перед этим тужил, что один долго провозится. И совсем забыл про детей, которые к этому времени уже заметно подросли. Начался своего рода семейный хашар — так среди узбеков называется всеобщая помощь: один месит глину, второй подносит кирпичи, третий отважно пробует свои силы в кладке. Общими силами быстро закончили строительство. Весной закладывали виноградник. И опять — все вместе. Потом произошло событие, потрясшее и Бахри с Шоахмедом, и ребяташек. Жила у них девочка Рая. Росла вместе со всеми. И вдруг однажды из сибирского городка приходит письмо: «Прочитала в газете, что среди усыновленных и удочеренных вами детей есть девочка по имени Рая. Так же звали и мою дочку, которую мы потеряли во время эвакуации. Характерная ее примета: небольшой шрамик на затылке...» Подозвала Бахри девочку к себе, посмогрела затылок — и побледнела: неподалеку от уха розовел шрам. Спустя некоторое время мать приехала за Расй. Зная обо всем дети были встревожены и возбуждены. После отъезда девочки с матерью они до самой темноты просидели у калитки. Вернулись в дом, пряча глаза. Кто-то из мальчиков взглянул на Шоахмеда и Бахри и поразился: вид у них был растерянный и несчастный. И, словно поднятые одним порывом, дети все вдруг разом кинулись и молча прижались к ним...

На середине двора росла старая раскидистая урючина. Под ее густой прохладной тенью летом обычно обедали или просто проводили досуг за разговорами. Здесь же решались и все самые важные вопросы семейной жизни.

...На низком столике — горка лепешек. Несколько кистей винограда. В маленьких пиалах стынет зеленый чай. Отхлебнув глоток, Шоахмед произнес:

— Думай, Эргаш! У тебя впереди долгая жизнь, и надо выбрать такое занятие, чтобы не жалеть потом!

А у самого на сердце немного грустно. Подрастают дети и разлетаются из родного гнезда. Самый старший, Рафик, давно ушел из дома. Окончил горный техникум и теперь работает в Ангрене. А Хамидулла — на строительстве. Теперь пришла очередь младших. Вот и собрались на семейный совет, чтобы определить дальнейшую судьбу Эргаша и Юлдаша — так звали в доме Сашу и Федю.

— Я уже выбрал, отец! Ты же знаешь.

Шоахмед кивнул. Конечно, ему хорошо известно, что имеет в виду Эргаш. Еще будучи мальчонкой, он часто забегал к нему в кузницу. Завороженно смотрел на игру огня, на то, как из куска металла рождалась вещь. А потом и помогать потихоньку стал. Уж не тогда ли он пристрастился к нелегкому кузнечному делу. Шоахмед пытливо взглянул на сына:

— Не пожалеешь?

— Нет! Кто-то из нас должен продолжать твою профессию.

Федя, видимо решив последовать примеру брата, заявил:

— Я тоже пойду работать!

— Но ты же хотел учиться,— удивился Шоахмед.

— С учебой пока подожду. Надо работать, помогать вам.

— Э, нет,— вмешалась в разговор Бахри.— Коли надумал учиться, то учись. Смолоду за это дело братья надо. Ты куда надумал поступать-то?

— Как и Рафик, в горный.

— Вот и начинай готовиться к экзаменам.

Материнское слово в таких случаях было последним. За все эти годы Бахри сроднилась с детьми и уже не представляла жизни без них. Она переживала, когда у них что-то не ладилось. Радовалась малейшему успеху. Не получив в свое время образования, с почтением смотрела на книги, по которым учились дети. Как и всякая мать, она хотела, чтобы дети добились большего, чем это удалось ей с Шоахмедом.

Однажды Бахри, как обычно, хлопотала, поджидая ребятишек из школы. Вдруг калитка распахнулась и во двор вбежала взволнованная соседская девчонка, размахивая газетой.

— Бахри-опа! О вас тут напечатан Указ...

Она разволновалась, кинулась было искать очки, но потом, махнув рукой, попросила:

— Да ты читай, доченька! Что там такое?

— Вот здесь!.. Бахри Акрамовой, вырастившей и воспитавшей четырнадцать детей, присвоить звание «Мать-героиня»!..

Остального Бахри не слышала. Комок подступил к горлу, и, не выдержав, она расплакалась. Но это были удивительные материнские слезы — слезы радости...

Об их семье заговорили. На крохотную окраинную улицу началось паломничество. Приезжали из других городов. Иностранцы, посещавшие Ташкент, просили: «Познакомьте с семьей Шоахмудовых!» Шоахмед и Бахри, немного ошеломленные этой неожиданно

свалившейся на них известностью, радушно встречали гостей, отвечали на их многочисленные вопросы. В 1963 году Бахри поехала в Москву на Всемирный конгресс женщин. Потом произошла встреча, которая впоследствии превратилась в крепкую дружбу двух семей, в судьбах которых оказалось много общего.

Артем Акимович Маменко, впервые появившись у Шоахмудовых, казалось, сразу заполнил весь дом своей высокой кряжистой фигурой, громким басовитым голосом, разносившимся по комнатам. Анна Афанасьевна, его жена, росточком пониже, напротив, говорила певуче, чуть растягивая слова. Прежде всего, конечно, разговорились о детях. У Маменко их семь человек. Восьмой погиб на фронте... А все началось еще в двадцатые годы. Когда-то Артем и Аня были лихими конниками, воссали против Деникина и Шкуро. После гражданской войны поженились. Детей не было. Однажды Анна Афанасьевна встретила на улице мальчишку, грязного, оборванного, голодного. Взяла за руку и привела в дом. Так и остался Володя в их семье. Когда началась война, он ушел на фронт. В 1943 году пал смертью храбрых. После этого горестного известия Анна Афанасьевна слегла. Поник и Артем Акимович. А спустя некоторое время с Кубани пришло письмо от земляка, который сообщал о случившейся в их станице беде. Один станичник погиб на фронте. Затем умерла его жена. Осталось четверо детей... Супруги колебались недолго. Артем Акимович поехал и привез всех четверых. Потом в их семье появилось еще трое ребятишек, родители которых погибли во время бомбежек. Сейчас все уже больше.

— Вера живет и работает в Сибири,— рассказывал Артем Акимович.— А Валя — в Казани. Замуж вышла. Двое детей у нее. Валерий, Женья и Юра — все трое служат офицерами.

— А у нас Хабиба поступила на обувную фабрику,— делился новостями Шоахмед.— Каравой работает в Алмалыке шофером.

Уезжая, Артем Акимович и Анна Афанасьевна пригласили Бахри и Шоахмеда в гости, в Москву. Впоследствии между ними завязалась постоянная переписка. И первое, что спрашивали друг у друга: как дети?..

А у детей уже складывалась самостоятельная жизнь. У Феди — Юлдаша было трое детей. Семей обзавелся и Саша — Эргаш. И Нигмат. И Оля — Халида.

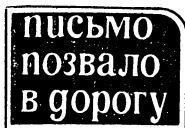
Почти тридцать пять лет прошло с тех пор, как Шоахмед и Бахри взяли на воспитание детей разных национальностей, но до сих пор их подвиг (не побоимся этого громкого слова), удивитель-

ный по своему благородству и щедрости человеческого сердца, волнует и трогает. Наверное, потому, что он продолжается и сегодня. В их детях, ставших взрослыми. В том, что, переняв от родителей лучшие качества, они честно трудятся, живут полнокровной жизнью. И что особенно важно, история Шомахмудовых в республике не единственная. В Кувинском районе живет Мусульманкул Хайдаров. У него узбекские фамилия и имя, а по национальности он — украинец. Павло Гаценко, так его звали в свое время, рано лишился родителей. Беспризорничал. Потом попал в детский дом. А когда началась война, вместе с детдомом судьба занесла его в Среднюю Азию. Здесь его усыновил колхозник Хамракул Хайдаров. Дал ему новое имя и свою фамилию. Отогрел паренька, помог вновь обрести счастье отчего дома. Простая женщина из Пенджикента Бибиойша Бобоколонова в годы войны усыновила десятерых детей. В февральский студеный день 1944 года на вокзале Каттакуртана сошел с поезда Хамит Саматов. После тяжелого ранения на фронте он был демобилизован из армии. И здесь же, на перроне, подобрал беспризорного пятилетнего мальчонку Женю, потерявшего родителей. Пока шли до дома, к ним присоединилось еще трое таких же лишенных крова ребятшек. В последующие дни Хамит привел еще одного ребснка. Потом — еще. Вскоре на попечении вчерашнего солдата было десять детей. И за него, обремененного такой оравой ребятшек, не побоялась выйти замуж Санобар. К усыновленным детям своих шестеро прибавилось. И ничего — всех вырастили, вывели в люди.

Был огромный смысл в этих негромких подвигах, совершавшихся в глубоком тылу, вдали от полей сражений. За годы войны Узбекистан дал кров 200 тысячам эвакуированных детей, многие из которых нашли приют в узбекских семьях. И объяснение всему этому простое: таков советский образ жизни. Человеку, оказавшемуся в беде, всегда будет протянута рука помощи...

ТАШКЕНТ — МОСКВА

М. ИВАНОВ

МИХАИЛ АНДРАША

АВТОРИТЕТ ДИРЕКТОРА

Дорогая редакция!

Обращаюсь к вам потому, что директор совхоза «Сновский» Игорь Семенович Коновалов, используя свое служебное положение, оклеветал и оскорбил меня в приказе № 46 от 13 мая 1976 года. Приказ этот был вывешен на видных местах в трех населенных пунктах совхоза. Люди говорили, что им стыдно было чигать его.

Директор в нем называет меня скандалисткай, шантажисткой и другими оскорбительными прозвищами... Это обидно и горько. Копию приказа прилагаю.

Елизавета П., экономист совхоза «Сновский».

Мы не можем здесь привести целиком приказ директора совхоза из-за ненужных подробностей и тех выражений, которые не вполне подходят для печати. Ограничимся лишь некоторыми выдержками.

«...Сегодня, после того как мной был поднят вопрос о проведении рабочего комитета с целью освобождения тов. П. (мужа Елизаветы П.—Ред.) от работы, П. обрушилась с новым приливом энергии на меня как на директора совхоза, оскорбляя мое достоинство и честь, что якобы я ей мщу за то, что она, видите ли, «красавица», отказала мне в интимных отношениях...

...К сожалению, никаких выводов Елизавета П. не сделала, ни-

чего не внедрила. Зато, будучи обиженной, всячески вела работу по подрыву моего авторитета как внутри коллектива рабочих и служащих совхоза, так и в аппарате треста.

Я неоднократно делал замечания Елизавете П. и требовал прекратить злобную клевету, которую она хотела влить в сознание зоотехника Коваленко М. П. и бывшего прораба Науменко А. А., который по этому поводу подал заявление на расчет. Однако Елизавета П. никаких выводов не сделала и упорно добивалась расчистить дорогу для своих «далеко идущих» целей. Терпеть такую наглость считаю невозможным. Исходя из изложенного, приказываю:

За оскорбление, шантаж и поклепы на рабочих и служащих совхоза экономисту Елизавете П. объявить строгий выговор и предупредить в последний раз, что, если она не прекратит оголтелой компании шантажа, угроз, оскорблений и нездоровых домыслов против рабочих и служащих совхоза, против нее будет возбуждено дело в народном суде.

Настоящий приказ вывесить на видных местах во всех населенных пунктах совхоза.

Директор совхоза И. Коновалов».

Право же, не хотелось верить, что такое написано современным руководителем, обязанным быть воспитателем коллектива...

И вот я по командировке редакции еду в совхоз «Сновский». В моем портфеле копия приказа, и я еще надеюсь, что произошло какое-то недоразумение и приказ — следствие этого недоразумения.

Совхоз «Сновский» — в двадцати минутах езды на автобусе от районного города Щорса Черниговской области. В совхозе несколько бригад рабочих, живущих в трех населенных пунктах. Здесь производят мясо, молоко, выращивают ягоды и фрукты. Работники совхоза живут в достатке, везде ухоженные приусадебные участки, многие семьи имеют машины. Люди трудолюбивы и душевно открыты. От директора совхоза здесь многое зависит. Скажем, потеря работы в совхозе «Сновский» часто влечет за собой и переезд на новое место жительства. А это связано с продажей дома, скота, домашнего скарба. Полная перемена жизни семьи!

Знакомлюсь с автором приказа.

Игорь Семенович Коновалов двадцать лет руководит совхозом, у него высшее образование. Это представительный немногословный мужчина пятидесяти одного года.

Прочитав копию приказа, Игорь Семенович спокойно говорит:

— Да, я написал его. Тут при снятии копии пропущено одно слово.

Коновалов берет у меня авторучку и вписывает это слово.

В совхозе нашелся человек, который сказал Коновалову:

— Игорь Семенович, как-то неловко... Приказ-то ваш детишки читают!

И директор распорядился снять приказ с досок объявлений. В совхозную книгу приказов его не занесли ввиду большого количества «крепких выражений».

Меня удивляет, почему опытный руководитель производства решил разговаривать с подчиненными в таком тоне, добавлю теперь — оскорбительном. Я спросил об этом у Коновалова.

— С нашим народом, знаете, нужно быть поостроже, — сказал он.

Да, в совхозе возник производственный конфликт, разрешить его было вполне по плечу и рабочему комитету, и партийной организации. Надо было лишь проявить сдержанность и объективность. Но Коновалов с самого начала был настроен уволить из совхоза Елизавету П. и ее мужа, что в конечном счете он и сделал.

Не назовешь безупречным и поведение в создавшейся ситуации самой Елизаветы П.

Муж Елизаветы — Борис П. — был в совхозе технологом цеха по переработке фруктов. В его трудовой книжке за четыре года двенадцать записей о премиях и благодарностях. Борис — мастер на все руки: слесарь, сварщик, механик, шофер. Он превратил из кустарное производство соков в цех по переработке фруктов. Вместо старых деревянных бочонков были установлены цистерны емкостью по десять тонн, оборудован подогрев паром в зимнее время, сделано многое другое. Не было пока стандартных мерников для жидкостей и не были прокалиброваны цистерны, учет соков вели с помощью самодельного чана, а отпускали по весу: приходившие в совхоз автоцистерны взвешивали на больших весах. Эта система учета имеет народное название «на глазок». Вполне естественно, что документальные ревизии выявляли полное благополучие. Все было распрекрасно. И система учета «на глазок» признавалась администрацией совхоза вполне нормальной. Директор был довольно точно осведомлен об этом. Он отлично знал, что новые цистерны эксплуатируются без паспортов, а чан заменяет стандартные мерные приборы. Паспорта были все еще в стадии оформления, ну, а мерников вообще пока не заказывали. Благодушные администрации совхоза проявились и в широком празднестве по поводу присвоения цеху высокого звания цеха коммунистического труда. Слов нет, работники и рабочие цеха, технолог, лаборант очень хорошо потрудились в 1975 году, план выработки соков был перевыполнен, качество продукции повысилось, люди заслужили грамоты и подарки. Однако объявлять производство передовым было пока еще рано. Всего два месяца прошло после торжества в совхозном клубе, и вот при инвентаризации обнаружилось в цехе излишки винноматериалов на большую сумму. Их, конечно, сразу же провели по совхозным документам. Виновным был объявлен технолог цеха Борис П. И директор совхоза постарался побыстрее от него освободиться. Пять раз собиравший рабочий комитет, пять раз члены комитета судили-рядили, как быть с технологом. Высказывались предложения повременить с увольнением: если Борис допускал злоупотребления, его будут судить. Если же излишки сока образовались из-за его халатности, то тут нужны другие меры взыскания, а не изгнание человека из совхоза. Борис П. и некоторые рабочие цеха объясняли наличие излишков архаичной системой учета «на глазок». В сезон

сбора яблок люди работали целыми сутками, измеряли продукцию неточно, а чтобы узнать, сколько в больших цистернах сока,— надо перевесить все заново. Борис просил до выяснения всех обстоятельств дела оставить его работать слесарем в мастерской. Директор совхоза настроен изгнать его из поселка. Под его сильным нажимом рабочий комитет дает согласие на увольнение.

Коновалов спешит: увольняет Бориса П. задним числом — вместо «с 25 мая» в приказе написано «с 4 мая». Распорядился он и отобрать у Бориса П. премию по итогам работы за прошедший год. Понадобилось вмешательство органов народного контроля, чтобы заставить директора совхоза вспомнить о законе.

Все это имеет непосредственное отношение к нашему разговору.

В один из дней, когда решался вопрос об увольнении Бориса из совхоза, Елизавета П., войдя в кабинет директора, при всех наговорила ему резкостей. Разговор, как говорится, был нелицеприятный. Ее горячность в этот важный для судьбы мужа день понять можно, но оправдать нельзя. У Коновалова были все основания поставить вопрос о поведении работника в конторе совхоза на рабочем комитете.

Коноваловым руководит уязвленное самолюбие.

На следующее утро состоялось публичное осуждение Елизаветы: весь совхоз читал вышеупомянутый приказ директора. Даже дети.

В нашей деловой жизни принят язык документов — приказов, распоряжений, инструкций. Он зиждется на точном соблюдении законов и уважении прав человека, его чести и достоинства. Страсти бурлят, звучат нелицеприятные мнения, критика достигает высокого накала, однако все это остаётся в протоколах обсуждений, заседаний, а на доску объявлений выносится спокойная, основанная на законе, формулировка приказа. Ее можно обжаловать, если работник с ней не согласен. Закон предоставляет ему такое право.

Теперь по ходу дела вернемся к директорскому приказу и посмотрим, что он говорит о себе и что — о подчиненном.

О себе:

«Мой авторитет в коллективе»
 «Мое достоинство и честь»
 «Мой авторитет в аппарате треста»

О подчиненном:

«Оголтелый шантажист»
 «Клеветница»
 «Наглость, поклепы, нездоровые домыслы»
 и т. п.

Авторитет не выдают вместе с дипломом об окончании вуза. Не выдают его и вместе с назначением на руководящую должность. Его зарабатывают в поте лица своего: он накапливается годами — из малых и больших дел руководителя, общения с людьми. Общественное мнение крепко держит в памяти все деяния человека, в силу своего положения оказавшегося на виду.

Руководитель, который считает, что народ надо «держать по-строже», не понимает сути вещей. Не строгость, не пахмуренные брови, не крепкие голосовые связки, а ум руководителя, его характер могут вызвать у подчиненных уважение. Начальник, который без каких-либо оснований называет подчиненного «шантажистом», «клеветником», приклеивает ему унижительные ярлыки, ни в коем случае не может рассчитывать на авторитет в коллективе. И говорить тут о достоинстве и чести директора просто неуместно.

Сочиняя оскорбительный приказ, И. Коновалов намеревался отстоять свой авторитет и показать всем, «кто такая Елизавета П.». Директора не остановило то, что здесь задета честь женщины, матери, жены, наконец, работника совхоза.

Прежде чем закончить эти заметки, мне хотелось бы сказать несколько слов о моральном климате в коллективе, во многом зависящем от его руководителя. В нездоровом климате работать трудно, вредно. В совхозе «Сновский» моральный климат не способствует здоровой жизни.

В деятельности трудовых коллективов могут возникать самые причудливые конфликтные ситуации — дело житейское. И как важно для правильного разрешения конфликтов опираться на закон, на общественные организации, уважать права участвующих в конфликте сторон. Ошибки, горячность, недоразумения и поспешность в решениях могут стоить человеку чести и здоровья.

Не раз доводилось мне слышать такую характеристику:

— Имярек грубиян, хам и жуткий ругатель, но зато дело знает и хороший организатор, всегда у него план с перевыполнением...

В этой расхожей формуле как бы снимается с повестки дня нравственный аспект, словно руководит такой имярек автоматическими устройствами, в которые надо вовремя подлить масла и гайки подвернуть.

Конечно, хозяйственные показатели важны, перевыполнение плана приветствуется. Но все это должно достигаться допустимыми методами, без нарушений прав работников, без унижения их достоинства и чести.

Нездоровая нравственная атмосфера в коллективе пагубно влияет на поведение людей, их работоспособность, а стало быть, и на выполнение тех же планов.

Отклики на статью „Не забавы ради...“

Надо ли платить за рыбалку?

Одно удовольствие — побродить по лесу или посидеть с удочкой на берегу реки. Однако кое-где установили порядок: прежде чем рыбачить, человек должен приобрести путевку. А правомерно ли это? Почему любовь к рыбалке оказывается в зависимости от рубля? Тем более что среди рыболовов немало пенсионеров. Люди всю жизнь честно трудились и, казалось бы, должны были рассчитывать на ответное к себе уважение, а им вместо этого заявляют: без путевки к речке не подпустим!

Мне могут возразить: мол, деньги эти идут на очистку водоемов, разведение рыбы и тому подобное. Но ведь их можно найти другими, более эффективными, на мой взгляд, средствами. Оборудовать, к примеру, неподалеку от реки платные автомобильные стоянки. Понадобилась рыболову лодка — он может ее получить за соответствующую плату. Полезно было бы организовать прокат рыболовного инвентаря.

Человек приходит на реку или озеро отдохнуть, набраться новых сил. И надо позаботиться о том, чтобы отдых у него прошел нормально.

Е. НИКИТИН,
г. Химки, Московская область

Не загрязняйте рек

Вспоминаю далекое военное детство, полуголодное и босоное. Жили мы у реки Зилим. В то трудное время она для нас, мальчишек, была и радостью, и развлечением. Здесь мы целыми днями купались. В тихих заводях ловили рыбу. Не удочками, а прямо руками — настолько ее было много. Потом разводили костер и варили необыкновенно вкусную уху...

А что сейчас? Пошли мы как-то с сыном порыбачить на Зилиме. Целый день просидели на берегу. Улов оказался жалкий — несколько пескарей. Куда же девалась рыба? Не торопитесь грешить на рыбаков. В свое время их было не меньше, чем сейчас. Пронзшло другое: рыбу, если можно так выразиться, выжили. Вы взгляните на берега — то тут, то там навален мусор. В реку каждый

сбрасывает все что не лень. Вода, когда-то хрустально чистая, стала мутно-серой. Естественно, в таких неблагоприятных условиях рыба плодится плохо. Ее становится все меньше и меньше. Если так будет продолжаться, то, боюсь, настанет момент, когда мои рассказы о том, как мы рыбачили на Зилиме в детстве, будут казаться людям нелепой выдумкой.

Человека, который ловит рыбу недозволенными средствами, называют браконьером. А как назвать того, кто загрязняет реки, не считаясь с последствиями, будь то руководитель предприятия или просто гражданин? Ведь они наносят ущерб гораздо больший, чем браконьеры. Их тоже надо разоблачать и строго наказывать.

Р. АБДУЛЬМАНОВ,
г. Уфа

Сети – под запрет

В любительском рыболовстве, как известно, сочетаются спорт и отдых. В самом деле, сколько радости доставляет человеку удача, когда он на удочку поймал окуня или щуку! Без сноровки тут не обойтись. И толковую наживку нужно подобрать. И место для рыбалки выбрать хорошее. И время уловить, когда рыба лучше клюет.

Но вот на той же реке появляется человек и... забрасывает сети. Он тоже именуется себя рыболовом-любителем, а в действительности самый настоящий браконьер. Гребет сетью рыбу, не разбирая. Уже не спортивная страсть движет им, а стремление к наживе. И ущерб наносится огромный, поскольку он ловит и мальков, и все, что ни попадется под руку.

Вот я и предлагаю: рыболовов-любителей, пользующихся сетями, надо наказывать очень строго. И не позволять им впредь рыбачить. И не должно выдаваться никому никаких «спецразрешений» на отлов рыбы недопустимыми орудиями и способами.

Д. ИВАНОВ,
член областного
общества охотников
и рыболовов,
Ленинград

нам пишут

НЕ ЗАПУГАЛ...

За последние восемь лет двадцатисемилетний житель Верхне-го Тагила Свердловской области Н. М. Голованов сменил восемь мест работы, но у него не набралось и двух лет трудового стажа. Да и откуда ему взяться, если на Верхнетагильском предприятии промышленно-железнодорожного транспорта он проработал всего шесть дней. А в школе-интернате № 25 «трудился» двадцать восемь дней. Есть в его «трудовой» биографии и такая деталь: на Верхнетагильской ГРЭС проработал сорок два дня, а затем был уволен за прогул.

Создавать материальные блага для общества Голованов явно не собирался. А вот «употребить» поллитровку горькой он, по собственному признанию, был готов в любое время.

Пил, разумеется, не на свои трудовые, ибо их и не было, а на скромную зарплату родителей. Его несколько не смущало, что на иждивении отца и матери находилось еще пятеро — мал мала меньше.

Во хмелю Голованов становился буйным. Особенно когда родители отказывали ему в деньгах на водку. В таких случаях сынок кулаками «убеждал» папу с мамой в «законности» своих требований.

Обо всем этом написала в газету «Уральский рабочий» соседка Головановых — молодая работница Вера Беседина. Из редакции ее письмо («для принятия к тунейдцу-хулигану конкретных мер») было направлено в Верхнетагильский городской отдел внутренних дел. Узнав, что придется держать ответ, Голованов после очередного подпития явился к дому, где жила Вера с престарелой матерью, и... выбил три рамы, к тому же бросил в окно доску. Он полагал, что запугает соседку, заставит ее отказаться от заявления. Однако не тут-то было. Через месяц хулиган предстал перед судом и слезливым голосом просил о снисхождении.

Дело по обвинению Голованова в злостном хулиганстве рассматривалось народным судом. Присутствовавшие на суде граждане не узнавали в подсудимом развязного и хамовитого «хозяина» их микрорайона. На скамье подсудимых сидел вроде бы и Федот,

да не тот Жалким предстал он перед теми, на кого еще недавно пытался нагнать страху.

Разобравшись в обстоятельствах дела, суд признал Голованова виновным в особо злостном нарушении общественного порядка и приговорил его к четырем годам лишения свободы с содержанием в исправительно-трудовой колонии усиленного режима. Взысканы с него и расходы на ремонт окон в доме Бесединой.

**КИРОВГРАД
СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

**В. КУЛИКОВ,
народный судья**

**по следам
неопубликованных
писем**

Виновные наказаны

Группа читателей из колхоза имени Амангельды Теректинского района Уральской области Казахской ССР написала в редакцию о том, что у них нередко нарушается финансовая дисциплина. К примеру, в один из месяцев жене заведующего током было начислено 72 рубля 68 копеек, хотя в этот период она фактически не работала. Дочь и сын главного агронома Журавлева и двое их родственников во время апробации сортовых посевов работали подсобными рабочими, заплатили им за это по повышенным ставкам, будто они трудились на току. Наряды на работы ведутся небрежно. В результате по одному из них вместо 7 рублей 70 копеек выплатили 77 рублей.

Уральское областное управление сельского хозяйства сообщило редакции, что факты финансовых нарушений подтвердились. Материалы проверки обсуждены на расширенном заседании правления колхоза. Решено: взыскать с виновных незаконно полученные деньги. За допущенные нарушения учетчику Г. Есенгаллеву и заведующему током Т. Кубаеву объявлены выговоры. Главному бухгалтеру Т. Иманкулову предложено принять меры к укреплению финансовой дисциплины в колхозе.

Лишены родительских прав

Супруги Нурулин и Постникова постоянно пьянствовали, устраивали в доме скандалы. Их убеждали: измените поведение, подумайте о детях. Они обещали бросить пить, однако проходил день за другим, и старое повторялось.

«Сколько это может продолжаться? — написали в редакцию жители Актюбинска И Агеева и другие — В нездоровой семейной обстановке дети растут издерганными, нервными. Родители не только не занимаются воспитанием, но и своим поведением оказывают на них дурное воздействие».

Редакция направила письмо на проверку в исполком Актюбинского областного Совета депутатов трудящихся. Секретарь исполкома Н. Берников сообщил, что факты, приведенные в письме, подтвердились. Материалы о супругах направили в народный суд.

Темирский районный народный суд, исследовав все обстоятельства, решил: лишить супругов Нурулина и Постникову родительских прав.

Как «усыхали» буханки

Удивительные вещи стали происходить на хлебокомбинате совхоза «30 лет Октября» Кировского района Чимкентской области. То при отпуске хлеба магазинам недовесит десяток буханок. То по совершенно необъяснимым причинам спишут вполне пригодную муку, которая потом уходит «налево». Об этих и других нарушениях написала в редакцию группа рабочих хлебокомбината.

Чимкентский областной комитет народного контроля по просьбе редакции проверил это письмо. Заместитель председателя комитета С. Багдашкин сообщил, что указанные в письме факты подтвердились. Приняты соответствующие меры. Отстранены от работы мастер П. Алламурастов, кладовщик С. Рахманов и заведующий складом Ермекбаев. С них взыскана стоимость хлебопродукции, которую они недовесили потребителям. Кроме того, результаты проверки рассматривались на заседании Кировского районного комитета народного контроля. Постановлением комитета директор хлебокомбината К. Бектеев, заведующий производством М. Полевой, старший бухгалтер В. Долгих строго наказаны.

КОМАНДИР НАРОДНОЙ ДРУЖИНЫ

Встретиться с Леонтием Лукичом Еланским непосредственно на рабочем месте нам не удалось. Кончилась его смена.

— Да вы не огорчайтесь,— успокаивали нас рабочие обогатительной фабрики.— Вечером застанете его в опорном пункте.

— Будет там?

— А где же ему еще быть? Он там днюет и ночует,— не без раздражения заметил проходящий мимо парень в замасленной спецовке.

Наши собеседники улыбнулись:

— Этот знает точно. Доводилось встречаться с Еланским, как говорится, по пьяному делу.

Центральный опорный пункт шахтерского города Брянки, что в Ворошиловградской области, разместился в бывшем здании горкома партии. Мы приехали сюда к концу дня. Нас встретил коренастый мужчина средних лет с посеребрёнными висками, в ладно сидящем костюме. Спокойный, обстоятельный. Это и был Леонтий Лукич Еланский—командир народной дружины Брян-

ковской центральной обогатительной фабрики (ЦОФ), заместитель начальника штаба городской дружины.

— Сегодня у меня по графику прием избирателей,— сказал он, здороваясь.— А через два часа соберутся дружинники, и тогда — по объектам...

Вечерняя темнота быстро спустилась на город. В ней словно растворились пирамиды шахтных терриконов. Засветились окна нового жилого микрорайона. Наполнилось мягким светом здание построенного еще до войны Дворца культуры. Широкие лестницы сбегают от него к могучей фигуре солдата, заставшего в почетном карауле у вечного огня...

Наступило время патрулям идти по маршрутам. «Горячими точками» вечернего города считаются автовокзал, кафе «Родничок», магазины, парк, Дворец культуры.

На четвертом этаже Дворца в тот вечер были танцы. Правда, не такие, как по субботам и воскресеньям, но достаточно многолюдные. Туда и направился Леонтий Лукич вместе с участковым инспектором мили-

ции Дмитрием Петровичем Колесником.

Модная танцевальная мелодия гулко отдавалась под сводами высокого зала. Девушки семнадцати-восемнадцати лет старательно притопывали на паркете вместе с неловкими своими ровесниками.

Девочки глаза подводят, кошечки расплетают. А ребята, бывает, «для смелости» выпивают перед танцами. И дружинникам приходится следить, чтобы какой-нибудь подвыпивший дебошир не портил настроение молодежи. Драки тоже случаются. Дружинники пресекают их моментально. Сейчас вон там, около входа, стоят две подружки с красными повязками. Это Надя и Валя, медсестра и повар. Очень старательные и требовательные дружинники. К нам подходит высокий парень, тоже дружинник.

— Как дела? — интересуется у него Еланский.

— Все спокойно, правда, одного свистуна вывели. Забыл, что в помещении находится.

— Выпивши был?

— Конечно.

— Почему же у входа просмотрели?

— Да сначала нормально себя вел, потом его, видно, разобрало.

— Проследите, чтобы до конца все было в порядке, — говорит ему Леонтий Лукич.

— Мой старший, Юрка, — рассказывает нам Еланский, — тоже вот так дежурил, пока в школу милиции не поступил. Думал я, инженером станет или слесарем, как отец, а он в уголовный розыск подался.

Танцы между тем продолжались. К дружинникам, особенно к Еланскому, здесь привыкли. Если Леонтий Лукич стоит в дверях, посетителю навеселе во Дворце делать нечего. Поскольку Еланский в рот не берет даже сухого, запах спиртного, по его выражению, он чувствует «за полкилометра». Тут уж не прошмыгнешь.

Когда Еланский выводит кого-то из зала, узнаем мы от дружинников, возражать, а тем более сопротивляться, бесполезно. Человек он справедливый, настойчивый, да к тому же, как говорится, бог силой не обидел.

Рассказали нам, что однажды на танцплощадке он подошел к изрядно подвыпившему парню и предложил выйти. Тот «возмутился». Еланский опять спокойно просит его покинуть площадку. А парня уже «повело»: рванул рубашку на груди Леонтия Лукича. Но Еланский проявил выдержку и настойчиво предложил парню уйти. Пришлось тому подчиниться. Такого дружинника не запугаешь.

А потом, на той же танцплощадке, парень публично изви-

нялся перед Еланским. Когда узнал, на кого руку поднял, неудобно стало ему, стыдно. Материальный ущерб тоже возместил.

Еланского в городе уважают. Уважают как человека, которого без всякого преувеличения можно назвать активным защитником общественного порядка. К тому же он отличный производственник, рационализатор, коммунист, отец троих детей. Каждый вечер выходит на дежурство, заботясь о тишине и покое в родном городе. И знакомые и незнакомые говорят, что у него к этому призвание. Нашел себя в этом деле, будучи уже зрелым человеком, когда ему за сорок перевалило.

Учился, совершенствовал профессиональное мастерство Еланский почти всю трудовую жизнь. Теперь уже к нему присылают на практику парнишек из профессионально-технического училища.

Многоэтажное здание Брянковской ЦОФ, на которой трудится Еланский, расположено в центре города. В огромных аппаратах и машинах местные коксующиеся угли превращаются в ценнейший концентрат, который используется в отечественной и зарубежной металлургии.

Работает Леонтий Лукич в специальной бригаде по капитальному ремонту оборудова-

ния. Ее возглавляет кавалер ордена Ленина Антон Филиппович Карлов.

Еланский, рассказал нам механик основного производства Валентин Степанович Белов, в совершенстве владеет двумя профессиями: электросварщика и газорезчика. Его работа отличается высоким качеством. К тому же он постоянно что-то придумывает, изобретает. И еще ценят на фабрике Леонтия Лукича за безотказность. Если что случилось на производстве, особенно ночью, а дежурные слесаря не управляют, звонят Еланскому. И не потому, что у него дома телефон есть, а знают, что не откажет. Придет, поможет наладить. Ведь не каждый захочет среди ночи на фабрику бежать.

По итогам пятилетки, как ударника производства, лучшего рационализатора, Еланского наградили орденом Трудового Красного Знамени. А жители Брянки избрали его депутатом городского Совета. Люди обращаются к нему по самым различным вопросам, в том числе и связанным с охраной общественного порядка.

Как-то вечером в городской штаб народной дружины, в тот самый, что при Центральном опорном пункте, пришла молодая женщина (но уже мать троих детей). Жаловалась она на мужа. Все чаще и чаще стал приходиться домой пьяным.

Спать сразу не ложится, шумит, дерется, пугает детей, мешает отдыхать соседям. Когда записывали адрес дебошира, оказалось, что он живет в избирательном округе Леонтия Лукича.

Еланский стал наведываться в эту квартиру. Говорил отцу семейства, что водка до добра не доведет, особенно когда в семье дети. Вот у него, Еланского, тоже трое. Старшие — студенты. А не известно, как бы сложилась их судьба, поддайся он вот такому же соблазну. Так и ходил Леонтий Лукич к молодым супругам, пока не убедился, что в семье отношения стали здоровыми, нормальными.

— Доброе у него сердце,— говорит о Еланском участковый инспектор Колесник.— Многим людям он помогает. Расскажу один случай. На улице Заводской жил Виктор Коротецкий. Пенсия у него была маленькая. Он инвалид

детства первой группы. Отец Виктора на фронте погиб, мать умерла. Присматривала за парнем одна старушка. Печку топил, прибирала. Зашел к ним Леонтий Лукич, посмотрел, подумал: лежачему больному жить без коммунальных услуг нежестко. И выхлопотал для Коротецкого комнату со всеми удобствами. Был бы Леонтий Лукич помоложе, прямая ему дорога — служить в милиции. Да вот поздновато раскрылся талант. Но мы еще многое вместе сделаем. А в милиции его старший, Юрий, служит.

Когда страна отмечала День советской милиции, на торжественном собрании Леонтию Лукичу Еланскому объявили очередную благодарность и как лучшему дружиннику вручили бесплатную путевку в знаменитый ялтинский пансионат.

Идет по улице патруль, охраняет покой и отдых жителей города Брянки...

Л. АЛЕКСЕЕВА,
спецкор газеты
«Советская Украина»,

К. ТАБАЧНИКОВ,
помощник прокурора
Ворошиловградской области

СОБЕСЕДНИК

ЧЕЛОВЕК СЛАВЕН ДЕЛАМИ

«...Важнейший итог прошедшего шестидесятилетия — это советский человек», — сказал в докладе XXV съезду партии Леонид Ильич Брежнев.

На каком бы посту ни находился настоящий советский человек, он выполняет порученное ему дело добросовестно и сознательно. Это стало нормой поведения наших людей — подлинных хозяев своей страны.

Корреспонденты журнала Т. Федосеева и В. Зимин побывали в закавказских республиках. Очерки и цветные фотографии на вкладке рассказывают о двух представителях советского народа. О начальнике Грузинского морского пароходства, депутате Верховного Совета Грузинской ССР А. А. Качараве и работнике Ереванской ТЭЦ, народном заседателе М. А. Минасяне.

Различны род их занятий, масштаб их деятельности. Но есть между ними и много общего. Это, прежде всего, осознание своей ответственности перед народом, перед будущим за дело, которому они служат.

ОСУЩЕСТВЛЕННАЯ МЕЧТА

Первым, кому Микита Арутюнович Минасян сообщил о своем избрании народным заседателем, был отец. «Выбрали меня судьей», — писал сын из Еревана в родное село. Он не добавил ни слова, но знал, что отец порадуется доверию, которое оказали сыну.

Это письмо было продолжением разговора, который отец и сын начали более тридцати лет назад.

...Тогда их, бежавших из дома девятилетних мальчишек, милиционеры поймали на ближайшей железнодорожной станции, при-

вели домой. Отец подождал, пока они ушли, потом подошел к сыну:

— Почему ты это сделал?

— Я на фронт... решил! — ответил мальчик безбоязненно.

— Зачем?

— Нашим помогать!

— Ты уж большой у меня. Я с тобой разговариваю, как с большим: ты, что ж, вправду думаешь, что на фронте полезным бы человеком был?

Отец говорил очень спокойно, и Микита заколебался:

— Я бы... стрелять научился.

— Это нелегко.

— Я бы... я бы...— сын не находил слов, но, поняв желание мальчишки, отец подсказал:

— Наверное, хотел, чтобы все говорили: «Эх, какой молодец Микита!», «Эх, какой храбрый мальчик!»

Сын покраснел, опустил глаза. Думал, что отец застыдит его за нескромность, но услышал:

— Это хорошее желание — быть полезным людям, делать так, чтобы тебя хвалили, любили. Только знаешь, что для этого надо делать? Добросовестно выполнять то, что тебе поручено. Работать так, чтобы люди на тебя всегда могли надеяться.

Ничего отец не добавил, не сказал, что побег мальчишек обеспокоил многих людей, оторвал от дел. Это они и сами увидели, сами поняли.

Уроки детства запоминаются надолго. Особенно если учитель пользуется авторитетом у учеников. А шестеро сыновей и дочь Арутюна Мкртычевича Минасяна — организатора колхоза, одного из первых коммунистов села, искаленного кулацкой пулей, — прислушивались к каждому слову отца.

Вот почему тот разговор был как напутствие в жизнь: работай на совесть, и тогда люди будут уважать тебя.

Кажется, нет в биографии Микиты Арутюновича Минасяна ничего необычного. После окончания школы трудился в колхозе, потом учился в техникуме, работал машинистом на масложиркомбинате. Последние тринадцать лет — старший мастер химического цеха Ереванской ТЭЦ.

Но у каждого человека кроме послужного списка, который отражает профессиональный рост, есть своеобразный «список» общественных обязанностей. Он показывает, насколько активен человек, насколько авторитетен, любим, уважаем.

Список общественных обязанностей М. А. Минасяна красноре-

чиво говорит, сколь неравнодушен Микита Арутюнович: заместитель секретаря комсомольской организации техникума, секретарь комитета комсомола масложиркомбината, председатель профкома комбината, секретарь партийной организации химического цеха ТЭЦ, заместитель председателя комитета народного контроля ТЭЦ. Шесть лет назад он был впервые избран народным заседателем Ленинского районного народного суда Еревана.

В чем причина доверия, с которым к нему относятся рабочие?

— Думаю, причин несколько. Прежде всего, дело в исключительной добросовестности Микиты Арутюновича,— говорит секретарь партийной организации ТЭЦ.— За время работы на Ереванской теплоэлектроцентрали не было в смене Минасяна ни одного ЧП. Во-вторых, Микита Арутюнович умеет убеждать. Он ведет большую разъяснительную, профилактическую работу. Умело использует каждую возможность для пропаганды права. В-третьих, и это тоже важно, он — хороший семьянин, заботливый отец. Словом, человек, по которому можно равняться.

— Один из сильнейших наших народных заседателей,— добавил к характеристике председатель районного народного суда Аршалуйс Сисакович Степанян.— Работает увлеченно, ответственно. Надо отметить, что Микита Арутюнович, едва его избрали народным заседателем, поступил на юридический факультет Ереванского университета. Обычно, когда мне предстоит разбирать сложное уголовное дело, я приглашаю Микиту Арутюновича: знаю, что он тщательно изучит материалы дела, вникнет во все тонкости, а во время процесса будет активно участвовать в судебном разбирательстве, в поисках истины.

...Ответ отца был коротким: «Поздравляю. Помни, от тебя многое зависит. Будь примером!» Этот завет М. А. Минасян выполняет.

КАЧАРАВА СКАЗАЛ...

ел депутатский прием. В кабинет начальника пароходства один за другим входили избиратели. Как и обычно, к депутату шли с просьбами, жалобами, предложениями. Один тревожился, что детский сад решили строить близко от магистрали. Другой считал, что с ним несправедливо поступили на работе. У третьего тяжело с жильем.

Анатолий Алексеевич Качарава выслушивал посетителей внимательно, чтобы правильно решить: направить ли документы в испол-

ком, запросить проектную организацию или созвониться с директором предприятия и устранить недоразумение. И потом неукоснительно проверить исполнение. Все вопросы заносятся в книгу, и депутат Верховного Совета Грузинской ССР строго следит, чтобы организации точно в срок ответили.

— Жалобу не считаю разрешенной, пока не получу ответа, удовлетворяющего меня и избирателя,— говорит Анатолий Алексеевич.

Но случается, в кабинет входят вовсе не с жалобой, не с просьбой. В человеке, который вошел последним, сразу можно было узнать моряка. Они поздоровались, как люди давно и хорошо знакомые.

— А я ведь на прием, Анатолий Алексеевич,— сказал вошедший.— Не знаю, что и делать. На берег, что ли, проситься? Сыновья без меня совсем разболтались. Подтянуть требуется. Что посоветуете?

Анатолий Алексеевич не торопился с ответом. Понимал, как тяжело моряку уходить с корабля. Но если уж тот пришел, значит выхода другого не было. И знал, что человек ждет не просто совета.

— Давай договоримся так: год-полтора побудешь на берегу — работу тебе найдем! — а там, обещаю, снова выйдешь в море! Согласен? В таком случае пиши заявление.

...Анатолия Алексеевича Качараву, как депутата, люди характеризуют по-разному («решительный человек», «добрый», «не пасует перед авторитетами»), но кто бы ни говорил — обязательно добавит: «Настоящий фронтовик». И этим сказано многое.

О военном подвиге Качаравы рассказано и написано немало.

Шел август 1942 года. Гитлеровские войска стягивались к Сталинграду. Фашисты жаждали реванша за поражение под Москвой. Разрабатывались планы. Особое внимание фашисты обращали на уничтожение советских коммуникаций. Ближних и дальних. Гитлер приказал ликвидировать систему советского снабжения в Арктике, систему, до тех пор действовавшую бесперебойно. Она была недосягаема для фашистского флота. Было разработано несколько операций. В числе их «Вундерланд». Целью ее было перерезать Северный морской путь. И вот гитлеровский линкор «Адмирал Шеер» — быстроходный, прекрасно вооруженный — вышел из норвежского порта.

Планом операции была предусмотрена абсолютная тайна передвижения. «Адмирал Шеер» по выходе из порта взял курс на запад, чтобы сбить с толку наблюдателей. На английском и американском флоте началась тревога: на счету налетчика было 28 союзнических боевых кораблей, крупных транспортников. Но «Адмирал Шеер» изменил курс и «пропал».

Операция предусматривала внезапность появления у советских берегов: линкор, чтобы не обнаружиться, ни разу не вышел в эфир. Он направлялся в Карское море к проливу Вилькицкого, где, по сообщениям японской и немецкой разведок, должны были встретиться два каравана: из Петропавловска-Камчатского и из Архангельска.

Рейд длился не один день. Разбились оба разведывательных самолета — и «Адмирал Шеер» решил взять в плен первое же советское судно, чтобы узнать у моряков курс караванов, выяснить ледовый прогноз. В это-то время на горизонте показался «Александр Сибиряков».

Это был старый ледокол, на котором в 1932 году экспедиция под руководством Отто Юльевича Шмидта впервые за одну навигацию прошла весь Северный морской путь. Нынче «Сибиряковым» командовал самый молодой капитан Арктики — Анатолий Алексеевич Качарава. В 1941 году они оба — капитан и корабль — были мобилизованы. На палубе установили одиннадцать небольших зениток — вот и все вооружение, которое в силах был нести ледокол.

25 августа 1942 года «Александр Сибиряков» вышел из Диксона курсом на Новую Землю; на борту его было 75 человек экипажа и 45 полярников.

Шел мелкий дождь со снегом. «Александр Сибиряков» подходил к острову Белуха, когда в дымке непогоды увиделся неизвестный корабль. Оттуда запросили по-русски: «Сообщите состояние льда в проливе Вилькицкого. Где караван?»

Еще не потухли последние сигнальные огни, а на Диксоне уже принимали радиограмму: «Вижу линкор неизвестной национальности. Идет без флага. Капитан Качарава». Следом — вторую: «Военный корабль поднял американский флаг. Идет прямо на нас». А когда с Диксона ответили, что в данном районе не может быть американских кораблей, «Александр Сибиряков» радировал: «Принимаем бой...»

«Александр Сибиряков» изменил курс, попытался скрыться за дымовой завесой, но маневр оказался безрезультатным. Скорость его была в три раза меньше, чем у фашистского корабля, и тот, хорошо видя цель, настигал. Фашист все время передавал сигнал:

«Прекратите работать на радио!» Он был обеспокоен, что его местонахождение станет известно и тайна передвижения перестанет быть тайной. Какая в таком случае может быть речь о внезапности нападения? Каков будет шанс на успех операции «Вундерланд»?

Но «Александр Сибиряков» передавал и передавал данные о неизвестном корабле.

«Адмирал Шеер» дал два предупредительных выстрела — снаряды взметнули воду у носа и кормы советского парохода: фашист требовал подчинения и сдачи. На палубу «Адмирала Шеера» высыпала команда, чтобы полюбоваться спектаклем,— так всегда бывало в подобных случаях. Но с «Сибирякова» раздался залп.

Качарова, начав бой, приказал комиссару Элимеллаху и судовому парторгу Бочурко: «Корабль не сдавать! В последний момент открыть кингстоны». Приказал на тот случай, если погибнет и не сможет сам отдать последнюю команду.

Это был неравный бой. Это был расстрел, по существу, беззащитного корабля мощным военным судном. Но «Сибиряков» сделал то, чего не могли предусмотреть фашистские адмиралы: советский корабль, обнаружив линкор, поднял тревогу, оповестил порт, принял бой.

Еще звучали залпы у острова Белуха, а с Диксона уже передавали: «Всем! Всем! Всем! В Карском море появился фашистский линкор. Ледокольный пароход «Александр Сибиряков» принял бой».

Получив это сообщение, наш караван укрылся во льды, ушел из поля досягаемости «Шеера».

Бой у острова Белуха кончился гибелью «Александра Сибирякова». Корабль ушел на дно непобежденным, не спустив боевого флага.

В последний момент оставшиеся в живых моряки, переодев тяжелораненого капитана в матросский бушлат, спустились в шлюпку. Из всей команды осталось девятнадцать человек, одиннадцать из них были ранены.

Моряки были взяты в плен, но ни один не выдал своего капитана.

Через день «Адмирал Шеер» повернул назад. Операция «Вундерланд» провалилась.

...Адмирал А. Г. Головкин в своих воспоминаниях пишет о бое у острова Белуха: «Уместно сравнить действия сибиряковцев с подвигом Александра Матросова. Только это был коллективный подвиг, и тем он особенно дорог»...

После войны, едва оправившись от фашистского плена, встал в строй советских полярников капитан дальнего плавания Анатолий Алексеевич Качарава.

А десять лет назад А. А. Качараве предложили возглавить Грузинское морское пароходство.

В 1967 году его избрали депутатом Верховного Совета Грузинской ССР. Быть депутатом почетно. Быть депутатом ответственно. Эта высокая общественная обязанность призывает человека быть внимательным к нуждам избирателей, требует обширных знаний, чтобы умело поставить вопрос, принципиальности и настойчивости для его разрешения. Анатолий Алексеевич Качарава в третий раз избран депутатом Верховного Совета Грузии. Он — член постоянной комиссии по транспорту и связи.

— Занимаетесь морем? — предположила я, узнав о его деятельности в Верховном Совете.

— Этим занимается начальник пароходства, — улыбнулся Анатолий Алексеевич. — И депутату Верховного Совета Качараве было бы неразумно давать рекомендации начальнику пароходства Качараве.

— Чем же тогда?

И А. А. Качарава рассказал о поручениях, которые выполнял он — член постоянной комиссии Верховного Совета Грузинской ССР.

...Аджария — республика горная. Некоторые селения, расположенные в труднодоступных местах, были не радиофицированы. А. А. Качарава возглавил специальную комиссию; в нее входили работники райисполкома, опытные связисты. Комиссия обследовала все 126 нерадиофицированных сел района. Были составлены подробные рекомендации, планы решения. В декабре 1973 года А. А. Качарава выступил на сессии Верховного Совета Грузинской ССР:

— Просим: в Государственном плане на 1974 год предусмотреть нецентрализованное строительство радиорелейной линии связи Батуми — Кеда — Шуахеви — Хуло.

Вскоре вопрос был решен.

...Депутату Качараве приходилось разбираться и в железнодорожных делах. Группа специалистов, возглавляемая им, определила «узкие» места на одном из участков, представила деловые рекомендации, как лучше организовать погрузку и разгрузку вагонов, рационально использовать подвижной состав.

А. А. Качарава обычно работает с большим активом практических работников, поэтому каждая проверка заканчивается конкретными предложениями. О перестройке городского сообщения, о телефонизации отдаленного района.

— ...Иной раз грудно разграничить депутатские и прямо служебные дела,— замечает Анатолий Алексеевич.— Так избиратели в своих наказах мне, депутату, пожелали: позаботиться, чтобы море у Батуми было чистым, вода прозрачной! Но соблюдение правил санитарии входит в мои прямые обязанности как начальника пароходства. К слову сказать, забота о чистоте мирового океана, борьба с загрязненностью вод перестает быть ведомственной. Этим занимается не одно учреждение. ООН несколько лет назад учредила Межправительственную морскую консультативную организацию. Круг вопросов, которыми должна она заниматься, велик. В их числе и проблема предотвращения загрязнения моря нефтью. Была даже, созвана специальная международная конференция... Советская страна первой откликнулась на решения конференции делом. Так, в нашем порту действуют очистные сооружения. Все суда, приходящие в порт, сдают балластные, грязные воды только туда. И ни в коем случае — в море! За соблюдением этого правила следит санитарная инспекция порта, вертолеты ведут наблюдения на подступах к Батуми. Нарушителей штрафуют. Чтобы представить объем работ, приведу лишь одну цифру: за год на очистные сооружения было сдано более 1 600 000 тонн балластных вод. Кроме того, на акватории постоянно работает нефтемусоросборщик. Проводятся профилактические осмотры и ремонт городских коммуникаций, коллекторов, нефтепроводов... Вот и получается, что, исполняя служебные обязанности, я выполняю наказ избирателей.

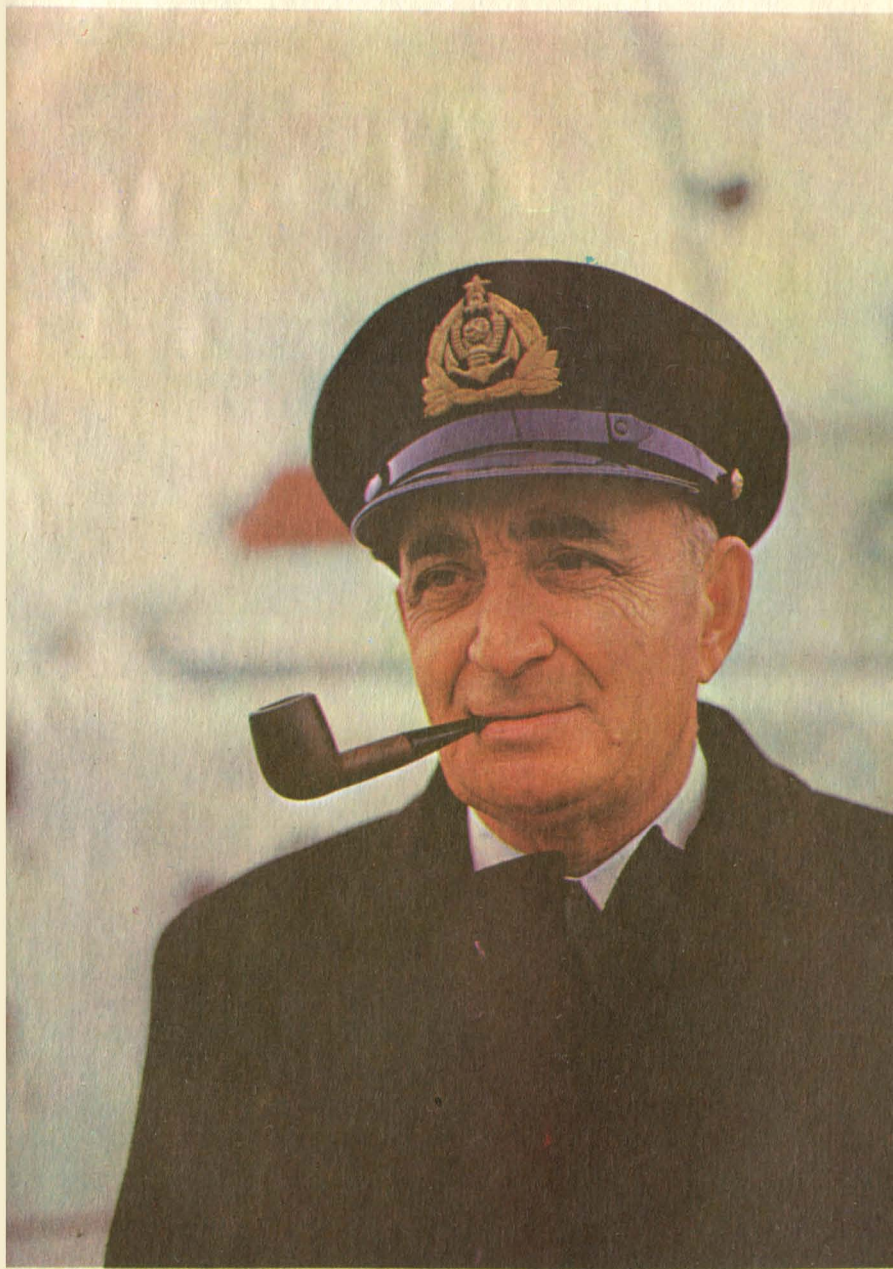
Начальник пароходства, депутат Верховного Совета Грузинской ССР, член бюро Аджарского обкома партии, кандидат в члены ЦК Компартии Грузии Анатолий Алексеевич Качарава ведет большую работу.

В Батуми часто можно услышать:

— Качарава сказал...

Это звучит как твердое обещание исполнения, как гарантия успеха любого дела. Большого или малого.

Анатолий Алексеевич Качарава—начальник Грузинского морского пароходства, депутат Верховного Совета Грузинской ССР, делегат XXIV и XXV съездов КПСС.

В Батумском нефтеналивном порту ведется большая работа по охране чистоты моря. По свидетельству моряков, это один из чистейших портов моря.

Слева вверху:

Конкретный вопрос приходится решать с «выездом на место». Совещаются (слева направо) А. А. Качарава, С. Н. Пхакадзе — заместитель начальника Грузинского морского пароходства по безопасности мореплавания, Х. Б. Пшанава — капитан Батумского морского порта и А. Е. Ратиани — начальник порта.

Слева внизу:

Катер санитарной инспекции ведет осмотр прибывшего в порт иностранного судна.

Внизу:

Нефтемусоросборщик за работой.

(Читайте очерк «Качарава сказал...»).

Вверху:

Народный заседатель М. А. Минасян во время судебного следствия. В центре — председатель Ленинского районного народного суда Еревана А. С. Степанян.

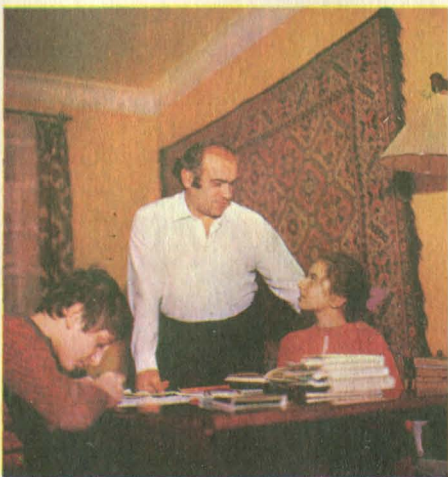
Слева внизу:

М. А. Минасян рассказывает рабочим своего цеха о недавнем судебном процессе.

Справа:

Вечерами любит М. А. Минасян поговорить со своими детьми о школьных делах.

(Читайте очерк «Осуществленная мечта».)

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТРИБУНАЛ

ОБ ОЧЕРКЕ АМЕРИКАНСКОЙ ПУБЛИЦИСТКИ ЛУИЗЫ БРАЙАНТ

Одним из первых декретов Советской власти был ленинский Декрет № 1 о суде от 22 ноября 1917 года. «Мы,— говорил В. И. Ленин,— не реформируя старый суд, сразу отдали его на слом. Мы расчистили этим дорогу для настоящего народного суда и не столько силой репрессий, сколько примером масс, авторитетом трудящихся, без формальностей, из суда, как орудия эксплуатации, сделали орудие воспитания на прочных основах социалистического общества». В стране повсюду организовывались местные народные суды, а когда это требовалось обстановкой — и революционные трибуналы. Основной их задачей была борьба с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией, защита интересов первого в мире государства рабочих и крестьян.

В этом номере редакция журнала предлагает вниманию читателей отрывок из книги прогрессивной американской журналистки Луизы Брайант

«Шесть месяцев в Красной России», опубликованной в США в конце 1918 года. Книга эта имеет подзаголовок: «Заметки наблюдателя о России в канун и во время диктатуры пролетариата».

Луиза Брайант, жена и сестра Джон Рид, приехала вместе с ним в революционную Россию в канун Октябрьского восстания в Петрограде в конце августа 1917 года. Все это время она была вместе с Ридом, на массовых митингах в предоктябрьские дни, на конференции фабрично-заводских комитетов Петрограда, в часы штурма в Зимнем. Вернувшись в Америку в конце января 1918 года, она с большим мужеством отстаивает правду о нашей стране, пишет на страницах прогрессивных изданий, выступает с лекциями и речами. В феврале 1919 года вызванная вместе с другими прогрессивными американцами, очевидцами Октября Джоном Ридом, Альбертом Рисом Вильямсом, Бесси Битти на заседа-

ния сенатской комиссии, расследовавшей «большевистскую пропаганду» в США, она держалась там с большим мужеством, отвергая провокационные домыслы сенаторов, осуждая интервенцию, требуя, чтобы России позволили идти своим путем.

В книге, написанной с симпатией к нашей стране, Луиза Брайант рассказывает о деятелях революции — В. И. Ленине, А. М. Коллонтай, П. Е. Дыбенко, Н. И. Подвойском. Отдельные очерки посвящены таким событиям, как штурм Зимнего дворца, похороны жертв октябрьских боев в Москве, сессия Учредительного собрания, заседания революционного трибунала и многим другим. Уступая известной книге Джона Рида «10 дней, которые потрясли мир» в динамизме и глубине социально-исторического анализа, очерки, зарисовки и репортажи Луизы Брайант значительно дополня-

ют картину революционных событий в Петрограде и Москве.

Надо сказать, что это было время, когда только еще закладывались основные принципы советского судопроизводства, разработанные великим Лениным. И автор отлично это понимает. Заклячая свои размышления об увиденном, Луиза Брайант, достаточно хорошо знакомая с антидемократическими порядками буржуазной судебной системы, дает достаточно точную оценку тем судебным процессам, на которых ей довелось присутствовать. Она вполне обоснованно предполагает, что это только самые первые ростки судебной реформы в стране победившего пролетариата. Несмотря на некоторую вольность автора в трактовке увиденного, очерк Луизы Брайант интересен нам прежде всего как свидетельство непредубежденного очевидца.

Сравнивая французский революционный трибунал с русским революционным трибуналом, нельзя не поражаться полным несходством этих двух учреждений. Ни один из известных институтов не является более полным выражением революционной мысли, более верным указанием на особенности характера народа, чем революционный трибунал. Принципиальной задачей французского суда было приговаривать подозреваемых лиц к смерти с помощью гильотины. За все время пребывания в России, пока я

наблюдала за деятельностью этого удивительного учреждения, ни один человек не был приговорен к смерти.

Я думаю о двух типичных делах.

Первым было дело графини Паниной. Когда большевики пришли к власти, Панина присвоила себе девяносто тысяч рублей, принадлежащих правительству. Она отказалась передать их новым властям, поскольку хотела сохранить их до созыва Учредительного собрания. Она не захотела признать иск Советского правительства. В итоге она была арестована и заключена в Петропавловскую крепость.

Начало процесса над ней вызвало заметное возбуждение. Зал суда был заполнен разношерстной публикой: рабочими, сторонниками реформ, монархистами. Большинство заседаний проводилось в новом дворце Николая Николаевича. Это была круглая, очень светлая комната с красными порттьерами, выглядевшая несколько странно, словно сцена небольшого современного театра. За длинным столом из красного дерева, покрытым красно-золотой скатертью, сидели семь судей. Жуков, рабочий, председательствовал. Двое судей были одеты в простую солдатскую форму. Поначалу они выглядели несколько растерянными, но в дальнейшем держались с удивительным спокойствием и достоинством.

Первым, кто выступил в защиту графини Паниной, был пожилой рабочий, который, в силу разных причин, питал к ней чувство благодарности. Он поднялся и сказал, что она внесла свет в его жизнь, которая была погружена во мрак. «Благодаря ей я стал мыслить,— сказал он.— Я не умел читать, а она меня научила. Тогда она была сильна, а мы — слабыми. Теперь она — слаба, а мы (т. е. масса) — сильны. Мы обязаны ее освободить. Мир не должен услышать о нашей неблагодарности, о том, что мы заключаем в тюрьму слабых». Говоря это, он все более и более возбуждался, пока в итоге не впал в какой-то безумный, истерический тон. «Я не могу видеть ее сидящей здесь в качестве подсудимой», — вскричал он и, разразившись стенаниями, вышел из зала суда.

Профессиональные адвокаты не производят необходимого действия в судах такого рода; технические детали играют здесь второстепенную роль. Ловкий адвокат графини Паниной смертельно наскучил слушателям. Последним взял слово импульсивный молодой человек с одного из петроградских заводов. Он сказал в заключение:

«Давайте не будем сентиментальными. Перед нами Панина — не графиня, а обыкновенная гражданка, которая похитила народные деньги. Мы не хотим ее обидеть, проявить по отношению к ней

какую-либо несправедливость. Все, что мы хотим,— это чтобы она возвратила деньги.

Старик благодарен ей за то, что она научила его читать. Но сейчас — другое время. И мы не хотим зависеть от чьих-либо подачек по части «просвещения». Мы верим, что каждый человек имеет право на образование. На деньги, которые Панина отняла у народа, мы построим школы, где каждый сможет учиться. Будучи революционерами, мы не верим в милостыню и не желаем благодарить за те случайные крохи, которые падают со стола богачей.

По его просьбе суд объявил перерыв и через несколько минут вернулся, вынеся следующее решение: графиня Панина должна находиться в Петропавловской крепости до тех пор, пока она не вернет народные деньги. В тот самый момент, когда подчинится этому требованию, она получит полную свободу, но, тем не менее, на нее обратится презрение народа.

Панина решила немедленно расстаться с присвоенными деньгами. В любой другой стране в столь суровое время Панина была бы казнена, особенно если учесть, что она являла собой одну из самых злостных саботажниц нового режима. С ее опытом она могла бы оказать неоценимую помощь, однако делала все от нее зависящее, чтобы сокрушить пролетарское правительство.

Другой процесс, проходивший в Выборгском районе Петрограда (за судейским столом — двое мужчин и одна женщина), иллюстрирует практику решения малозначительных дел. На этот раз зал суда был заполнен рабочей публикой. Обвинялся бедняк, совершивший кражу денег у женщины, продащицы газет. Суд допрашивал подсудимого, который защищался следующим образом: «Я очень плохо себя чувствовал,— жаловался он.— Я устал бродить по темным, холодным улицам. Я подумал, что если окажусь в теплом помещении, но хорошо освещенном, и увижу улыбающихся людей, то почувствую себя счастливым. Я мечтал о Народном доме и решил, что было бы хорошо пойти туда и послушать Шаляпина».

«Почему вы решили обокрасть именно эту женщину?» — поинтересовался судья.

«Я долго размышлял,— объяснял подсудимый.— Я стоял на углу и наблюдал, как она торгует газетами. Она продавала их в основном богатым людям, врагам бедняков, и я решил, что и она сама в некотором отношении монархистка и капиталистка. Разве она не торговала их газетами так же, как и нашими? И я взял ее деньги. В течение трех дней она не могла меня найти».

Суд посовещался в течение нескольких минут, и наконец один

из судей спросил чрезвычайно торжественно: «И вы почувствовали себя лучше после того, как побывали в театре?»

Русские — поистине замечательные люди. Никто в суде не засмеялся, услышав этот вопрос. Вор ответил, что он действительно приободрился. Он сказал, что настроение не может не повыситься, когда слушаешь столь прекрасное пение.

Затем продавщица газет выступила в свою защиту. Она настаивала на том, что ни в коей мере не является капиталисткой, а, напротив, человек, весьма полезный для своих ближних. Она называла себя революционеркой, поскольку верила в свободу слова и, следовательно, считала справедливым делом распространение газет всех направлений.

Суд удалился на совещание. После возвращения судьи объявили, что считают аргументы женщины убедительными и серьезными. Доводы же подсудимого были признаны неосновательными, и, следовательно, он должен был определенным образом возместить потерпевшей то, что он у нее взял. Они обратились к присутствующим в зале с просьбой решить, что же подсудимый должен отдать взамен, объяснив, что у него нет денег.

Собравшись небольшими группами, люди стали горячо обсуждать и спустя час пришли к следующему решению: мужчина должен отдать женщине свои галоши. Их стоимость была, примерно, равна сумме похищенных денег. Женщина была этим весьма довольна, поскольку, как она сказала, у нее не было галош, столь необходимых для человека, который целый день стоит на мокром тротуаре. Подсудимый также удовлетворен, ибо, как он сказал, его совесть стала чиста. Он и потерпевшая пожали друг другу руки и расстались друзьями. Все отправились домой в веселом настроении.

Эти истории кажутся забавными, но, если в них вдуматься, они вызывают совсем иное чувство. Справедливость, если она вообще возможна, должна быть ясной. Сталкиваясь с замысловатым законодательством высокоцивилизованных государств, мы как-то полностью забываем об истинной справедливости. Мы поглощены разного рода хитросплетениями, доказательствами алиби, процедурой, уловками всех видов. Русские законы были очень плохи. Советское правительство решило перестроить всю систему, и в то время был создан революционный трибунал. Это, разумеется, не означает, что в его намерение входило увековечить столь упрощенное представление о правосудии.

ЛУИЗА БРАЙАНТ

Публикация доктора филологических наук Б. ГИЛЕНСОНА.

ДАВАЙТЕ НЕ БУДЕМ ПОРТИТЬ ЯЗЫК!

Недавно вышедшая книга ярославского писателя Константина Федоровича Яковлева «Как мы портим русский язык»* затрагивает серьезную проблему. Сразу хочу оговориться: мне кажется, что книга эта адресована не только литераторам или журналистам.

Может быть, мои слова прозвучат неожиданно, но я бы сказал, что книга эта будет особенно полезна юристам. Пожалуй, нигде не требуются столь точные определения, как в правовых документах. Да и выступать перед народом судьям, прокурорам, адвокатам, милицейским работникам приходится постоянно. Неточное, неправильное слово может испортить впечатление от самой правильной речи.

Мне приходилось быть свидетелем, когда самые благие порывы, самые правильные и нужные мысли, слова попросту не доходили до слушате-

лей, оставляли равнодушными, а то и вовсе раздражали только потому, что высказывались они коряво, фразы употреблялись стертые, сухие, канцелярские и строились настолько неправильно, скучно, невыразительно, что уловить, понять, оценить мысль представлялось задачей сложной, почти непосильной.

Надо отдать автору должное — он с большою душевной пиететом о многочисленных случаях порчи русского языка людьми невежественными, глухими к слову.

Последнее время появилась такая мода у молодежи говорить словесными заготовками, заменяющими связную речь и к русскому языку не имеющими никакого отношения. Невольно припоминается встреча в электричке. Напротив меня сидела красивая девушка, со вкусом одетая. Она держалась скромно, с достоинством и при этом еще читала хорошую кни-

* Яковлев К. Как мы портим русский язык. «Молодая гвардия», М., 1976.

гу. И я заметил, что пассажиры как-то выделали девушку и поглядывали на нее если не восхищенно, то уж наверняка одобрительно, благосклонно. А потом на какой-то остановке к ней подседа подружка, девушки разговорились. Смысл разговора понять было трудно, но иногда сквозь гул поезда доносились отдельные слова... «Кореш», «капитально», «модерн», «железно», «потрясно» и так далее. И очарование рассеялось. Напротив меня уже сидела обыкновенная девушка, довольно смазливая, слегка развязная, читающая книгу, которая, по всей вероятности, попала к ней случайно, да и читала она не иначе как высккивая «интересные» места. Вот такое уже было впечатление. И как-то грустно стало от этого случайного разочарования...

Это о бедности языка. А что говорить о такой опасности, как повальное увлечение словами иностранными, употребляемыми пекстати, без надобности, с единственной целью — произвести впечатление. Почему-то считается, что человек, употребляющий иностранные слова, и грамотен, и образован, даже духовно вроде возвышается над окружающими. Хотя, казалось бы, что может произвести впечатление более благоприятное, нежели чистая русская речь, свободная от штампов, канцеляризмов,

и иностранных заменителей?

Думая о русском языке и о страшном количестве совершенно лишнего, ненужного иностранных слов в нем, что не только засоряют, отягощают язык, но и портят его, мешают ясности, красоте и силе выражения, я всегда поражался той безответственности, с какой иные журналисты, работники радио и телевидения, а также ученые люди, пишущие книги и статьи, вводят в оборот все новые и новые иностранные слова, научные и прочие термины, буквально вколачивают их в головы читателей и слушателей. Поражался, как могли они забыть (или не знать) настоячивые предостережения великих знатоков языка или «не замечать» слов В. И. Ленина, в трудные годы гражданской войны призывавшего объявить войну употреблению иностранных слов без надобности... Беда в том, что без нужды и без меры заменяя русские слова иностранными, кое-кто разучивается и правильно, творчески думать.

Иначе сказать— речь идет не только о языке, речь идет о духовной культуре великого народа, о его историческом наследии. И уж коли мы осознали ценность древней архитектуры Руси, ценность ее живописных, скульптурных, рукописных памятников, не пора

ли пристально и заботливо посмотреть и на самое ценное наше сокровище — русский язык, несравнимое богатство и силу которого отмечали все мастера слова, все, кому было дано в совершенстве познать его. Как говорил Иван Сергеевич Тургенев, «русский язык так богат и гибок, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас». А ныне сложилось то огорчительное положение, когда, право же, своевременным кажется предупреждение — как бы не случилось так, что словарь иностранных слов будет потолще словаря русского языка.

Речь, конечно, не идет об иностранных словах необходимых, органично и естественно вошедших в наш язык. Имеются в виду злоупотребления, а порой и просто неправильное использование иностранных слов.

Книга К. Ф. Яковлева вышла по нынешним временам не слишком большим тиражом — сто тысяч экземпляров. Однако хочется верить, что страстный призыв ярославского писателя будет услышан многими людьми, в том числе и теми, от кого в первую очередь зависит чистота языка — редакторами, журналистами, писателями, работниками радио и телевидения. Ведь, в конце концов, речь идет об общей культуре человека, духов-

ной культуре наших граждан, а это забота общая.

Хочется привести слова, сказанные Леонидом Ильичом Брежневым на торжественном заседании, посвященном 50-летию образования Советского Союза: «Быстрый рост международных связей и сотрудничества ведет к повышению значения русского языка, который стал языком взаимного общения всех наций и народностей Советского Союза. И всех нас, товарищи, конечно, радует, что русский язык стал одним из общепринятых мировых языков».

Да, мы не должны забывать, что русский язык — это не только язык, на котором разговаривают многочисленные народы нашей страны; за последние годы он стал одним из основных языков планеты. На русском языке составляются самые важные, самые значительные документы, определяющие отношения между государствами. На русском языке говорят сотни миллионов людей, тиражи книг и журналов, газет и брошюр, издающихся на русском языке, трудно себе представить. И мы должны, это в наших силах, сделать этот язык ясным, правильным, очистить его от инородных, чуждых ему элементов, от всего, что привнесено воинствующим невежеством при попустительстве лю-

дей равнодушных, тех, кто попросту не любит русский язык.

Надо ли говорить, насколько важно знание русского языка для юриста! Правильно, четко, грамотно составленный закон, формулировка, определение, точное слово, не допускающее двусмысленного толкования, поможет избежать ошибок в понимании того или иного положения. В качестве примера хочу привести употребляемое в законах слово «дерзкий». Юристы под этим словом понимают нечто отрицательное, подчеркивающее опасность преступления, особую злонамеренность. В то же время в народе слово «дерзость», «дерзкий» очень часто имеет положительное звучание, и словарями русского языка объясняется как «отчаянный», «безудержно смелый». Да и что говорить, «дерзновение», «дерзание» — слова того же корня. Конечно, из-за одного

неточного слова закон пересматривать вряд ли стоит. Но при составлении новых законов, видимо, было бы не лишним посоветоваться со специалистами, знатоками русского языка.

Вряд ли найдется в нашей стране хотя бы одно издание, будь то газета, журнал, книжная серия, передача по телевидению или радио, в которых бы так или иначе не затрагивались вопросы сохранения природы. Несомненно реже за последние годы печатаются статьи о том, чтобы сохранить в чистоте «русской речи ручейки и реки». А ведь русский язык представляет для нас не меньшую ценность, не меньшее богатство и, судя по всему, тоже нуждается в защите, бережном отношении и, наверное, не грех будет сказать, кое в каких областях нашей жизни нуждается он и в «восстановительных работах».

В. ЩЕРБИНА,
член-корреспондент АН СССР,
заместитель директора
Института мировой литературы
им. А. М. Горького

РЕШАЮТСЯ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТОРГОВЫЕ СПОРЫ

РЕПОРТАЖ

Строго обставленный и вместе с тем уютный зал, где обычно заседает Внешнеторговая арбитражная комиссия при Торгово-промышленной палате СССР, постепенно наполняется людьми. Их немного, может быть не более десяти, и, судя по всему, они все хорошо между собой знакомы. Уважительно здороваются, тепложимают друг другу руки, улыбаются. Даже и не подумаешь, что здесь собрались судиться-рядиться.

Входят арбитры, и председательствующий С. Н. Андрианов негромко объявляет:

— Слушается дело номер сорок два...

Он называет представителей фирмы-истца и фирмы-ответчика и просит докладчика Ю. Б. Драгунову доложить дело.

Суть его такова. Советское внешнеторговое объединение «Зап-частьэкспорт» должно было поставить польскому «Агромет-Мотопорт» запчасти. Но случилось так, что товар во время перевозки где-то застрял, советско-польскую границу не пересек и до адресата не дошел. Поэтому польская организация предъявила советской стороне иск. В него входила сумма, уплаченная польской организацией за товар, плюс четыре процента годовых со времени подачи иска и арбитражный сбор, то есть сбор, взимаемый для покрытия расходов, связанных с деятельностью арбитражной комиссии. Сначала он уплачивается истцом, а потом взимается с ответчика, если решение комиссии будет против него, или распределяется между обеими сторонами.

Слово берет представитель истца юрисконсульт Божена Косаковска:

— Мы просим учесть, что партнер уже нам выплатил часть суммы, и решить в соответствии с мировым соглашением, достигнутым нашими организациями. Оно сводится к сокращению суммы иска; что же касается арбитражного сбора, то мы просим поделить его между нами.

Председательствующий С. Н. Андрианов, арбитры Д. Ф. Рамзайцев и Н. Ю. Сергеева уходят в совещательную комнату.

Я ожидала долгого и упорного спора и, естественно, удивилась, что слушание длилось не более пятнадцати минут. Как удивилась и «покладистости» истца.

— Почему вы пошли на уступки? — поинтересовалась я у представителя торговой организации ПНР Эльжбеты Домбровской.

— А как же иначе вести коммерческие дела? Только на взаимных уступках, уважении к интересам партнера и, конечно же, при полном соблюдении равноправия между заинтересованными организациями.

— Тем более что у нас с «Запчастьэкспортом» давние и добрые отношения, и подобные казусы весьма и весьма редки, — поддерживает Божена Косаковска. — Так что без обоюдных уступок нельзя.

Тем временем арбитры вернулись в зал, и председатель огласил решение:

— Производство по делу прекратить ввиду мирового соглашения сторон.

Однако не всегда спор заканчивается «мирным» исходом. Случается, что он становится весьма длительным, рассматривается не в одном заседании и для разрешения его привлекается немало специалистов и экспертов. Обе стороны доказывают свою правоту с завидным упорством, ссылаются на законы, представляют все новые и новые доказательства.

Яркий пример — дело, которое здесь для краткости называют «Спящая красавица».

Одна из крупнейших зарубежных кинопрокатных фирм (английская «Ромулс филмс лимитед») заключила с объединением «Совэкспортфильм» договор, по которому после уплаты шестнадцати тысяч фунтов стерлингов получила право на прокат в кинотеатрах и показ по телевидению советского фильма-балета «Спящая красавица». Семидесятимиллиметровые копии картины продавец поставил согласно договоренности, а тридцатипятимиллиметровые заказал в США, отослав туда для контратипирования негатив.

Партнер советского объединения в США во время перевозки по-

терял две части негатива. Из-за этого английская фирма не получила тридцатипятимиллиметровых копий, понесла убытки и предъявила иск более чем на 47 тысяч фунтов стерлингов. В эту сумму входили стоимость фильма, рекламные расходы, а также упущенная выгода, то есть те прибыли, на которые англичане рассчитывали.

Наше объединение считало, что поскольку негатив потерян американцами, то они и должны за это отвечать.

Арбитражная комиссия изучила обстоятельства дела, консультировалась с различными экспертами, не только техническими специалистами, но и экономистами. Интересы англичан представлял советский юрист, член Инюрколлегии, которая создана для защиты интересов иностранных граждан и организаций в СССР и советских граждан и организаций за границей. После скрупулезного изучения буквально всех деталей, тщательного анализа представленных сторонами аргументов комиссия пришла к решению, занимавшему целых шестьдесят страниц. Оно сводилось к тому, что «Совэксспортфильм» допустил грубую небрежность, выразившуюся в отправке оригинала негатива в другую страну без обеспечения себя дубликатом... Так что ссылка на его потерю американской фирмой не имела никакой юридической связи с взаимоотношениями между советским объединением и английской фирмой. И, следовательно, иск обоснован. Вместе с тем комиссия нашла, что он несколько завышен: оценка фирмой ожидаемой прибыли в 25 тысяч фунтов стерлингов не отличалась убедительностью. В данном случае арбитры учли следующее: при заключении сделки «Ромулс филмс лимитед» оговорила, что, уплатив 16 тысяч фунтов, она рассчитывает затраченные деньги «по крайней мере удвоить». Именно эту цифру комиссия и приняла за сумму прибылей и обязала объединение уплатить по иску 39 874 фунта стерлингов.

Казалось бы, не получив полного удовлетворения иска, англичане имели основания обижаться. Однако директор фирмы не мог не признать объективности советских арбитров и не отметить ценной помощи адвокатов из Инюрколлегии. В лондонской газете «Таймс» он так сказал об их решении: «С самого начала было очевидно, что наши русские адвокаты столь же ревностно, как и мы сами, стремились выиграть наше дело, и я могу дать лишь самую высокую оценку той умной и квалифицированной помощи и консультации, которую мы от них получили. Суперарбитр... произвела на нас огромное впечатление блестящим ведением дела и необычайно быстрым пониманием технических вопросов».

И еще: «...Я могу с удовлетворением сказать, что любая ком-

мерческая фирма может быть уверена в том, что ей обеспечено в Москве тщательное и беспристрастное разбирательство».

— Да, наша Внешнеторговая арбитражная комиссия действительно пользуется высоким международным авторитетом,— говорит ее председатель профессор Владимир Сергеевич Поздняков.— Мы завоевали доверие различных фирм и предприятий мира непредвзятостью, абсолютной объективностью, максимально возможным соблюдением интересов спорящих сторон, тщательным выяснением всех договорных обязательств. На такой и только такой основе выносятся все решения. И поэтому они справедливы.

Я прошу Владимира Сергеевича подробнее рассказать о существующих способах разрешения разногласий.

— В международной торговле принято, что спорящие организации могут назначить в качестве судьи какое-то третье лицо для разбора коммерческого конфликта. Такой способ его разрешения называется *ad hoc* (для данного случая). Но существует и коммерческий арбитраж другого вида — с помощью постоянно действующих комиссий, в которые может обратиться любая торговая организация из любой страны. Они действуют сейчас во всех государствах, входящих в СЭВ, а также в США, Индии, Италии, Швеции и в некоторых других. Дело обычно рассматривается в стране ответчика или в какой-либо третьей стране.

Наша комиссия была создана только в 1932 году, когда молодая Советская республика все увереннее начала налаживать деловые связи с различными державами мира. Это позволило оградить советские внешнеторговые организации от предвзятых решений или, по крайней мере, от решений, мало учитывавших их интересы. Чего скрывать: порой арбитры из назначенных партнерами государств не отличались объективностью. Бывали такие случаи, бывали. Зато нашу комиссию никто не может обвинить в том, что она соблюдает лишь выгоды советских торгующих организаций. Никто! Ибо мы всегда справедливы, всегда уважаем интересы тех, кто обратился к нам за юридической помощью.

Есть одна особенность у нашей комиссии. В отличие от Госарбитража, она — организация сугубо общественная и не подчинена никаким административным органам. Сами арбитры не связаны с торговыми организациями. Они точно так же, как и избираемый ими председатель, в своих решениях абсолютно независимы.

Кто же в нее входит? Естественно, люди, обладающие специальными знаниями и опытом, высокой теоретической и практической подготовкой. Это профессора кафедр Московского государственного института международных отношений, юридического факуль-

тста МГУ, Всесоюзной академии внешней торговли, сотрудники Всесоюзного научно-исследовательского института советского законодательства, кандидаты и доктора наук. Их знания позволяют безошибочно разбирать любые дела, начиная от просрочки поставок оборудования и кончая поставками дефектных товаров или задержками в поревозке. Согласно существующим правилам ведения дел арбитров выбирают истец и ответчик из списка арбитров комиссии. Те, на кого пал выбор, в свою очередь, назначают председателя.

Текущую работу по подготовке заседаний, а также сбору документации, приглашению экспертов, оповещению сторон ведет секретариат комиссии, его штатные сотрудники. Например, референт Анастасия Илларионовна Медведева, проработавшая в этой должности более двадцати лет.

— Вот смотрите, сколько дел,— показал мне сложенные на стеллажах папки старший консультант секретариата Анатолий Викторович Котов.— Около ста в течение 1976 года. Почти половина закончилась мировым соглашением. Но остальные потребовали долгого разбирательства. Каждое дело не только свидетельство колоссальной работы комиссии. В них отражается масштаб и разнообразие торговых связей СССР. Это особенно приятно вспомнить в юбилейный год Советской власти. За время, прошедшее с тех пор, когда были заключены первые торговые соглашения, наше государство из страны, продающей в основном сырье, превратилось в мощную державу, которая вывозит на мировой рынок самое современное оборудование, станки, изделия легкой и тяжелой промышленности, отвечающие высоким требованиям международных стандартов.

В речи на октябрьском (1976 года) Пленуме ЦК КПСС Л. И. Брежнев отметил, что одна из важнейших задач состоит в том, чтобы в полной мере использовать,— причем не только в Европе,— благоприятные возможности, созданные итогами общеевропейского совещания в Хельсинки, и в полном соответствии с программой, утвержденной XXV съездом партии, продолжить работу по развитию равноправных, взаимовыгодных отношений с капиталистическими государствами.

...Как я поняла из просмотренных мною дел, большинство конфликтов, разбирающихся Внешнеторговой арбитражной комиссией,— споры между организациями стран, входящих в СЭВ. Прежде всего потому, что торговый оборот между ними с каждым годом увеличивается. В рамках СЭВ для регулирования деятельности международного арбитража в соответствии с Комплексной программой дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции стран — членов

СЭВ разработана Конвенция о разрешении арбитражным путем гражданско-правовых споров, вытекающих из экономического и научно-технического сотрудничества социалистических стран.

Дел, разбираемых между советскими организациями и фирмами капиталистических стран, также немало. Они рассматриваются во ВТАК, если в контрактах есть специальная оговорка о том, что в случае конфликта дело разбирается в арбитражной комиссии в Москве.

— Должен сказать,— пояснил А. В. Котов,— что для вынесения решений одних юридических знаний бывает мало. Приходится тщательно взвешивать выкладки и заключения, представленные другими специалистами и экспертами. И не просто взвешивать, а проверять и перепроверять.

И здесь я услышала интересную историю рассмотрения дела о простое судов, в котором важную роль сыграло заключение специалистов.

...Советское объединение обязалось поставить итальянской фирме лесоматериалы. Был подписан чартер (договор) о перевозке груза на нашем дизельэлектроходе и разгрузке его в порту за счет заказчика. В соответствии с условиями договора на разгрузку требовалось пять с половиной суток. На самом же деле она заняла семь суток и двенадцать часов. Простой судна. Капитан потребовал выплатить компенсацию. Фирма сначала выплатила требуемую сумму, а потом направила иск во Внешнеторговую арбитражную комиссию в Москве с просьбой вернуть ее, а также уплатить проценты, арбитражный сбор и расходы на адвоката. Мотивировка — время разгрузки рассчитано неверно. Именно вокруг этого и разгорелся спор.

Если исходить из общего количества товара во всех трюмах и разделить его на существующие нормы ежедневной разгрузки, помноженные на число трюмов, то получится какое-то определенное количество дней. Но итальянцы утверждали, что трюмы у дизельэлектрохода разные и, следовательно, время надо рассчитывать только по самому большому. В этом случае требуется и времени больше. К тому же рабочий день в этом порту длится лишь восемь часов, что также увеличивает продолжительность работ.

Внешнеторговая арбитражная комиссия изучила все условия договора, ознакомилась с трудами различных авторов по морскому праву, с решениями аналогичных дел в других комиссиях и в иске отказала. Решение основывалось на том, что в практике мировой торговли и перевозок принято рассчитывать среднее время работ в порту, исходя из общего количества люков. Если бы стороны на-

меревались определять время на основе количества груза в одном люке, то в договоре об этом была бы сделана соответствующая оговорка. А ее нет. Такая же оговорка содержалась бы и насчет рабочего дня в порту. И коль ее тоже нет, то, следовательно, считается, что рабочий день, по обычаю всех портов, продолжается более двадцати часов. Так что штраф за простой судна получен вполне справедливо.

Не менее кропотливые исследования понадобились при решении дела по иску чехословацкого предприятия к советскому о несоответствии купленного масла установленному в договоре стандарту, за что истец требовал от советского предприятия возвращения суммы уценки.

В контракте предусматривалось, что при проверке качества масла покупатель будет руководствоваться ГОСТом № 37—557. Во всем же, что не предусмотрено стандартом, действуют «Общие условия поставок СЭВ 1958 года...» Пришлось собирать документы о сроках проверки масла со дня производства и получения, о температуре в холодильниках, где оно хранилось, и температуре в момент проверки, о соответствии правил проверки ГОСТу, о количестве ящиков, из которых брали пробу, и т. д. Поскольку сливочное масло — скоропортящийся продукт, то по «Общим условиям поставок СЭВ...» оно должно проверяться в поездах с механическим охлаждением не позднее, чем через семьдесят два часа после подачи вагонов под выгрузку. Покупатель же сделал это спустя... 28 дней. Ясное дело, иск не удовлетворили.

Особая ответственность ложится на арбитров при разрешении споров между организациями других государств. Любопытен в этом отношении иск венгерской организации к болгарской за задержку доставки двух строившихся в НРБ грузовых кораблей.

Выяснилось, что, пока шли работы, истец и ответчик из-за изменений в конструкции судов меняли сроки поставки. Однако и последний срок не был соблюден. Ответчику предъявили иск на сумму, составляющую восемь процентов штрафа от стоимости судов и четыре процента годовых с суммы штрафа. Комиссия поддержала истца, так как ответчик не смог доказать, что задержка связана именно с изменениями в конструкции или навигационными условиями, как он утверждал сначала.

Листаю новые и новые дела.

...Итальянская фирма предъявила иск советской торговой организации с требованием уценки одного из двух уникальных станков стоимостью около миллиона. Причина — второй станок оказался с дефектом. Итальянцы при этом задерживали оплату за оба станка,

уже находившиеся на их территории. Продавец предлагал прислать своих специалистов, чтобы устранить дефекты, но покупатель на это не соглашался и настаивал на уценке. Комиссия постановила: уценке подлежит только второй станок, так как первый был без дефектов и уже перепродан фирмой другому партнеру.

...Один из предпринимателей-коннозаводчиков купил в СССР скакового жеребца Геракла — победителя многих состязаний. Сумму, требуемую за него, он уплатил и, еще не получив коня, заключил сделку с двумя компаньонами. Теперь все они становились владельцами лошади и должны были вместе получать доходы с нее.

Однако жеребец при погрузке в вагон сломал ногу. Советская сторона предложила расторгнуть сделку, вернув деньги и четыре процента годовых, но покупатель не соглашался. Он требовал доказательств травмы Геракла или его замены скаковой лошастью, которую он сам выберет, без заключения новой сделки. Но по существующим нормам торговли жеребцы-призеры, дрессированные звери и т. д. с индивидуальными качествами незаменимы. Стороны достигли мирового соглашения. Для покупки нового коня была заключена другая сделка на выгодных для тех и других условиях.

...Наша торгующая организация поставила в ГДР электронно-вычислительные машины. Прежде чем начать эксплуатацию, немецкие специалисты изменили схемы, чтобы приспособить их к использованию в нужной им сфере. Испытания ЭВМ прошли неудачно. Надо было решать, кто виноват: организация, продавшая машины, или покупатель, внесший изменения.

ВТАК поддерживает обширные международные связи с различными арбитражными комиссиями, в том числе и с Международным советом по арбитражу. Такие контакты полезны всем. Ведь порой приходится решать дела, подобных которым не встречалось в практике советской комиссии. Такие же встречаются и в комиссиях других стран. Это связано с расширением форм и методов международной торговли.

Об авторитете нашей комиссии говорят, в частности, и такие факты: в Международном совете по арбитражу выбраны председатель Морской арбитражной комиссии Сергей Николаевич Лебедев — вице-президент Международного арбитража; председатель Внешнеторговой арбитражной комиссии Владимир Сергеевич Поздняков — член совета.

Международный совет по арбитражу уже несколько раз собирал представителей различных комиссий на специальные конгрессы. Пятый конгресс был в Индии, а четвертый, в 1973 году, — в Москве. В нем участвовало более двухсот человек из различных стран мира.

О ПРОЕКТЕ ОСНОВ ЛЕСНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СОЮЗА ССР И СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

Совет Министров СССР внес в Президиум Верховного Совета СССР проект Основ лесного законодательства Союза ССР и союзных республик.

В проекте Основ отмечается, что леса в СССР играют большую роль в развитии экономики, улучшении окружающей среды и повышении благосостояния народа. Они являются источником удовлетворения потребностей страны в древесине и другой лесной продукции, оказывают благоприятное влияние на климат и гидрологический режим рек, предохраняют почву от ветровой и водной эрозии и имеют иные полезные природные свойства. Леса все больше используются в оздоровительных целях, для удовлетворения культурных и эстетических запросов населения.

Многостороннее значение лесов и длительность их выращивания придают делу рационального использования, сбережения лесных богатств характер общегосударственной задачи.

Советское лесное законодательство призвано активно способствовать научно обоснованному, комплексному использованию лесов, их планомерному воспроизводству и эффективной охране в интересах настоящего и будущих поколений, воспитанию советских людей в духе высокой ответственности за рачительное, хозяйское отношение к лесу как важной составной части природных богатств.

В законопроекте определяются задачи советского лесного законодательства, устанавливается компетенция Союза ССР и союзных республик в области регулирования лесных отношений.

Подробно в проекте Основ регламентируются вопросы лесопользования, воспроизводства и повышения продуктивности лесов, их охраны и защиты. Специальный раздел посвящен ответственности за нарушение лесного законодательства.

Лесопользователями в нашей стране могут быть государственные, кооперативные и общественные предприятия, организации и учреждения, а также граждане СССР. В случаях, предусмотренных законодательством Союза ССР, лесопользователями могут быть и иные организации и лица.

Древесина на корню в лесах отпускается за плату по установленным таксам. Отпуск древесины на корню в колхозных лесах для нужд общественного хозяйства колхозов производится бесплатно. Лесохозяйственные предприятия государственных органов лесного хозяйства, а также другие предприятия, организации и учреждения, на которые возложено ведение лесного хозяйства, освобождаются от платы только за ту древесину, которую они получают при осуществлении ухода за лесом и других лесохозяйственных мероприятий.

Заготовка живицы в лесах может производиться только государственными и кооперативными предприятиями, организациями и учреждениями.

Побочные лесные пользования осуществляются бесплатно за исключением промысловой заготовки древесных соков, дикорастущих плодов, орехов, грибов, ягод и технического сырья. Таксы на указанную продукцию устанавливаются законодательством союзных республик.

Лесохозяйственные предприятия государственных органов лесного хозяйства, а также предприятия, организации и учреждения, на которые возложено ведение лесного хозяйства, осуществляют все виды побочных лесных пользований бесплатно.

Граждане имеют право свободно пребывать в лесах, собирать дикорастущие плоды, орехи, грибы, ягоды и тому подобное. Однако пребывание в лесах и сбор плодов и ягод могут быть ограничены в порядке, определяемом законодательством Союза ССР и союзных республик, в интересах пожарной безопасности, ведения орхологов, лесоплодового или лесосеменного хозяйства.

Лица, пребывающие в лесу, обязаны соблюдать правила пожарной безопасности, не допускать поломов и порубок деревьев и кустарников, повреждения лесных культур, засорения лесов, разорения муравейников, гнездовий птиц и тому подобного.

Виновные в нарушении лесного законодательства несут уголовную или административную ответственность. В частности, такая ответственность предусмотрена за:

- самовольное сенокосение и пастьбу скота в лесах;
- самовольный сбор плодов, орехов, грибов, ягод на участках, где это запрещено или допускается только по лесным билетам;
- уничтожение и повреждение отграничительных знаков в лесах;
- уничтожение или повреждение лесной фауны;
- уничтожение или повреждение лесных культур, сеянцев либо саженцев в лесных питомниках и на плантациях, а также молодняка естественного происхождения и самосева на площадях, предназначенных под лесовосстановление.

В соответствии с решением Президиума Верховного Совета СССР проект Основ лесного законодательства Союза ССР и союзных республик опубликован в газетах «Известия Советов депутатов трудящихся СССР», «Сельская жизнь», «Лесная промышленность» и в республиканских газетах для обсуждения общественностью.

Замечания и предложения по проекту Основ следует направлять по адресу: Москва, Кремль, Секретариат Президиума Верховного Совета СССР.

СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ

**наши
консультации**

Пенсии по старости рабочим и служащим

Право на пенсию по старости имеют рабочие и служащие: мужчины — по достижении 60 лет и при стаже работы не менее 25 лет; женщины — по достижении 55 лет и при стаже не менее 20 лет.

Некоторым категориям трудящихся пенсия по старости устанавливается на льготных условиях. С учетом характера работы, условий труда и иных обстоятельств предусмотрены различные льготы: для одних — снижение пенсионного возраста, для других — сокращение трудового стажа, для третьих — сочетание того и другого.

На льготное пенсионное обеспечение по старости имеют право рабочие и служащие на подземных работах, на работах с вредными условиями труда и в горячих цехах (Список № 1 производств, цехов, профессий и должностей, утвержденный Советом Министров СССР). Согласно этому Списку пенсия

назначается: мужчинам — по достижении 50 лет и при стаже не менее 20 лет; женщинам — по достижении 45 лет и при стаже работы не менее 15 лет. При этом не требуется, чтобы весь этот стаж приходился на работы, предусмотренные Списком № 1, достаточно, если такие работы составляют половину стажа.

Рабочим и служащим на других работах с тяжелыми условиями труда (Список № 2 производств, цехов, профессий и должностей, утвержденный Советом Министров СССР) пенсия назначается: мужчинам — по достижении 55 лет и при стаже не менее 25 лет; женщинам — по достижении 50 лет и при стаже не менее 20 лет. В этих случаях право на льготную пенсию возникает при условии, что не менее половины необходимого стажа приходится на работы, предусмотренные Списком № 2 или Списком № 2 и Списком № 1 в

общей сложности. Поясним примером. Гражданин 55 лет обратился за пенсией по старости. Шесть лет из его трудового стажа составляют работы по Списку № 1, шесть с половиной лет — по Списку № 2 и пятнадцать лет — работы с обычными условиями труда. Гражданин имеет право на льготную пенсию, так как работы по спискам № 1 и № 2 в общей сложности равны половине необходимого стажа (12,5 лет).

На пять лет снижен также пенсионный возраст работникам предприятий текстильной промышленности. Пенсия назначается им по достижении 50 лет, если они не менее 20 лет были заняты на работах, предусмотренных специальным списком производств и профессий. Допускается суммирование этой работы и работы, указанной в списках № 1 и № 2.

Рабочим и служащим из числа военнослужащих, ставших инвалидами вследствие ранения, контузии или увечья, полученных при защите СССР или при исполнении иных обязанностей военной службы, либо вследствие заболевания, связанного с пребыванием на фронте, пенсия по старости назначается: мужчинам — по достижении 55 лет и при стаже не менее 25 лет; женщинам — по достижении 50 лет и при стаже не менее 20 лет. Правом

на такую льготу пользуются те, кто к моменту обращения за пенсией по старости является инвалидом одной из трех групп (I, II или III) вследствие перечисленных причин. Бывшим военнослужащим, ставшим инвалидами в результате несчастного случая, не связанного с исполнением обязанностей военной службы, или заболевания, не связанного с пребыванием на фронте, пенсия по старости назначается на общих основаниях.

Рабочим и служащим, проработавшим не менее 15 календарных лет в районах Крайнего Севера либо не менее 20 календарных лет — в местностях, приравненных к этим районам, пенсия по старости назначается: мужчинам — по достижении 55 лет и при стаже не менее 25 лет, женщинам — по достижении 50 лет и при стаже не менее 20 лет.

Женщинам, работающим трактористами-машинистами в сельском хозяйстве, других отраслях народного хозяйства, а также женщинам, работающим машинистами строительных, дорожных и погрузочно-разгрузочных машин — по Списку производств и профессий, утверждаемому Советом Министров СССР, пенсия назначается по достижении 50 лет и при стаже не менее 20 лет. При этом не менее 15 лет стажа должны составлять работы,

предусмотренные данным Списком или им и списками № 1 и № 2 в общей сложности.

Существенные льготы предоставлены многодетным матерям. Женщины, родившие пять или более детей и воспитавшие их до восьмилетнего возраста, имеют право на пенсию по достижении 50 лет и при стаже работы не менее 15 лет. Наравне с рожденными детьми учитываются и усыновленные, в свидетельстве о рождении которых женщина, обратившаяся за льготной пенсией, записана матерью. Если в свидетельстве о рождении усыновленного ребенка женщина матерью не записана, то этот ребенок учитывается в числе пятерых детей при условии, что его усыновили до достижения им восьми лет.

Рабочим и служащим — слепым, являющимся инвалидами I группы по зрению, пенсия по старости назначается: мужчинам — по достижении 50 лет и при стаже не менее 15 лет; женщинам — по достижении 40 лет и при стаже работы не менее 10 лет.

Рабочие и служащие, больные гипофизарным нанизмом (лилипуты), имеют право на пенсию: мужчины — по достижении 45 лет и при стаже работы не менее 20 лет, женщины — по достижении 40 лет и при стаже работы не менее 15 лет.

Рабочим и служащим, у которых нет трудового стажа, необходимого для установления полной пенсии по старости, может быть назначена пенсия при неполном стаже.

Право на пенсию по старости при неполном стаже имеют рабочие и служащие, которые: достигли пенсионного возраста (мужчины — 60 лет, женщины — 55 лет) в период работы; проработали не менее 5 лет; непосредственно перед обращением за пенсией проработали не менее 3 лет (в этом трехлетнем периоде допускаются перерывы в работе, не превышающие в общей сложности 6 месяцев); обратились за пенсией в период работы либо не позднее месячного срока со дня прекращения работы.

Пенсия по старости исчисляется в процентах к среднемесячному заработку. (Ее размеры даны в таблице на стр. 87.)

Минимальный размер пенсии по старости — 45 рублей, максимальный — 120 рублей в месяц.

Рабочим и служащим, проработавшим в угольной и сланцевой промышленности и на строительстве угольных и сланцевых шахт не менее 15 лет на подземных работах на шахтах с особо вредными и тяжелыми условиями труда и в должностях, связанных с подземными работами на этих шахтах, по

Месячный заработок в рублях	Пенсия			
	Рабочим и служащим, кроме работавших на под- земных работах, на рабо- тах с вредными условиями труда и в горячих цехах		Рабочим и служащим, работавшим на подземных работах, на работах с вредными условиями труда и в горячих цехах	
	В про- центах к зара- ботку	Наименьший размер пенсии в рублях (без надбавок)	В про- центах к зара- ботку	Наименьший размер пенсии в рублях (без надбавок)
от 60 до 80	65	45	70	48
от 80 до 100	55	52	60	56
от 100 и выше	50	55	55	60

Списку производств, цехов, профессий и должностей, утверждаемому Советом Министров СССР, установлены повышенные максимальные размеры пенсии по старости: проработавшим на указанных работах и в должностях от 15 до 20 лет — 140 рублей и более 20 лет — 160 рублей в месяц. Такой максимальный размер установлен для рабочих и служащих, которые были заняты на соответствующих работах к 1 апреля 1976 года или позднее. При определении права на пенсию в повышенных максимальных размерах применяется перечень шахт, утвержденный 12 августа 1976 года Госкомтрудом СССР и секретариатом ВЦСПС.

К пенсии по старости начисляются надбавки — за непрерывный или общий стаж и на нетрудоспособных членов

семьи. Начисляются они в процентах к основному размеру и в пределах установленного максимума.

Надбавка в размере 10 процентов пенсии устанавливается за непрерывный стаж работы свыше 15 лет. Причем не имеет значения, к какому времени рабочий или служащий имел этот стаж — непосредственно перед обращением за пенсией или ранее.

Надбавка за общий стаж работы — также в размере 10 процентов пенсии — начисляется мужчинам, проработавшим не менее 35 лет, и женщинам, проработавшим не менее 30 лет. Рабочим и служащим, имеющим право на пенсию на льготных условиях (при сниженном стаже), эта надбавка устанавливается, если их общий стаж превышает стаж, необходимый для назначения

пенсии, не менее чем на 10 лет. Например, многодетной матери назначена льготная пенсия по старости. Ее стаж — 25 лет. Поскольку он на 10 лет больше требуемого (в этих случаях необходимо иметь 15 лет стажа), к пенсии должна быть начислена надбавка за общий стаж.

Лицам, имеющим одновременно право на надбавку за непрерывный и за общий стаж, начисляется одна надбавка.

Надбавка на нетрудоспособных членов семьи, находящихся на иждивении пенсионера, устанавливается только неработающим пенсионерам. Она начисляется в следующих размерах: имеющим на иждивении одного нетрудоспособного члена семьи — 10 процентов пенсии, двух или более нетрудоспособных — 15 процентов пенсии.

При установлении надбавок к пенсии по старости соблюдаются следующие правила:

каждая из надбавок начисляется к сумме пенсии, исчисленной без учета другой надбавки;

если сумма пенсии, исчисленная в процентах к заработку, не достигает минимального размера пенсии, то надбавки начисляются к этой сумме, а не к минимуму;

пенсии со всеми надбавками не могут быть ниже минимальных размеров и не должны превышать 100 процентов зара-

ботка, из которого исчислена пенсия.

Кроме перечисленных надбавок для рабочих и служащих из числа военнослужащих, ставших инвалидами вследствие ранения, контузии или увечья, полученных при защите СССР или при исполнении иных обязанностей военной службы либо вследствие заболевания, связанного с пребыванием на фронте, предусмотрено повышение пенсии по старости, включая минимальную, на 15 рублей в месяц. Такое повышение производится после начисления всех полагающихся надбавок, но в пределах максимальных размеров пенсии.

Пенсии по старости при неполном стаже назначаются в размере, пропорциональном имеющемуся стажу, но не менее четвертой части полной пенсии. К пенсии при неполном стаже надбавки не начисляются.

Рабочий или служащий, имеющий право на пенсию по старости при полном стаже, может обратиться за ее назначением в период работы и в любое время после прекращения работы.

Назначается пенсия по старости пожизненно, независимо от состояния здоровья и трудоспособности пенсионера.

Л. ВУЛЬФ,
начальник отдела
Министерства социального
обеспечения РСФСР

Уличные и квартальные комитеты

Среди многообразных форм участия советских граждан в решении государственных дел заметное место занимают уличные и квартальные комитеты. Это — добровольные общественные организации населения. Они входят в актив местных Советов депутатов трудящихся, работают под их руководством и контролем. Порядок образования уличных и квартальных комитетов, их права и обязанности определяются специальными Положениями, которые утверждаются Президиумами Верховных Советов или правительствами союзных республик либо исполкомами областных, краевых Советов.

Уличные и квартальные комитеты избираются открытым голосованием на общих собраниях граждан в селах, поселках, городах, обычно в составе от пяти до двадцати человек. Созываются собрания исполнительными комитетами сельских, поселковых, городских (районных в городе) Советов.

По мере необходимости комитеты могут создавать секции: культурно-бытовую, санитарную, благоустройства, по работе среди детей и тому подобные.

Территория, на которой работает комитет, определяется исполкомом соответствующего Совета в границах улицы, ее части или квартала, где преобладают домовладения, принадлежащие гражданам на праве личной собственности.

Каковы же задачи, права и обязанности уличных, квартальных комитетов? Они содействуют претворению в жизнь решений местных Советов, их исполнительных комитетов, привлекают граждан к участию в мероприятиях, направленных на улучшение культурно-бытовых условий населения. Комитеты заботятся о благоустройстве территории, ее озеленении и санитарной очистке, следят за правильной эксплуатацией жилья, ведут культурно-просветительную работу, помогают укреплению общественного порядка.

Уличные и квартальные комитеты развертывают среди населения социалистическое соревнование за образцовое содержание домов и прилегающих к ним территорий, их высокую санитарную культуру, проводят совместно с другими организациями праздники улиц.

Есть в Кемеровской области поселок Листвяги. Живут

здесь в основном шахтеры. Они любят свой небольшой, уютный поселок. И надо сказать, что чистотой и благоустройством этот населенный пункт во многом обязан уличным комитетам. Они умело организуют социалистическое соревнование за образцовую улицу. Итоги последнего соревнования были подведены на вечере, состоявшемся на агитплощадке. Пришло более трехсот человек — и знатные люди, передовики производства, и юноши и девушки, и ветераны войны и труда. Зачитали решение комиссии, которая проверяла состояние улиц. Лучшей была признана улица Николаевская, ей присуждено первое место. Председателю уличного комитета Н. Овчинникову вручили памятные подарки.

Уличные и квартальные комитеты контролируют соблюдение правил индивидуальной застройки и размеры приусадебных земельных участков. При выявлении самовольного строительства домов и пристроек, нарушений норм приусадебного землепользования общественники сообщают об этом в исполком для принятия мер.

Комитеты содействуют школе в проведении учета детей школьного возраста, участвуют в работе по предупреждению детской безнадзорности и правонарушений несовершеннолет-

них, организации отдыха детей.

Важная задача уличных и квартальных комитетов — содействие органам внутренних дел, добровольным народным дружинам и опорным пунктам профилактики правонарушений в охране общественного порядка, борьбе с лицами, нарушающими правила социалистического общежития, допускающими другие аморальные поступки. Например, квартальные комитеты № 4 и № 35 Ленинского района Краснодара активно борются с пьянством. По их инициативе ряд лиц направлен на принудительное лечение от алкоголизма. Некоторые другие, ранее нигде не работавшие, трудоустроены.

Комитеты помогают органам милиции контролировать соблюдение паспортных правил, выявляют лиц, проживающих без прописки; следят за тем, чтобы население своевременно платило налоги, вносило страховые платежи.

Члены комитетов помогают органам здравоохранения организовывать лечебно-профилактическую работу среди населения, заботятся об инвалидах войны и труда, семьях погибших воинов и потерявших кормильцев, о престарелых.

Комитеты следят, чтобы граждане — владельцы домов, а также культурно-бытовые и торговые предприятия соблюдали правила противопожарной

безопасности. К примеру, в городе Токмаке (Киргизская ССР) на общественных началах действуют пожарные инспекторы. Они проверяют состояние печей, дымоходов, электропроводки. О результатах докладывают комитетам.

Успех в работе уличных и квартальных комитетов во многом зависит от их контакта с другими общественными организациями, в частности с товарищескими судами и добровольными народными дружинами. Нередко они объединяют свои усилия, сообща проводят те или иные мероприятия.

Комитеты могут созывать собрания граждан. Нередко на таких собраниях обсуждают поведение отдельных граждан, нарушивших общественный порядок или не соблюдающих правила пользования жилой площадью. Комитет вправе оформить и передать материалы о нарушителях в товарищеский суд.

Комитет вносит предложения в исполком местного Совета, его отделы и управления, выступает с ходатайствами по вопросам, входящим в его компетенцию, участвует в составлении плана благоустройства территории улицы, квартала. Для этого комитет может по-

сылать кого-либо из своих членов на заседание исполкома или на сессию с правом совещательного голоса, а также на собрания и совещания общественного актива.

Уличные и квартальные комитеты информируют исполкомы местных Советов о недостатках в работе предприятий торговли, общественного питания и коммунально-бытового обслуживания и вносят свои предложения о том, как поправить дело. Комитеты участвуют также в рассмотрении заявлений и жалоб граждан.

Работают уличные и квартальные комитеты по плану, согласованному с исполкомом соответствующего местного Совета. План обычно составляется на квартал. Заседания комитета проводятся раз в месяц.

Исполкомы местных Советов заслушивают отчеты уличных и квартальных комитетов, знакомят их с очередными задачами и перспективами хозяйственного и социально-культурного строительства, решениями органов власти и управления. Исполкомы выдают членам комитетов удостоверения, обеспечивают эти общественные организации помещениями, канцелярскими принадлежностями.

П. ЗОБНИН,
консультант журнала
«Советы депутатов
трудящихся»

читатель на приеме у юриста

Многих читателей журнала интересуют различные вопросы, касающиеся предоставления рабочим и служащим отпусков. По просьбе редакции на ряд таких вопросов отвечают кандидат юридических наук, старший преподаватель Новосибирского института инженеров железнодорожного транспорта М. П. Ешкин и старший преподаватель Новосибирского института народного хозяйства Л. Г. Большакова.

При каких условиях и в каком порядке предоставляются дополнительные отпуска членам добровольных народных дружин, пожарных дружин и общественным воспитателям несовершеннолетних?
А. Пастухов,
Новосибирская область.

Наиболее отличившимся членам добровольных народных дружин по охране общественного порядка могут предоставляться дополнительные оплачиваемые отпуска сроком до трех дней в году. Они предоставляются руководителями предприятий, организаций по мотивированным ходатайствам штабов (командиров) дружин, согласованным с районным (городским) штабом народных дружин. При этом учитываются количество и продолжительность выходов дружинника на

дежурство, конкретные результаты его работы в борьбе с правонарушениями, а также трудовые показатели и личное поведение. Это предусмотрено Положением о добровольных народных дружинах РСФСР по охране общественного порядка, утвержденным постановлением Совета Министров Российской Федерации от 19 июля 1974 года.

Членам добровольных пожарных дружин, особо проявившим себя при ликвидации или предупреждении пожаров, могут предоставлять — в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 2 марта 1954 года — дополнительный оплачиваемый отпуск до шести дней в году.

Общественным воспитателям несовершеннолетних, наиболее от-

личившимся при выполнении обязанностей по воспитанию и перевоспитанию подростков, администрация предприятий, учреждений, организаций имеет право предоставлять дополнительные оплачиваемые отпуска продолжительностью до трех рабочих дней в году. Такое право дано администрации Положением об общественных воспитателях несовершеннолетних, которое утверждено Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 13 декабря 1967 года.

Дополнительные отпуска народным дружинникам, членам пожарных дружин и общественным воспитателям несовершеннолетних являются поощрением за выполнение государственных или общественных обязанностей и даются сверх основного отпуска и всех других дополнительных, которыми пользуется данный работник.

По вопросам, связанным с предоставлением таких поощрительных дополнительных отпусков, рабочий или служащий не вправе обращаться в органы, рассматривающие трудовые споры. Денежная компенсация в случае неиспользования этих отпусков при увольнении не выплачивается.

**Я перешла с одного предприятия на другое в порядке перевода. При увольнении получила денежную компенсацию за 16 дней неиспользованного отпуска. Должна ли администрация на новом месте предоставить мне отпуск — 16 дней — без сохранения зарплаты до истечения одиннадцати месяцев работы после перевода?
Л. Цыганкова,
Омская область.**

При увольнении рабочих и служащих, в том числе и в связи с переводом на другое предприятие, с ними производится полный расчет. Выплачивается и компенсация за неиспользованный отпуск. Предоставление на новом месте отпуска без сохранения зарплаты по той причине, что переведенный не использовал отпуск на прежней работе, законодательством не предусмотрено. Кратковременный отпуск без сохранения заработной платы может быть предоставлен администрацией рабочему или служащему по семейным обстоятельствам и другим уважительным причинам. Отпуск без сохранения зарплаты дается также женщине по ее заявлению (кроме отпуска по беременности и родам) — до достижения ребенком года.

Что же касается оплачиваемого отпуска за первый год работы на данном предприятии, в учреждении, то он предоставляется, как

правило, по истечении одиннадцати месяцев непрерывной работы. Однако есть исключения. В частности, работникам, переведенным из одного предприятия, учреждения, организации на другое предприятие, в учреждение, организацию, отпуск может быть предоставлен до истечения одиннадцати месяцев работы после перевода. Если до перевода человек не проработал одиннадцати месяцев на одном предприятии, в учреждении, организации, то отпуск ему может быть предоставлен по истечении одиннадцати месяцев работы до и после перевода в общей сложности.

Отпуск за второй и последующие годы работы может предоставляться в любое время рабочего года — в соответствии с очередностью, по утвержденному графику.

Я поступил на участок с вредными условиями труда, где пользуются ежегодным отпуском в 18 рабочих дней, затем перешел на участок с обычными условиями, где отпуск — 15 дней. На первом участке проработал 8 месяцев, на втором — 3 месяца. Какой продолжительности отпуск должны мне предоставить за это время? Е. Мазин, Томская область.

Если человек проработал в данном рабочем году на участке с вредными условиями труда менее одиннадцати месяцев, то отпуск ему предоставляется пропорционально времени, проработанному в разных условиях. (Напомним, что первый рабочий год исчисляется начиная с даты поступления на работу по такое же число и месяц следующего года, затем идет второй рабочий год и так далее.)

В соответствии с изложенным правилом отпуск тов. Мазину администрация должна предоставить из такого расчета. За каждый из восьми месяцев работы на участке с вредными условиями труда ему полагается по 1,5 дня (исходя из того,

что за 12 месяцев — 18 дней) — то есть всего 12 дней. А за остальные четыре месяца (за четыре, а не за три, так как отпуск дается за рабочий год) полагается 5 дней — по 1,25 рабочего дня за месяц, исходя из пятнадцатидневного годового отпуска. Таким образом, продолжительность отпуска составит 17 рабочих дней.

Обязана ли администрация предприятия, предоставляя мне отпуск без сохранения зарплаты — до достижения ребенком года, одновременно уволить меня — по моей просьбе — со дня, следующего за окончанием отпуска?
Н. Смирнова,
Иркутская область.

— до достижения ребенком года, она может подать заявление об уходе по собственному желанию администрации предприятия сразу по истечении отпуска или даже за две недели до этого. Законодательством предусмотрено, что рабочие и служащие имеют право расторгнуть трудовой договор, заключенный на неопределенный срок, предупредив об этом администрацию письменно за две недели.

П. Мелех
из Брестской области
Белорусской ССР
спрашивает,
разрешено ли
гражданам,
не являющимся
членами колхоза, иметь
лошадей.

областных Созетов в отдельных случаях могут разрешать гражданам содержание лошади. Если же такого разрешения нет, то лошадь изымается по решению исполкома районного, городского Совета — с оплатой ее стоимости в размере 50 процентов закупочных цен.

Инет, администрация не обязана и не вправе одновременно с предоставлением женщине отпуска без сохранения зарплаты — до достижения ребенком года, уволить ее по собственному желанию. Увольнение одновременно с уходом в отпуск — с даты, следующей за его окончанием, — допускается только при предоставлении оплачиваемых отпусков рабочим и служащим в районах Крайнего Севера или в местностях, приравненных к ним.

Если женщина хочет уволиться после окончания отпуска, предоставленного ей без сохранения зарпла-

Ирезидиум Верховного Совета Белорусской ССР 4 февраля 1965 года принял Указ «О нормах скота, находящегося в личной собственности граждан, не являющихся членами колхозов». В соответствии с этим указом гражданам — не членам колхозов запрещено иметь в личной собственности рабочий скот.

В порядке исключения исполкомы

В. ГРИГОРЬЕВ

ГАНС ШНАЙДЕР

Р О М А Н

НОЧЬ БЕЗ АЛИБИ

жду обшарпанными стенами длинного, похожего на ущелье коридора царит полумрак. Слева и справа двери, двери и двери. Два окна процеживают дневной свет через армированные стекла, придавая ему зеленоватый оттенок. В дальнем конце коридора, словно луна, затянута облаками, висит матовый шар с тусклой лампочкой. Стулья, расставленные в простенках, свободны. Кроме двух. На одном сидит мужчина и беспокойно вертит в руках шапку. «Виновен»,— думаю я, ибо на лице у него вижу страх. Рядом — пожилая женщина, закутанная в большой черный шерстяной платок. Она спит, тихонько похрапывая,— воплощенная невинность. Два незнакомых человека.

По этому коридору я прохожу не впервые, но каждый раз путь кажется мне новым, так как встречаю новые лица. Здесь сидят уважаемые граждане, приглашенные повесткой. Не то что я: осужден, бежал, пойман, затем вдруг отпущен из тюрьмы домой, и вот сейчас опять в наручниках, под конвоем двух вооруженных полицейских, а впереди — новое следствие и тюрьма!

В середине коридора дневной свет смешивается с электрическим. На двери табличка: «Уголовный розыск». Первый конвоир распахивает дверь, второй вводит меня в комнату. Вдоль стен беспорядочно стоят стулья. Я получаю возможность сесть, ждать, раздумывать и проклинать свою дурь.

Тошно. Хочется завывать, сломать решетку на окне и помчаться к Уле. Как она плакала, когда меня забрали...

С ума можно сойти. Сколько еще ждать, пока со мной наконец заговорят и снимут наручники?

Минут через десять чей-то голос прерывает мои раздумья:

— Вайнхольд, на допрос!

Оба моих стража встают, поправляют поясные ремни, одергивают мундиры и выводят меня опять в полутемный коридор. Идущий впереди открывает вторую дверь слева. Я останавливаюсь на пороге, оглядываю комнату. У окна за столом сидит старший лейтенант Вюнше, худощавый седой человек с усталым лицом. Однако глаза его за толстыми стеклами очков смотрят, как всегда, внимательно. Он указывает мне на стул по другую сторону стола. Я подхожу к стулу, но не сажусь, а протягиваю скованные руки.

— К чему эта комедия?

Оба конвоира настаораживаются, услышав мой громкий голос. Вюнше делает успокаивающий жест в их сторону, не сводя с меня изучающего взгляда. Его хладнокровие раздражает меня.

— Я протестую! — кричу я.

— Что ж, Вайнхольд, сами виноваты, услышав мой громкий голос. Вюнше делает успокаивающий жест в их сторону, не сводя с меня изучающего взгляда. Его хладнокровие раздражает меня.

Он приказывает снять с меня наручники. Исполнив приказ, конвоиры расстегивают пистолетные кобуры, причем не украдкой, а демонстративно, так, чтобы я видел.

Я сажусь.

© Издательство «Прогресс». Предварительная публикация с согласия автора.

— Все, Вайнхольд, конец,— тихо говорит Вюнше, глядя на меня чуть ли не с грустью.— Один раз вы нас обманули, даже, пожалуй, два. Но после того, что произошло вчера, вам уже не выкрутиться.

Я сжимаю кулаки. Меня бьет дрожь, и вот я уже у стола. Вюнше взглядом усаживает меня обратно.

— У меня есть доказательства, что я невиновен!

— Ошибаетесь. Есть доказательства вашей виновности, за что вас справедливо приговорили к пятнадцати годам. А теперь еще новое преступление: кража со взломом и покушение на убийство. Этого хватит на пожизненное как минимум. Если же следствие подтвердит, что вы умышленно покушались на жизнь...— Он выпячивает подбородок и уничтожающе смотрит на меня.— Улики налицо, и свидетельские показания...

— Ложь! Плевал я на ваших свидетелей!

— Вы спросили, когда вошли, к чему вся эта комедия. Так вот, я задаю тот же вопрос вам. Теперь уж доказательств хватит наверняка. Итак: будете давать показания?

От ярости у меня кровь приливает к голове.

— Нет! — кричу я.— Больше я вообще ничего не скажу!

— А может, подумаете?

— Мне не о чем думать.

— Что ж, подождем.

Вюнше некоторое время разглядывает меня. Я уже почти сожалею, что отказался говорить, зря отказался.

— Можно вас попросить? Я хотел бы черкнуть несколько строк Уле Мадер.

Вюнше задумчиво разглядывает меня голубыми глазами.

— Пожалуйста,— решает он наконец.— Кстати, можете сообщить ей, что вы испугались давать показания... Увести!

«Браслеты» царапнули по коже и с треском защелкнулись, плотно охватив запястья. «Испугался давать показания»,— думаю я с горечью. Почему он сегодня такой? Мог бы быть полубезнее. Я же собирался признаться ему, что напрасно взялся распутывать дело сам— только еще больше запутался— и что есть лишь один выход...

Я повернулся было, чтобы исправить свою ошибку, но конвоиры подтолкнули меня к двери.

Снова полумрак. Коридор. Автомашина. Потом другой коридор, опять вереница дверей и решетки на окнах. Следственная тюрьма, в которой я сидел полгода назад. Камера. Никого. Гулко пульсирует кровь, отбивая секунды, минуты, часы.

В полдень загромыхали двери. Мелькают силуэты надзирателей— я их не замечаю. Эмалированная миска с какой-то похлебкой— я к ней не притрагиваюсь. Вскоре появляется надзиратель, низенький, пожилой, в желтых роговых очках,— первый человек, которого я, вернувшись сюда, реально воспринимаю. Он кладет на откидной столик у стены несколько листов бумаги и карандаш.

— Еда— это жизнь,— изрекает он и показывает на миску.

Я отрицательно мотаю головой. Он уходит.

Что же написать Уле? Что я в тупике и все теперь гораздо хуже, чем тогда, после приговора? Да, придется написать. Может, мне следовало действовать иначе и я зря понадеялся только на себя,

вообразив, что умнее уголовного розыска, прокуратуры и суда... Итак, придется признаться, что я вел себя неправильно. Ведь бумаги-то нечего стыдиться. Вюнше, конечно, прочитает письмо, вникнет в написанное — перебить-то он меня не сможет. Вечером попрошу еще бумаги. Скажу надзирателю, что хочу вроде как исповедаться, вряд ли откажет... Начну, пожалуй, с приговора, с того, как он ошеломил меня: ведь после долгого предварительного заключения я не сомневался, что выйду из суда оправданным. А вместо этого — пятнадцать лет тюрьмы! Но сейчас, как разъяснил старший лейтенант Вюнше, дело может кончиться еще хуже.

Стоит ли тогда вообще писать? Что от этого изменится? Я растерялся. Но тут, как нарочно, в памяти возникают слова, складываются фразы, и я записываю все пережитое так, будто это случилось с кем-то другим.

«Конец,— подумал я, выслушав приговор.— Неужели я еще жив? Странно. Я перестал что-либо воспринимать. Наверно, мне следовало ненавидеть этого человека в черном, но он мне стал как-то вдруг безразличен. Его слова не доходили до моего сознания. Я то слушал, то не слушал, я не старался вникнуть в слова судьи, а смотрел не отрываясь в четырехугольник окна за его спиной, который, как назло, был заполнен голубым небом. Для всех жизнь будет продолжаться: для судьи, заседателей, прокурора и людей, сидящих здесь, в переполненном зале,— только не для меня. А может, пятнадцать лет тюрьмы — все-таки пятнадцать лет жизни? Нет, для меня этот приговор хуже смерти! Ведь мне пошел лишь двадцать четвертый год. Жизнь только начиналась, и едва я успел понять, что это такое, как она кончилась.

Вот эта мысль о конце и парализовала меня; вместе со словами судьи она вползла в мой мозг, овладела им, вытеснив все прочее.

Я наклонился, вцепившись в спинку стоявшего передо мной кресла защитника. Дерево скрипнуло среди наступившей тишины. В меня вонзились взгляды: сочувствующие, презрительные, ненавидящие, равнодушные, жаждущие сенсации, довольные, вопрошающие.

Лязг ключей, запертые двери, команды — такова с этого часа моя жизнь. Все строго, по режиму. Ни единого шага по своей воле. Из-за стен и решеток не увижу ни дерева, ни цветка, ни травинки...

— Нет! Нет!

Моего крика никто не слышит. Мне хотелось стучать в стены, удариться с разбегу головой в обитую железом дверь, но я лишь бессильно опустил на стул. Вдруг почувствовал, как вздрогнули плечи, к глазам подкатило что-то горячее. Я крепился, стараясь успокоиться, но тщетно. Тогда я вскочил и забегал по камере, словно охваченный лихорадкой.

Послышались шаги и голоса. Дверь камеры отворилась. В узкий дверной проем боком протиснулся верзила-конвоир. Прямо он не прошел бы. Роста он был примерно сто девяносто, как я, такой же широкий в плечах, но, пожалуй, крепче меня.

— Ну, Вайнхольд, пошли домой,— спокойно сказал он и подмигнул, будто я засиделся в какой-нибудь пивнушке.

— Домой? — растерянно переспросил я, но тут же сообразил, что он пришел отвезти меня в тюрьму.

Я горько рассмеялся и шагнул из камеры. В конце коридора нас ожидали двое полицейских. Старший из них протянул верзиле какой-то металлический предмет. Ну конечно, «браслеты». Верзила пренебрежительно хмыкнул, однако все же взял их. Наверное, так полагалось по инструкции.

— Ну ладно, — сказал он и повернулся ко мне: — Давай лапки.

Я протянул было руки, но в ту же секунду так нестерпимо не захотелось отсиживать пятнадцать лет в тюрьме, что я размахнулся и нещадно замолотил кулаками налево и направо, да еще пнул кого-то ногой. Что мне было терять? Эффект внезапности сработал отлично. «Браслеты» с грохотом покатились по полу. Верзила валялся, прижав руки к животу. Оба других отлетели к стене. Я ринулся в коридор и за несколько секунд одолел его. Только сейчас до меня донесся крик:

— Стой! Стой!

Лестница. Площадка. Коридор первого этажа. По обе стороны двери. В дальнем конце окно, решетка. Еще дальше — выход. Рискнуть? Во дворе полицейские, наверное с собакой, и весьма свирепой. Со второго этажа слышатся крики. Топот сапог по лестнице. Первая дверь. Заперта! Вторая, третья — тоже! Дергаю четвертую — машинописное бюро. Две девушки вскрикивают.

Захлопываю за собой дверь. Половинка окна распахнута. Протискиваюсь и соскакиваю в палисадник. Пересекаю его в десять прыжков. Небольшой забор, живая изгородь, стоянка машин, за ней улица. Прохожие идут мимо не оборачиваясь.

У тротуара чей-то велосипед, хозяина не видно. Не раздумывая, хватаюсь за руль. Кражал! Ну и пусть. Разве что добавят месяца три к пятнадцати годам, если поймают. Чепуха! Главное — я на свободе!

Спасен!

Спасся ли?

Только не думать! Жму на педали изо всех сил. Скорость — километров тридцать, не меньше. Надо держать на север, там Берлин! Ноги крутят в бешеном темпе. Я на свободе!.. В толстой папке лежит бумага, на которой написано: за убийство приговорить Вальтера Вайнхольда к пятнадцати годам тюремного заключения. Приговор суда можно обжаловать, но пока все еще неизменно... Я качу по пригороду, курс — север.

Быстрее, быстрее! Приговор гонится за мной. Наверняка уже объявлен розыск. Передо мной тормозит грузовик. Смотрю на номерной знак. На борту надпись: «Автотранс — Берлин». Слева дома. Справа парк. Оглядываюсь. Сзади ни души. Где-то за деревьями поют дети. Чуть дальше впереди прогуливаются две женщины с детской коляской. Резко торможу, заднее колесо идет юзом. Соскакиваю с седла. Водитель грузовика включил сцепление и тихо тронул с места. Прислоняю велосипед к дереву и бегу за грузовиком. Пять огромных скачков, хватаюсь за борт. Передумывать поздно. Подтягиваюсь, перебрасываю одну ногу, потом другую. В кузове ящики и набитые до отказа мешки. Людей нет. Я перевожу дух и гляжу назад, на дорогу. Вдали — брошенный велосипед. Промелькнул щит с названием населенного пункта. Выехали.

Чего же я добился побегом?

Свободы...

А что мне с ней делать, с этой свободой?

Подъезжаем к Рабенхайну. Водитель сбрасывает скорость. Влево отходит деревенская улица. Метров через сто наш двор с большими дубами за хлевом. В конце улицы, на другой ее стороне, под островерхой серой крышей мансарда с двумя окнами — дом Мадера. За этими окнами комната Улы. Там я пережил свое недолгое счастье...

Мне хочется выпрыгнуть из машины, побежать к этому дому и сказать Уле: «Все это неправда, не верь! Я не виноват!» Мне хочется приласкать ее, утешить, защитить осиротевшую девушку. Она теперь совсем одна. Ее отца нет в живых.

Я как замороженный смотрю в сторону ее дома, а перед глазами зал суда и Ула на скамейке свидетелей, бледная, в черном костюме. Я чувствую на себе ее взгляд, вопрошающий, отказывающийся поверить в непостижимое, ждущий от меня ответа...

И я будто вновь слышу вопросы судьи к Уле, вопросы о самом интимном. Ула не ответила ему, не выдала сокровенного...

Справа, где трактир, начинается проселочная дорога. Она тянется через поле и теряется в лесу. В ту июньскую ночь я пошел по ней вместе с отцом Улы, пошел, сам того не желая, из упрямства и, как оказалось, навстречу своей беде.

Почему я это сделал? Наверно, со зла и потому что напился. На следствии даже вспомнить не мог, сколько выпил. Да и гнев ослепил меня. Перед тем я хотел повидаться с Улой, а ее отец погнал меня со двора без всякой причины. Я было заупрямился, а он спустил собаку. Пришлось улепетывать, и отправился я напрямиком в трактир. А потом, выпив для храбрости, решил снова пойти к Мадеру. Вышел из трактира и у ступенек, под фонарем, столкнулся с ним.

— Так ты согласен или нет? — крикнул я.

Он остановился и, прищурившись, посмотрел на меня ледяным взглядом. Я растерялся, хотел было объясниться. Ведь мы ладили с ним до сих пор. Он знал, что я люблю Улу, и не сказал ни слова против. До сегодняшнего вечера по крайней мере.

— Некогда, — буркнул он, не желая меня слушать, и направился к ступенькам. Я преградил ему дорогу. — Некогда, — повторил он и с угрозой добавил: — С Вайнхольдами мне больше не о чем говорить!

— Но Ула согласна...

— Оставь девку в покое, — сказал он резко.

Позади хлопнула дверь. Какие-то люди вышли на улицу и остановились, с любопытством прислушиваясь к нашему спору.

— Зайдем, выпьем по рюмочке, — предложил я.

Не хотелось продолжать разговор при посторонних. Пойдут по деревне кривотолки, а я терпеть не могу слетен. Они прилипают крепче смолы. Как ни отмывайся, все равно что-то остается.

Мадер в раздумье упрямо покачал головой.

— Запомни, парень: моя дочь не для Вайнхольдов. Слава богу, еще не поздно. С такими негодьями, как вы, дела иметь не желаю.

Он презрительно хмыкнул и пошел прочь. Я поначалу остолбенел, но потом двумя прыжками настиг его и схватил за плечо. По-

чему он оскорбляет меня? Тут, наверно, какая-то ошибка! Рывком он высвободил плечо. Рукав затрещал по шву, Мадер в ярости обернулся.

— Вот тебе мое последнее слово,— сказал он.— Если еще хоть раз сунешься к нам в дом, плохо будет.— Он сплюнул и двинулся по улице.

Просить я не умею. Но драться за Улу готов. Не раздумывая, я побежал вслед и догнал его, когда он сворачивал с улицы на проселок. Чего ему там понадобилось вечером, непонятно. Я только чувствовал, что случилась какая-то беда. Задыхаясь от злости, я шагал рядом с ним, но он не обращал на меня внимания.

Мадер вдруг остановился.

— Твой старик...— начал он, но я перебил его:

— Вы же с отцом друзья!

— Были,— в его голосе слышалась злоба.— Твой старик хочет породниться со мной лишь для того, чтобы объединить двор Вайнхольда с усадьбой Мадера. Понимаешь? А Ула, значит, пусть жертвует собой ради его корысти. Нет уж, теперь я на подобные сделки смотрю не так, как прежде. Моя дочь сама вольна выбирать себе мужа. Ты вот скажи мне, чего стоит сегодня ваше хозяйство, которое твой старик считает чуть ли не королевским? Три, десять, двадцать гектаров или больше — сейчас все едино: у нас кооператив, и каждый голос весит одинаково. Тут гектары не в счет. И слава богу. А твой старик этого не хочет понять.

— Так убеди его!

— Заткнись!.. Твой брат Фриц ухаживал за Улой, только думалось мне, что по указке старика, хотя сам Фриц не признавался в этом. Поэтому я обрадовался, когда ты приехал и Фриц оставил Улу в покое. Три года армии кое-что меняют в голове. Так я полагал. Но теперь я точно знаю: ты врешь и притворяешься, как и твой старик.

Какое-то время мы шагали молча. Я раздумывал, не зная, что сказать. Мы подошли к опушке леса. Кроны деревьев причудливо выделялись на фоне вечернего неба. Мадер остановился и вынул из кармана трубку.

— Теперь-то я знаю, что ваш двор вовсе не ваш. Твой старик сцапал эту медвежью шкуру и вдоволь погрелся в ней... А тем, кому она по праву принадлежала, пришлось окоченеть.

— Врешь! — я схватил его за грудки.

И хотя Мадер был почти на голову ниже меня, он бесстрашно посмотрел мне в лицо, полез в карман, потом, передумав, покачал головой и вынул руку.

— Вот тут есть доказательство,— сказал он и похлопал ладонью по карману куртки.

— Покажи!

Мадер опять покачал головой и оттолкнул мою руку.

— Ишь какой приткий,— рассмеялся он.— Однажды твой старик подбил меня на такую сделку, что я до сих пор не знаю, куда от стыда деваться. Теперь-то мне ясно: я пошел не на сделку, а на преступление, и не сегодня-завтра оно вскрыется.

Мы углубились в лес. Стало так темно, что дороги уже не было

видно. Ни деревьев, ни кустов — сплошная черная стена да громкий шелест над головой.

— Ты несправедлив. Если мой отец, хотя я этому не верю...

— Ага, не веришь. Потому что вы одного поля ягода! Вот и выходит, что я прав. Ула не замазает себя фамилией Вайнхольд. Она останется в деревне. А вы...

— Не понимаю, о чем ты говоришь.

Он презрительно рассмеялся.

— Какой агнец невинный. А твой старик говорил, что ты все знаешь.

Он махнул рукой, как делал всегда, когда считал вопрос решенным. Я не видел этого, а лишь почувствовал, что его пальцы коснулись моего рукава. Шумно вздохнув, он повернулся, и мягкая, как ковер, лесная почва поглотила его шаги. Я двинулся вслед за ним. Он остановился.

— Это мое последнее слово. И отвяжись от меня. Мне до утра надо еще подумать, придется переворочить полжизни. Знаю, что виноват, но, как поступить, еще не решил.

Меня била дрожь, бросало то в жар, то в холод. Я должен узнать, какая тайна скрывается за его словами. Было ясно, что он не хочет ее выдавать — пока еще не хочет, и уж во всяком случае не мне.

— Вот упрямая башка,— прошипел я и шагнул вслед за ним.

Фридрих Мадер услышал мой голос.

— Да убирайся наконец! — сказал он.

— Выкладывай начистоту. Что там у тебя?

Он язвительно рассмеялся и пошел дальше, забыв о моем существовании. Меня трясло от бешенства. Я догнал его и преградил дорогу. Он оттолкнул меня, и я решил, что надо защищаться... Схватка была короткой и бурной. А потом этот черенок ножа, оказавшийся в моей руке, смерть Мадера, полиция, суд и приговор: пятнадцать лет.

Полицейская машина обошла нас. Мой водитель постепенно сбавлял скорость. Я перелез через задний борт и, вцепившись в него, спустился. Удар о землю последовал раньше, чем я ожидал. Ноги отбросило назад и потащило. Держась за борт, я в бешеном темпе передвигал ногами, но асфальт подо мной ускользал еще быстрее. Ну, наконец-то! Водитель стал притормаживать. Я почувствовал в ногах привычную тяжесть. Они держали меня. Отпустил борт, чуть не упал, споткнувшись, и по инерции помчался вправо. Грузовик и наступившая темнота скрывали меня. Добежав до обочины, я свалился в кювет.

Легкие готовы разорваться. В руках и ногах боль. По лицу струится пот. Тыльной стороной ладони вытираю лоб. Но вскоре сырая вечерняя прохлада проникает под одежду. Меня пробирает озноб. Надо уходить, скорее уходить дальше! Двое полицейских приблизились к «моему» грузовику. Водитель с помощником вышли из кабины и предъявили документы. Один полицейский полез в кузов.

Я бросился в лес. Шел в темноте, ориентируясь по шуму, доносившемуся с шоссе. Лишь бы не порвать и не запачкать костюм. Ведь мне предстоит появиться на улицах Берлина. Ноги ступали по

мягкому мшистому ковру. Впереди справа послышался шум моторов. Минут через пять показалась боковая дорога. Разворот на девяносто градусов, и я опять вышел к магистрали, ведущей в столицу. Подойдя к шоссе, я увидел, примерно в километре за собой, длинный ряд притушенных фар. Там всюду шла проверка, осматривали грузы, искали меня. Мне было и смешно, и жутко — смешно, потому что я их перехитрил, жутко от мысли, что против меня одного действует огромный, идеально отлаженный полицейский аппарат. Я почувствовал слабость. Может, пойти и сдать?

Скоро страх прошел. Дома потянулись уже сплошными рядами. Мимо мчались машины и мотоциклы. Зашумел большой город. Берлин. Люди торопливо шагали по улице. И я шел вместе с ними, направляясь туда, где море огней светилось все ярче и ярче, хотя предпочел бы остаться в темноте.

Бульжная мостовая. Асфальтовая. Сквер. Автобусы на маленькой площади. Шум городской железной дороги. Станция «Берлин — Адлерсгоф».

Отряхнув костюм и пригладив волосы, я оглядел себя в зеркале весов-автомата. Может, рискнуть сесть в электричку? Вряд ли они думают, что я уже добрался до Берлина... Правда, у входа на перрон стоит контролер с компостером. А ездить зайцем я не научился.

Заморосил дождь. Я нырнул в подворотню, потом в другую. Всякий раз, меняя укрытие, я замечал, что дождь усиливается. Стояние под арками длилось все больше, перебежки делались короче. А куда спешить, когда нет цели? Какая разница — минутой больше, минутой меньше...

Глубокая апатия овладела мной. Ветер ворвался в ущелье между домами, потрепал пиджак, забрался под рубашку, обдав влажным дыханием, и на время разогнал тягостные мысли. Текли часы. Я шагал по каким-то незнакомым улицам. Знобило, хотелось в тепло.

Потом стоял на каком-то мосту и смотрел на черную воду канала, не зная что делать и куда идти. Я так задумался, что не слышал приближающихся шагов. Кто-то тронул меня за плечо. Свет карманного фонаря ослепил.

— Кажется, мы знакомы, — произнес низкий голос.

Передо мной стояли два полицейских. Хрустнула бумага. Луч скользнул с моего лица на... мою фотографию.

— Хотя я вас и не знаю, — ответил я тихо и, к своему удивлению, спокойно, — но я тот, кого вы ищете. — И протянул руки.

Говоривший басом полицейский еще раз пристально взгляделся в меня и покачал головой.

— Обойдемся без наручников.

Наверное, он хорошо понимал, что со мной сейчас творилось. Я шагал с ними в ногу по мокрым улицам, пока нас не подобрала патрульная машина. Я почти радовался, что все кончилось...

II

И вот я опять один.

В скрип шарниров и крючьев койки врывается лязг дверного замка. Надзиратель распахивает дверь. Входит новый арестованный, смотрит на меня. Молча опускает свою койку, раздевается, аккумуля

ратно складывает брюки, вешает их на откидное сиденье и вытягивается на койке.

Прокашлявшись, он наконец говорит:

— Погорел. Начисто. Они пронюхали больше, чем я ожидал. И ничего не перетолкуешь. Чертовски отвратно подписывать такое признание. Да, влип. С одной стороны, можно бы еще поспорить: а вдруг какую-нибудь мелочь повернешь в свою пользу. Но с другой, как опытный коммерсант и к тому же психолог, знаешь: в таком признании есть и раскаяние. А это может смягчить судей.

— Я пока ни в чем не признался.

Мюллера (так зовут моего сокамерника) словно подбрасывает. Он озадаченно смотрит на меня:

— Даже сейчас еще?

— Отказался от показаний.

— А какой смысл? — Мюллер чешет за ухом. — Впяют на этот раз лет восемь, не меньше, — ворчит он. — Сейчас мне тридцать пять, будет сорок три. За всю свою карьеру самый большой срок имел два года, остальное давали по пустякам, меньше года. — Он надевает очки и, наклонившись, впивается в меня взглядом. — Нет, отсиживать не собираюсь. Слушай, я сразу заметил, что нашу рештку ставили недавно — не приварены поперечины к прутьям. Жгут сделаем из полотенца, ножкой от стола будем закручивать. Главное — выломать первый прут, а там пойдет быстро. Раз, два — и на воле.

— Брось, окно ведь на втором этаже.

— А четыре одеяла на что? Разорвем и свяжем. Будет метров шесть, не меньше.

— Не пойду!

— Дубина! Тебе ведь хуже не будет. Я больше рискую. У меня все продумано. Да и кто знает, будем ли мы еще завтра вместе?

— А что меня ждет там, на воле?

— Раз ты не признался, у тебя тысяча возможностей. Я тебе потом все растолкую, как, что и куда заявлять.

— Хватит с меня и одного раза.

— Тсс, потише. Дурак ты, скажу я тебе, и трус! Терять-то тебе нечего!

Вообще-то он прав. Что же меня удерживает? Насчет трусости — отпадает. Ула? Мать? А им какой прок, если я останусь в тюрьме?

Мюллер наверняка хочет воспользоваться моей помощью, а потом, когда выберемся, бросит. Нет, еще раз я на эту дурость не пойду. Такой выход не годится.

— Отвяжись ты от меня наконец, — тихо рычу я и поворачиваюсь на другой бок.

Из коридора доносятся шаги. Лампочка в камере гаснет. Темнота камнем наваливается на грудь.

— Предпочитаешь дышать процеженным воздухом, — заводится опять Мюллер. — Тюремным.

— Все это мне давно известно, — отвечаю я без какого-либо желания к примирению.

— Ну-у, разве ты уже там был? — Соседняя койка скрипит. Я смутно вижу силуэт сидящего Мюллера.

— Да, я знаю, что такое исправительное учреждение.

— Значит, тебе понравилось? Настолько, что хочешь провести там всю жизнь?

— Нет.

— Брось свое дурацкое «нет». Значит, ты горько раскаиваешься?

— Да, в том, что не поступил иначе.

Мюллер рассмеялся:

— Когда выходит боком, каждый раскаивается.

— Ты меня не понял.

— Еще бы. Расскажи лучше про тюрьму. До нашей операции еще есть время.

— Я все равно не пойду.

— Ладно, ладно, рассказывай. Начнешь вспоминать — зло возьмет, вот и передумаешь.

Опять он прав. Я присмирел уже после месяца одиночки. А ведь прежде в одиночках людей держали годами! Теперь заключенный с первой же минуты попадает в условия, где с ним обращаются как с человеком, которого готовят к тому, чтобы он, отбыв срок наказания, начал новую жизнь и больше не оступался.

— Ну давай, рассказывай, — не отстаёт Мюллер.

Мне надлежало учиться на токаря. Кроме других мастерских при тюрьме был цех, организованный каким-то машиностроительным заводом. На душе было муторно. Отныне вся моя жизнь — токарный станок. Не хватает лишь малого — свободы...

Я шел по длинному коридору, как положено, в трех шагах впереди и левее надзирателя, пока он не остановил меня. Он не рявкнул: «Стой», — нет, он спокойно, почти добродушно сказал: «Вот и прибыли», — и не спеша отпер дверь. Немного оробев, я смотрел на людей, в чьем обществе мне придется жить. Единственное, что их связывало, — это преступления, причем нередко ужасные, отвратительные. Мои будущие «коллеги» с любопытством разглядывали меня. Мир встал на голову: общество здесь составляли отверженные, и посторонними в нем были те, кто не совершил преступления. То есть надзиратели и обслуживающий персонал.

Здесь тоже было принято знакомиться. Внешности не придавали особого значения. По одежке не встречали — она была казенной. Некоторое любопытство вызывало прошлое новичка. Возраст, профессия, семейное положение — всем этим, естественно, интересовались. Но в первую очередь это «общество» хотело знать: какое ты совершил преступление и сколько тебе за него «дали». Так было и есть во всех исправительных заведениях на свете и, наверное, вряд ли изменится, пока человеческое общество будет нуждаться в подобных учреждениях для лиц, преступивших закон.

Я рассказал «обществу» свою историю. Пожилой, лет пятидесяти, заключенный стал разбирать ее. Я слушал его внимательно, стараясь не пропустить ни слова; мне было интересно, как сторонний человек смотрит на то, что случилось со мной.

Как в тумане, я видел голые стены, столы, шкафы, табуретки и очень отчетливо — лица. Напротив меня сидел этот пожилой по фамилии Грюневальд. У него было широкое круглое лицо с двойным подбородком; второй подбородок — дряблый кожный мешок

чек. Седые волосы, густые и волнистые. Нос картошкой был словно навинчен над несколько длинноватой верхней губой. Добродушное лицо. Глаза казались бесцветными, затуманенными, но это было лишь «дымовой завесой»; перед тем, как он начал меня «допрашивать», в них сверкал коварный огонек.

— Значит, пятнадцать лет за убийство! — констатировал он с улыбкой, прищурил правый глаз и многозначительно приложил указательный палец к виску. Вся эта пантомима изображалась на правой стороне лица, левая оставалась неподвижной, словно парализованная.

— Ага,— протянул я, соображая, стоит ли втягиваться в разговор. Правилам внутреннего распорядка подобное «следствие» не соответствовало. Но публика требовала.

— Да... калач ты тертый, прошел огни и воды! — раздумчиво подытожил Грюневальд, поглаживая пальцами второй подбородок.

Одни слушатели закивали в знак согласия, другие понимающе заухмылялись. Что им от меня надо?

— Почему? — спросил я, а про себя подумал: главное, не оробеть, побыстрее разобраться в здешней обстановке. Может, им охота поиздеваться? Я посмотрел на Грюневальда. Ни малейшего намека на издевку, на иронию; более того, как ни странно, в его глазах я прочитал восхищение.

— И отрицал до последнего? — недоверчиво спросил какой-то старый, будто высохший человек, которого я только сейчас заметил. Он оценивающе разглядывал меня сквозь толстые линзы очков.

Грюневальд, нахмурившись и закрыв глаза, повелительно поднял правую руку.

— Человек, которого ты прикончил...

— Я никого не приканчивал! — перебил я.

Наступила тишина. Слышалось только напряженное дыхание. Наконец какой-то маленький, худощавый, с желтым лицом и длинным тонким носом рассмеялся.

— Я продержался только до третьего допроса, а потом все признал,— сказал он.— Нет, нормальные нервы такое не выдержат. А ты вот тоже здорово нервничаешь.

Это я-то нервничаю? В самом деле. Только сейчас я почувствовал, что у меня подергиваются уголки рта и веки. Потрогал пальцем — вроде ничего нет, а сам чувствую, что по лицу пробегает какая-то лихорадочная дрожь.

— Как же тебя могли осудить, если ты кругом чист? — допытывался Грюневальд. Он явно поднахватался на допросах.

— Косвенные улики.

— А почему не обжаловал приговор, раз он основан лишь на косвенных уликах? — Назойливый «дознатель» хитро улыбался, но опять же только правой половиной лица.

— Улик было так много, что я сам бы себя осудил,— признался я малодушно.

Напряженная тишина едва не оглушила меня. Со всех сторон в меня впилась глаза. Мой ответ прозвучал то ли очень наивно, то ли чересчур нахально. И слушатели еще не успели решить, как именно.

Вдруг тишину разорвал громкий хохот. Я обернулся. Хохотал какой-то блондин лет тридцати на вид.

— А ты шутник,— сказал он.— Даже если все так, то нам-то уж можешь признаться. Жить легче будет. Почувствуешь себя как после бани, и все узреют, что ты покаялся. Это первая ступенечка на пути к исправлению, первый шаг к получению льгот в нашем санатории.

— Видишь ли...— Грюневальд с удивлением посмотрел на меня, задумчиво потер подбородок и покачал головой.— Запомни одно: мы не любим вспоминать о суде. Но в сказочку о невинно осужденном никто тут не поверит. Такое бывает раз на несколько тысяч случаев. Нам слишком хорошо известно, что такое суд. Мы только сделали вид, что поверили тебе... мы, что ли, вошли в такое положение. Какое великодушие с нашей стороны, а?.. Между прочим, меня зовут Вальдемар.

Однако у него не хватало великодушия подавить свое любопытство. Может, он только притворяется, хочет выведать у меня что-нибудь, а потом сообщить кому следует?

— Так что это у тебя за косвенные улики? — не отставал Грюневальд.

Своим проклятым любопытством он постепенно раззадорил меня, и я разоткровенничался.

— Я оказался с ним вдвоем в лесу, ночью. Перед этим мы поругались, чуть не до драки. На черенке ножа обнаружили отпечатки моих пальцев. Нож был мой. Ищейка прошла по моим следам от того места, до самого дома. На моей куртке была кровь убитого. Все сошлось точка в точку. Я чуть в обморок не грохнулся от страха, можешь себе это представить? Когда меня вызвали на следственную комиссию, на столе у них лежал нож. Я-то был уверен, что в лесу у меня в руках ничего не было, а когда глянул на стол, вижу: нож мой. Незадолго до этого я потерял его — то ли в лесу обронил, то ли в поле, то ли на дороге. Такая жуть меня взяла, что я отказался его признавать — не мой, и все; упирался, пока его не узнали свидетели — моя мать, отец и брат... И только одна деталь совсем не укладывалась в схему. Лезвие ножа задело печень. Раневой канал шел снизу вверх, а должен бы идти наоборот, сверху вниз, даже если бы я был левшой и ударил спереди. Но я не левша. И вот это никак не увязывалось.

— Ну и что? Ты с ним подрался, кроме вас никого не было. Только ты можешь знать, из какого положения был нанесен удар.

— Судебный эксперт полагает, что ударили сзади в бок.

— Вот видишь, на все есть объяснение. В душе небось признал, что он прав?

— Нет, я стоял лицом к Мадеру.

— Кто это видел, дружок? — Грюневальд ненадолго задумался, потом покачал головой.— При таких обстоятельствах отпираться совершенно бессмысленно. Лучше бы сознался: мол, вынужден был защищаться и, мол, превысил пределы необходимой обороны. Может, и удалось бы малость выкрутиться!

— Так это была бы ложь, черт возьми!

— Ну и что? Если я сумею так соврать, что разменяю пятнадцать лет на двенадцать или десять, то всю жизнь буду гордиться этим. Мораль на суде пусть читают те, кому положено, а подсудимый должен все выслушать. Его забота — выпутаться.

— Но мне никто не верит, я могу только поклясться, что я не убийца! — крикнул я.

Грюневальд отпрянул. Вокруг опять стали собираться люди, привлеченные нашей перепалкой. Захотелось убежать куда-нибудь, хоть обратно в одиночку, которая целый месяц принадлежала мне, мне одному. Но бежать некуда, я был пленником этого ужасного «общества».

Грюневальд посмотрел на меня, как на сумасшедшего, и поднялся.

— Поглядим, чего ты этим добьешься,— сказал он с неприязнью, очевидно рассерженный тем, что я ему не доверился.— Если не сумел обмануть суд, нас тем более не обманешь.— Шаркая, он отошел с обиженным видом.

Наконец меня оставили в покое. Но успокоения не наступило. Руки дрожали. К горлу подкатывала тошнота, голова болела сильнее, чем во время суда. Если бы все дело было только в убитом Мадере! Я бы признался, честное слово, и, может, успокоился. Забыл бы начисто и о разговоре на лесной дороге из Рабенхайна, и о выпитой перед тем водке, да и черт с ним, с самим Мадером, хоть он и мертв. Все к чертям, все — кроме Улы.

Что это вдруг на меня нашло? Моя рука судорожно сжалась, будто держала черенок ножа, как тогда, ночью. Я силился распрямить пальцы, но они упорно скрючивались.левой рукой я разжал их. Голова раскалывалась от напряжения, как в ту минуту, когда я внезапно ощутил это орудие убийства в своей ладони и не мог понять, почему оно вонзилось в бок Мадера. Он свалился, а я, потрясенный, ломал спичку за спичкой, пока удалось зажечь, и тут увидел, что он умирает... Он успел лишь прохрипеть: «Сволочь... Ты заплатишься за это...»

Я тогда как безумный метался по лесу. Хотел во что бы то ни стало разыскать убийцу — да, да, ибо я уже смутно сознавал, что сумею доказать свою невиновность, только поймав негодяя. И это было моей самой большой ошибкой. О том, чтобы сообщить полиции, я подумал, но испугался: вдруг меня арестуют. Стал перебирать в памяти весь вечер, шаг за шагом: ссора у трактира, да еще при свидетелях; люди видели, как я в ярости бросился вслед за Мадером. Кто мне поверит, если столько фактов говорит против меня? Но ведь именно поэтому мне и надо было как можно скорее вызвать полицию. Это бы хоть сколько-нибудь отвело от меня подозрения... Впрочем, свидетели слышали, как мы ругались, словно заклятые враги...

Обессилевший, я вернулся домой — не вошел через калитку, а перелез через забор, чтобы меня не видели, — прокрался в свою комнату и рухнул на кровать. «Нельзя так,— говорил я себе,— сейчас же встань и иди в полицию!» Но не трогался с места и думал; потом услышал, как залаяли собаки и кто-то кулаком забарабанил в дверь.

Нет, ни один суд на свете не оправдал бы меня. И на месте судьи я также решил бы: виновен!

И тем не менее я был невиновен. Да, будучи невиновным, я си-
дел здесь и должен был отбывать наказание, которого не заслужил.

Я вздрагиваю в испуге. Что это — я рассказывал или мне пришло? С кем я говорил — с Мюллером или Грюневальдом? Что-то меня вспугнуло. Значит, я все-таки уснул. Слева слышится ровное дыхание. Мюллер спит. Когда же он перестал слушать меня? Оба мы, наверное, задремали сразу. Меня утешала мысль, что он, по крайней мере, проспит задуманный им побег. Я отказался бежать с ним, но буду ли я тверд в этом решении до утра? Лучше спать, чем попусту ломать голову. Завтра надо непременно что-то предпринять; попрошу, чтобы меня отвели к Вюнше, к прокурору, к кому угодно, не то я с ума сойду. Я должен наконец высказаться. Молчание было ошибкой.

Повертываюсь на другой бок. Одеяло царапает кожу. Когда я после нервного шока лежал в тюремной санчасти, на койках там было постельное белье, как в больнице... Тогда я не видел выхода. Эх, дали бы мне сейчас этот шанс, которого я не использовал. Ладно, хватит, кончай думать и спи...

На какое-то время я засыпаю, потом просыпаюсь и опять проваливаюсь в полусон. И вот я снова в тюремной санчасти, вижу врача и обоих санитаров, ощущаю укол иглы, слышу голос младшего лейтенанта народной полиции, сидящего у моей койки. Он спросил, не хочу ли я повидаться с родственниками. Если да, то кого из них вызвать. Разрешение на свидание есть. «Как в больнице, когда человек при смерти», — подумалось мне. Но ведь я-то здоров, только слабость небольшая! Кого же вызвать?..

Голова разламывается, кажется, вот-вот треснет.

— Видеться с матерью не советую, — сказал младший лейтенант, низенький толстяк лет пятидесяти, с которым я уже где-то встречался, когда меня привезли.

Мать, значит, нельзя. Жаль, охотнее всего я повидался бы с нею.

— Значит, нет, — сказал он, словно угадав мои мысли. — Она может разволноваться, и вы тоже, а вам сейчас нужен покой, чтобы прийти в себя. Тогда отец? Или брат?

Уж лучше Фриц, подумал я. Полицейский кивнул. Вероятно, я произнес это вслух. Вспомнил фамилию младшего лейтенанта: Шефер. Он был с лысиной и выглядел довольно комично в полицейской форме. Смотрел на меня приветливо, а глаза у него были синие-синие, таких я никогда не встречал. Интересно, в молодости он был блондином или шатеном и нравился ли девушкам?

Что за чушь лезет в голову! Но было приятно думать о каких-нибудь глупостях. Я улыбнулся, и он улыбнулся в ответ, причем не механически, а обрадовавшись моей реакции.

— Вы, может быть, забыли меня, — продолжал он, — да чего там, наверняка забыли — ведь вам столько лиц пришлось повидать и столько всего выслушать при поступлении сюда. Я воспитатель, вы некоторым образом один из моих воспитанников.

И снова улыбнулся. Веселая болтовня этого воспитателя мне нравилась. В голове опять закололо, я сжал виски ладонями.

— Сейчас перед вами весь свет померк, но не отчаивайтесь, со временем я помогу вам разглядеть солнечные блики.

Шефер начал мне расписывать в серых красках тюремные будни. Все слышанное мною до сих пор сводилось к тому, что исправление трудом будто бы является бесподобной формой человече-

ского общежития, чуть ли не последней ступенькой перед входом в рай. Шефер подходил к этому вопросу с другого конца.

— Терпеть не могу слабаков,— заявлял он твердо.— Настоящий парень проявит себя и в безвыходном положении. Трясина, в которой увяз, за ночь не высохнет, сколько ни хнычь, ни реви и ни жалуйся. Выход только один: стисни зубы и борись — прежде всего с самим собой. Да, Вайнхольд, жизнь здесь не солнечная. И ничего другого не остается, как принять ее такой, какая она есть. В один прекрасный день стены расступятся, и вы увидите свободу, при условии, если докажете... Кстати, а что вы, собственно, хотите сейчас доказать? Суд признал вас виновным, и вполне обоснованно. Вы утверждаете обратное. Для меня это слишком сложно. Попробуйте изложить ваши доводы поубедительнее. Сделать признание никогда не поздно.

Было смешно то, чего он от меня требовал. И тем не менее наводило на размышления, будило желание строить планы. Но мне-то какой смысл заниматься этим? Если бы меня осудили справедливо, смысл был бы. А так? Никто не вправе требовать от меня послушания: ни этот воспитатель, ни кто-либо другой!

— Послушайте, Вайнхольд, честно признаться никогда не поздно!

— Вы мне говорите это уже второй раз. Другие повторяли и пять, и десять, и двадцать!

Почему, в конце концов, никто не хочет понять, что мне не в чем признаваться? Ведь в законах где-то сказано, что следует всегда исходить из невинности человека. Об этом говорил на суде и защитник. Почему же воспитатель сразу предположил, что я виновен?

Я попытался сосредоточиться. И это благотворно подействовало, отвлекло мысли от бесцельных блужданий, направило их в определенную колею. Раз приговор вступил в законную силу, то предполагать о невинности уже нечего — вот что я понял. Зачем же тогда еще бороться?

Как сказал воспитатель? «Настоящий парень проявит себя и в безвыходном положении». Безвыходнее моего быть не может. Надо иметь мужество взглянуть фактам в лицо и бороться. Есть ли у меня это мужество?

Шефер уже давно ушел, а вопрос этот все еще сверлил мой мозг. От долгого непривычного лежания теснило грудь, тяжело дышалось. Впервые в жизни я очутился на больничной койке. Даже порывшись в своих скудных воспоминаниях о детстве, я не обнаружил ничего, кроме того, что всегда был здоровым, сильным и предприимчивым. Мне принадлежали просторные поля, леса и маленькое озеро на границе обширных земель Рабенхайна, где я выступал полководцем в каждодневных сражениях против мальчишек из соседней деревни.

Вскоре меня выписали, и я вернулся в «общежитие». Я даже испытывал удовольствие. В самом деле, я был доволен! Странно, меня тянуло к «обществу», которое совсем недавно казалось мне невыносимым. Другого «общества» не было.

Я ждал свидания с братом Фрицем. Радовался ли я этому? Меня одолевали смешанные чувства — ожидание, любопытство и опасение. Я опасался, что вместе с братом придет нечто такое, с чем я

не сумею совладать; это ощущение было неосозаемым, как воздух, но оно появлялось всякий раз, как только я думал о приезде брата. Ни настоящей радости, ни сильной антипатии я не ощущал. Со мной такое случалось впервые, и я испугался. Я всегда боялся неясностей, а тут они обступили меня со всех сторон. Как с ними справиться?

И вот мы встретились с Фрицем. Между нами не было ни барьера, ни решетки, ни стеклянной перегородки. Мы стояли друг перед другом, смущенно переглядывались и отводили глаза. За несколько месяцев мы стали чужими, еще более чужими, чем два незнакомых человека, встретившихся впервые. Нас разделяло не преступление, а приговор, признававший меня виновным в нем. Незримо стоял он между нами, и устранить его было невозможно.

Пытаясь преодолеть отчужденность, Фриц протянул мне руку. Она вяло легла в мою ладонь. А как крепко он жал руку прежде. Неужто он стыдился осужденного брата? Я почувствовал в его пожатии какую-то необъяснимую робость, его дымчато-серые глаза смотрели тоже боязливо.

Наконец брату удалось улыбнуться, и он обнял меня. Его взгляд ничего не выражал: ни сочувствия, ни упрёка, ни радости, ни даже презрения. Но он все еще крепко обнимал меня и отпустил не сразу. Было приятно услышать его голос, но сегодня он звучал как-то сдавленно.

— Мать с отцом привет шлют,— сказал он.— Переживали мы очень.— Последовала пауза.— Вальтер, что бы ни случилось, мы всегда с тобой. Ты же мне брат. Если чего понадобится, сообщи.— Он ткнул пальцем в сторону надзирателя, на столике которого лежал пакет.— Вот. Мать испекла тебе пирог. Уж плакала, плакала. Колбасу копченую тоже привез, твоя любимая. Вынул из дымохода перед самым отъездом. Ну и еще там мелочь. Полицейский говорит, должен сперва проверить.

Я кивнул. Конечно, им пришлось тяжело. Какая-нибудь другая семья могла бы и отказать от такого сына. Но они вот навестили, прислали передачу. Откуда им знать, что я невиновен! Даже предположить не могут после стольких бесспорных улик.

Перед тем как сесть, Фриц еще раз по-братски обнял меня. От него чуть пахло картофелем, сырой землей, сухой соломой. Чудесный запах, я даже задышал глубже; лучшего привета из дому он не мог бы привезти. Фриц приехал не в своей обычной рабочей одежде. Он любил немного пощеголять, следил за модой, мылся и чистился, как только предоставлялась возможность. Сегодня он надел свой лучший костюм.

— Последние дни убирали картошку. Народилось в этом году много. Да тебе это, верно, не интересно.

— Давай, давай про деревню, и побольше,— попросил я с жадностью.

И он стал рассказывать. Про свеклу, машины, свиней, коров, молоко и яйца; говорил о погоде, о новых решениях правления кооператива, от которых, мол, все равно никакого толку, жаловался на отца, который никак не уживается с кооперативом, хотя и вступил в него пять лет назад. Я все ждал, что Фриц заговорит о смерти Мадера, расскажет об Уле, и в то же время боялся этого. А брат

говорил и говорил, словно стремился помешать мне задавать вопросы, на которые ему не хотелось бы отвечать. Я заподозрил неладное.

— Как поживает Ула?

Вопрос разорвал торопливую болтовню, и он умолк. Между нами повисла тишина. Он уставился в зарешеченное окно и лишь искоса, украдкой разок взглянул на меня.

«Правильно сделал, что спросил об Уле,— подумал я.— О зяблевой вспашке, о коллективном содержании скота по новой системе в кооперативе и о промежуточных культурах я могу прочитать и в газете. Если уж мне разрешили с ним свидание, я хочу услышать то, что знает только он».

— Может, не стоит говорить об Уле? — уклонился от ответа Фриц.

— Нет уж, давай поговорим!

Мой голос звучал твердо и вызывающе. И это сбило Фрица с толку. Он не уловил, что за моим требовательным тоном скрывались боль и неуверенность. После долгого раздумья он кивнул.

— Ну что ж, раз тебе хочется,— начал он осторожно.— Трудно ей: осталась совсем одна, родственников нет, да и работа на скотном дворе. Собралась уже переходить...

— А что она обо мне говорит? — предупредил я его попытку уклониться.

— И слышать про тебя не желает. Не знаю, как оно будет, если она... станет моей женой.

— Ты?..

— Да, хочу на ней жениться,— чуть не выкрикнул брат с упрямым вызовом.— Ты ведь тогда, собственно, встрял между нами. Но я на тебя не в обиде, Вальтер. Так оно, может, и к лучшему. Не уступать же ее кому-то! — Он взглянул на меня, словно собираясь дать мне отпор и в то же время извиняясь.

Я попытался внушить себе, что пора уже вырвать из сердца всякое воспоминание об Уле. Для нее я умер. Нет, хуже! Мертвого Вальтера она бы не забыла, с грустью вспоминала бы о прекрасных часах былых встреч... А так? По приговору я — убийца ее отца, которого она очень любила.

Я почувствовал в голове какую-то странную пустоту, мне неудержимо захотелось вскочить, грохнуть по столу кулаком и рявкнуть: «Нет!» Но меня уже кое-чему научили, и я остался сидеть на стуле, даже не вскочил, чтобы дать выход вспышке. Конечно, все кончено...

Надзиратель поднялся: время свидания истекло. Мы не обнялись с братом, лишь обменялись вялым рукопожатием. Не сказал я и «до свидания», даже забыл передать привет родителям. Фриц озадаченно глядел на меня. Ни капельки благодарности с моей стороны, хотя он старался быть таким, как прежде, даже лучше, чем прежде.

Меня отвели в общее помещение. По дороге надзиратель сказал мне с угрозированной:

— Счастье для вас — иметь в вашем положении такого брата.

Новые проблемы обрушились на меня.

Дни ползли серо и монотонно. Дождь и туман окутали все здания, видневшиеся за оконными решетками. Каждое следующее утро было похоже на предыдущее. Черета удручающих декабрьских дней. Не жизнь, а жалкое прозябание. Успокоился я, капитулировал? Так это или нет, точно я и сам не знал. Ибо порой от маленькой искры разгоралось новое яркое пламя.

Младший лейтенант Шефер, воспитатель, наблюдал за мной, изучал. Для меня он, кажется, задумал какой-то радикальный курс лечения; уже за несколько дней до свидания с братом началось мое ученичество в цеху. Мне объяснили, как работает токарный станок. Не дождавшись, пока я усвою все это до конца, мастер установил заготовку (я так и не успел понять, что из нее должно получиться) на станке Грюневальда — и вот уже путаной спиралью закрутилась стружка. Такая же путаница была в моей голове. Рядом стоял Грюневальд, хмуро поглядывая на мастера, и объяснял мне что к чему.

Итак, за работу. На общество, которое не верило, что я невиновен. Эта работа должна меня «исправить», перевоспитать в порядочного человека. Будто у меня в жизни была когда-нибудь возможность лениться! И для чего меня перевоспитывать? Бесплезное занятие, если ученик ни в чем не виноват.

Работа в цеху перемежалась с напряженной учебой. Вместе с другими учениками — и седыми, и лысыми — я сидел на старой школьной скамье. Даже вечерами, после работы, ревностный воспитатель Шефер не оставлял меня без внимания: совал учебники, посылал Грюневальда или других опытных токарей, чтобы те подзанились со мной. Они спрашивали меня, объясняли, читали чуть ли не целые лекции, вдавливая токарные премудрости в мою башку, хотя она этому противилась. Ни дать ни взять — производственное совещание в исправительно-трудовом учреждении! Ни словечка о преступлениях, о наказаниях. Едва я отделялся от моих наставников, как появлялся Шефер, совал мне в карман свежую газету, клал на стол книгу и какую-нибудь брошюрку. На следующий день он непременно осведомлялся, что я прочитал. Время между подъемом и отбоем было настолько уплотнено работой, учебой, чтением, что я замертво валился на постель. Вот чего добился младший лейтенант Шефер. Он держал меня в постоянном беспокойстве, и что поразительно: я стал при этом спокойнее и сам удивлялся, как быстро пролетают дни. Только от кошмарных снов никто меня не мог избавить. Они являлись каждую ночь.

...Все утро я чувствовал затылком взгляды, которые то и дело бросал на меня младший лейтенант Шефер. Чего ему надо? Он наблюдал за мной, будто догадывался, что я опять провел в мучительных раздумьях бессонную ночь.

В полдень я потребовал у него объяснений. Хотел даже связать, но не получилось.

— Ошибаетесь, критиковать вас не собирался, — ответил Шефер и задумчиво посмотрел на меня. — Вам пришло письмо. Ни одна инструкция не обязывает меня отдать его вам, поскольку оно не от ваших родственников, но нет и инструкции, которая запрещала бы вручить его адресату.

Я поглядел на конверт. Голубой, узкая красно-фиолетовая каемка. Почерк знакомый. Маленькие, энергичные буквы. От Уль! Дрожащими пальцами я вскрыл конверт. Буквы плясали перед глазами. На секунду я зажмурился. Когда поднял веки, буквы встали на место.

«Вальтер!» — начиналось письмо. Просто — Вальтер. Никакого слова впереди, ни после. Она, наверно, долго не решалась обратиться ко мне вообще по имени! И хотя «Вальтер» было больше, чем я смел ожидать, это слово поразило меня в сердце.

Читать дальше или нет? Да и что она могла мне написать? Любопытство взяло верх, и я прочел:

«Честно скажу: я должна была тебя возненавидеть с той минуты, когда узнала о страшной беде. Но не смогла, находила тысячи причин, чтобы оправдать тебя. Даже когда на суде тебя изобличали доказательствами, я продолжала цепляться за твое «нет». Ни одного дня не теряла надежды, что обязательно предстанитя случай и ты докажешь, что невиновен. Все считали, что ты не признаешься из трусости. А для меня это «нет» было спасительной соломинкой. Теперь-то вижу, что вела себя подло: отца убили, а я еще сомневаюсь в приговоре. Ты лжешь из трусости, теперь я в этом уверена. До чего же ты бессовестный, как ты мог через Фрица передать мне привет да еще пожелать, чтобы я в его объятиях была счастлива. На твоей совести не только мой отец, но и моя жизнь, хоть я и не умерла. Ты растоптал мою веру в добро. Мне стыдно за то, что я тебе признаюсь в этом. По правде, я должна тебя еще больше ненавидеть. Остается только презирать тебя как труса. Если кто-нибудь сможет проявить к тебе человеческое чувство, лучше признайся в своей вине. По крайней мере, у меня будет спокойней на душе».

Я вскочил с табуретки.

— Фриц, сволочь!

Мой крик разнесся по цеху. Чья-то рука мягко взяла меня за плечо. Я обернулся. Шефер, не отнимая руки, молчал. Я опустил голову. Раздался звонок. Загудели моторы. Заскрежетали резцы. Рабочий день начался. Повинуясь мягкому давлению шеферовской руки, я направился к своему станку. Странно, как быстро прошел гнев. Я сам себя не узнавал...

Продолжение следует.

Перевод с немецкого Н. БУНИНА.

Рис. И. УРМАНЧЕ.

Йозеф

НЕСВАДБА

**БОЛЕЗНЬ
ХОЛМСА**

Ну, а когда наступает отек легких, дорогой Уотсон...— Шерлок Холмс задумчиво стиснул в зубах погасшую трубку.— Что это значит?

Пациентка дышала прерывисто и затрудненно, словно в груди ее kloкотала кровь.

— Это значит, что сердце слабеет...— не размышляя ни секунды, ответил я и потянулся за шприцем.

Холмс задержал мою руку. Лицо его было абсолютно спокойно, будто он прислушивался к мелодии своей любимой скрипки.

— Так называемое правило условно-категорического силлогизма. Если есть «А», то за ним последует «В», привыкайте к этому. Никаких интуитивных догадок, никаких вызубренных правил. Вы должны размышлять логически, доктор,— и вся медицина у вас в кармане.

Логика была его коньком. Он мечтал о времени, когда не только в физике и биологии, но и в поведении отдельной личности и целых общественных групп будут признаваться лишь выработанные совместным разумом законы, когда на основе этих законов можно будет предвидеть предстоящую реальность. Он был хорошим диагностом. Но лабораторным опытам предпочитал умственные выкладки. Впрочем, звали нашего главврача вовсе не Шерлок Холмс. Мы дали ему это прозвище за то, что у него была большая библиотека детективных рассказов и романов, которые он считал единственной беллетристикой, не лишенной логики, и еще за то, что во время обхода больных, собираясь удивить нас или сказать что-нибудь поучительное, он любил употреблять обращение «дорогой Уотсон».

— Умрет после полуночи,— сказал он мне за дверью и на этот раз без всяких шуток.— Сегодня ваше дежурство? Вам придется сообщить в полицию.

Дело в том, что больная лежала в моем отделении уже целую неделю и до сих пор никто не знал ее имени. Ее нашли без сознания где-то на улице, и она еще ни на мгновение не приходила в себя. Ей было всего лет сорок, я буквально дрался за ее жизнь. Оставался сидеть возле нее, даже когда наступало дежурство моей напарницы. И теперь я готов был разреветься.

— Знать бы хоть, кто она, с чего это началось, почему...

— Вы должны размышлять,— ответил Шерлок Холмс.— Случай весьма подходящий...

Тогда я еще не мог предполагать, как дорого обойдутся мне эти размышления.

В ту же ночь я отправил ее в анатомичку. А через минуту после этого мне позвонили из проходной.

— С вами говорит друг,— послышалось в трубке.— Прохазка,— с опозданием представился говоривший.— Справьтесь насчет этой мертвой у сестры Себальды.

И повесил трубку.

Какой Себальды? Я знаю наперечет всех сестер нашей больницы, у нас всего два отделения, но ни о какой Себальде никогда не слышал.

— Кто такая сестра Себальда? — спросил я у вахтера.

Он посмотрел на меня удивленно. Неужто я не знаю? Это же бывшая сестра из терапии, которую наш главный выгнал после страшного скандала. Продолжать расспросы у меня не было охоты. Я только начинал свою службу в больнице, и в мои планы вовсе не входило слишком горячее участие в судьбе сотрудников, по какой-либо причине выгнанных с работы моим шефом. Я без труда выкинул этот телефонный разговор из головы. В причине смерти нашей пациентки не оказалось ничего загадочного. Саркома. По всей вероятности, полиция легко установит, как больная в таком состоянии попала в наш город. Но еще до обеда мне снова позвонили из приемного покоя: привезли больного. Свободных мест не было. Однако выяснилось, что принять необходимо. Опять бессознательное состояние. На этот раз пожилой мужчина. Его доставили прямо из привокзальной гостиницы. Документы в порядке. Фамилия больного — Прохазка. Уж не тот ли это Прохазка, что звонил мне по телефону? Не обезвреженный ли свидетель? Но все это слишком походило бы на историю из детективного рассказа. Вдобавок еще и главный сегодня не пришел. У этого Прохазки тоже отек легких. Я накинул на белый халат пальто и поспешил к Холмсу, на его виллу. «Он летел по проспекту Регента наперегонки с ветром,— как переводили когда-то Конан Дойля,— домчался до угла Оксфордской и Бейкер-стрит. Запыхавшись, остановился перед домом Холмса. И тут услышал скрипку». Целый концерт в грамзаписи. Главного я нашел в постели. По его мнению — небольшой грипп. На щеке пластырь. Вероятно, порезался во время бритья. Как видите, я подмечал детали не хуже настоящего Уотсона. Я все рассказал. Шеф тотчас выключил проигрыватель, вскочил с постели и стал беспокойно ходить по комнате. Только теперь до меня дошло, что он, собственно, живет один. Комната до самого потолка была облицована резным деревом, а у окна стояли высокие, неудобные готические кресла. По стенам развешаны картинки Хоггарта. Даже дома, наедине с самим собой, наш главный изображал Холмса рационалистической Англии.

— Ну так вот, я скажу вам, почему я ее выставил. Из-за чего мы с ней так разругались. Как вы знаете, я опубликовал в научной печати статью о своем новом методе лечения некоторых злокачественных опухолей. С величайшим трудом я изготовил собственный препарат. А эта женщина вместо него вводила моим пациентам обыкновенную подсоленную воду! Она свела на-нет все последующие опыты! Да еще плела больным всякие небывлицы. И потерявшие надежду несчастные шли к ней с большим доверием, чем ко мне. Мошенница! Представьте себе! В наше-то время, в эпоху, когда повсеместно побеждают разум, наука, логика, вдруг появляется женщина, которая собирается врачевать, простирая над больным руку. Вы понимаете? Это же настоящее мракобесие, самое темное средневековье! Она готова помогать смерти, лишь бы отнять у людей надежду на нормальное излечение, лишь бы держать их в зверином страхе. По сути дела, она сама тяжелобольная. Не мог я терпеть ее в больнице.

Я понимал его. В нашем окружном городишке, где-то к северу от Ловосин, он борется со знахаркой. Это подвижник науки.

— С тех пор как я ее выгнал,— продолжал Холмс,— она днями торчит в одном из домишек на площади и принимает больных со всей округи. Тут явно дело в деньгах. Я давно об этом догадывался. Но мне и в голову не приходило, что она способна на убийство. Очевидно, до нее как-то дошло, что Прохазка предостерегал нас, и она убрала его с дороги, как и ту несчастную женщину, и бог ведает скольких еще людей до нее...

— Что же нам теперь делать? Свидетелей у нас уже нет. А кого она выберет следующей жертвой, мы не знаем. Впрочем, я мог и ошибиться. Я тогда не выспался, и, возможно, голос по телефону вовсе не называл Себальду и не представлялся как Прохазка...

Шеф обвинил меня в недоверии к собственным чувствам и разуму, стал говорить, что я ставлю под сомнение познаваемость мира. Он подсел ко мне с видом заговорщика.

— Наконец-то нам представляется случай раскрыть преступление, дорогой Уотсон. И мы сумеем это сделать. Мы подстроим бестии ловушку! Вы приготовите для меня препарат ткани умершей женщины. Завтра я передам его в лабораторию и всем буду говорить, что нечаянно срезал себе родинку.— Он дотронулся до пластыря на лице.— Не пройдет и недели, как весь город будет знать, что я умираю от саркомы. В библиотеке у меня, друг мой, не только детективные романы. Но еще и сейф с кое-какими сбережениями. Если эта убийца падка на деньги, то, по всем законам вероятности, она должна явиться ко мне. Наверняка решит, что я преспокойно

позволю себя заговаривать, раз мне по логике вещей остается одно — умереть. Ведь свои опыты я из-за нее до конца не довел...

Я немного побанвался С такими болезнями шутки плохи. Меланосаркома — безнадежное заболевание. Из срезанной родинки ее черные клетки за короткое время распространяются по всему организму. Еще накличешь беду! И в то же время это был блестящий образец интеллекта Шерлока. Только так мы сможем раскрыть преступление и покарать виновницу. Я не спеша возвращался в больницу. Наш городок отнюдь не Лондон. Самые высокие дома двухэтажные, ни закоулков, ни романтического замка. Убийство не имело подходящих декораций.

В больнице я узнал, что Прохазка умер. Как показало вскрытие, его организм был во многих местах поражен островками буйно разрастающейся ткани. Он приехал сюда из Праги. Похоже, вся Чехия собирается умирать только у нас. Никакого тайно введенного сестрой яда в организме умершего не обнаружилось. Зато диагноз тот же, что у неизвестной женщины. Саркома.

Я сообщил об этом главному, который жалобно стонал и пил вино в своем кабинете.

— В ваших руках мой смертный приговор,— говорил он, передавая лаборанту фальшивый препарат.

Его игра привела меня в восхищение. Это был Шерлок Холмс в исполнении самого Оливье.

— Понятное дело, Прохазка был болен, только потому он и приехал к Себальде. Мои опыты широкой известности не получили. Вот и поклоняются люди чернокнижнице,— поучал он меня, когда мы остались одни.— Она постаралась избавиться от этого человека, потому что он разгадал ее обман...— Тут шеф схватился за мое плечо, словно вдруг почувствовал настоящую слабость. Он был выше меня на голову. Большой любитель спорта. В этот день я впервые заметил, как у него дрожат пальцы. Я перестал полностью доверять ему и решил продолжать расследование самостоятельно. Разумеется, особой ловкости я при этом не проявил...

— Добрый день, пап доктор...— приветствовала меня Себальда, когда я вошел к ней и хотел начать разговор с описания своей мнимой болезни.— Конечно же, я вас знаю. От ваших пациентов. Они вас, в общем-то, любят.— Она сидела напротив меня в маленькой каморке и вязала. Кожа на ее руках растрескалась от грубой работы.— Нет, я не помешала опытам вашего шефа. Я только хотела помочь ему, потому что его препарат не давал больным никакого облегчения. Наоборот, скорее приносил вред. А после того, как я стала вести с пациентами свои беседы, он напечатал статью в на-

учном журнале. Впоследствии он убедился, что это, собственно, была статья о моем лечении. Вот он меня и выгнал... Но таким образом ничего не докажешь.

Она говорила разумно и спокойно. Когда-то это была довольно красивая женщина, и мне казалось, что в ней и сейчас таится большая сила. Во всяком случае, руки у нее не дрожали, как у Холмса.

— В чем вы можете меня упрекнуть? В том, что я беседую с людьми, которых вы уже отказываетесь лечить? А вы думаете, было бы лучше, если бы они умирали в одиночестве? Я говорю с ними не о загробном мире, а о жизни и о том, как уйти из нее, спокойно. Разве не то же самое делала медицина на протяжении целых столетий? — Она обернулась к книжному шкафу. — Еще в семнадцатом веке Роберт Бойль, отец нынешней химии, рекомендовал для лечения желудочных заболеваний порошок из кожи подошвы много ходившего человека. Да и сейчас чем только порой не лечат. Все зависит от отношения к больному, от того, кто лечит. Я не собираюсь конкурировать с вами. Не удивляйтесь, что я читаю книги. Образованностью похвастаться не могу. И была бы рада, если бы кто-нибудь помог мне разобраться, в чем причина моих успехов...

Ничего подобного мне и в голову не приходило. То, что она рассказала, вполне объясняло ненависть, которую испытывал к ней главный. Она легко могла скомпрометировать его. Ведь он пытался присвоить себе славу этих ее «бесед» с больными. Она бросила взгляд в угол. Я ожидал увидеть там скамеечку для коленопреклоненных молений, хрустальный шар или кошку с огненными глазами. Но там висела большая фотография моего шефа. Он выглядел на ней совсем юным.

— Я хотела помочь ему, — продолжала она. — Это единственное, что мною руководило. Я любила его. Но он боялся моей любви, как боится всех сложностей жизни...

Мы оба вскочили — в коридоре кто-то вскрикнул. Она вышла к своим пациентам. По дороге в больницу я думал о нашем разговоре.

— Любовь? Любовное отношение? Что вы имеете в виду? Если в науке мы хотим о чем-либо договориться, необходима ясность понятий. Это семантическая проблема. Я могу точно определить значение слов «железо» или «свет», могу установить содержание таких понятий, как «легкие», «мышца», но что означает слово «любовь»? В конце концов, даже слова «ненависть» или «ярость» — и те в этом отношении не поддаются точному определению. Ведь нам не изве-

стей их физиологический субстрат. Мы подчас сами испытываем эти чувства, но никто со стороны их не заметит и не опишет. Нет, такие ненаучные термины не пригодны для нашей логической системы...

Холмс говорил через силу. Я не мог понять, зачем он разыгрывает больного, когда мы с ним одни.

— Итак, она поколебала вашу уверенность, дорогой Уотсон. А мне тем временем послала письмо — Он показал белый конверт. — Попалась на удочку еще раньше, чем мы предполагали. И знаете, каким образом она узнала о моей болезни? Внутренним чутьем! Сама так пишет. По интуиции... — Он рассмеялся. — С помощью своей телепатии узнала о болезни, которую я ради нее же придумал. Ну, что вы на это скажете?

У меня не было никаких соображений относительно передачи мыслей на расстояние. Но я прекрасно понимал, что подобные вещи должны возмущать столь рационального человека, как наш Холмс.

— Я отправлюсь к ней завтра в десять. Может, и это ей подскажет интуиция... — смеялся он. — А вы приведете своего друга.

Начальником полиции в нашем городке был мой однокашник по начальной школе. Оба мы выросли на окраине. В сыщиков и индейцев мы с ним никогда не играли. То была пора экономического кризиса, и я воровал для него хлеб. Мне пришлось долго уговаривать его, прежде чем он согласился на следующий день пойти со мной, но только неофициально, без формы. Все это ему не слишком-то нравилось. Оказывается, мой шеф уже не раз заявлял на Себальду в полицию. Однако установлено, что эта женщина никаких денег не берет, разве иной раз кое-что из продуктов, да и то лишь столько, сколько ей самой необходимо. До сих пор никто ее ни в чем не уличил.

— Да, до сих пор... Но сейчас на ее совести два убийства... — возразил я ему.

И вот мы стучим в дверь ее домика. У меня было такое ощущение, будто я привел комиссара, который должен арестовать злодея где-нибудь на Оук-Ридж.

— Пан главный напрасно беспокоится, — встретила нас Себальда на пороге. И улыбнулась так мило, что в тот момент я, и правда, не мог себе представить, чтобы эта женщина была способна хладнокровно убивать людей.

— По крайней мере, раз уж он здесь, мы сможем все вместе потолковать, — произнес мой «комиссар» без малейшего английского акцента.

Вдруг мы услышали шум. В комнате Себальды с грохотом падала мебель. Когда мы вбежали туда, Холмс был мертв. На столе ле-

жали все его сбережения. Банкноты, золото, бриллианты. Мы отвели Себальду в городское отделение полиции. Она ни слова не сказала в свое оправдание. Только тихо плакала, точно умер кто-то очень для нее близкий. Ее слезы не были похожи на слезы злодея, попавшегося наконец с полничным. Ну что же, не помогли ей ни телепатия, ни интуиция. Мы вывели ее на чистую воду с помощью чисто теоретической конструкции. Дорогой ценой пришлось заплатить за наш триумф. Это был первый просчет Шерлока Холмса. Шеф стал жертвой собственной концепции. Он погиб, но разум восторжествовал.

В тот вечер я должен был делать доклад о кибернетике. Тогда для нас это была еще совершенно неизведанная область науки, книгу о ней оставили в нашей больнице два американских врача-мормона. Я пошмал, что кибернетика — величайшее достижение новейшей логики. Шефа она наверняка бы воодушевила. Но я не мог говорить. И только предложил, чтобы нашей больнице присвоили имя Холмса. Я так и сказал «Холмса», потому что мысленно не называл главного его настоящим именем.

— Его убил собственный страх,— возразил мне главврач соседней больницы, приехавший к нам на вскрытие.— Он был здоров, как бык. И давление как у молодого. Но очень уж испугался этой пораненной родинки, очевидно, был уверен, что его убьет болезнь, лечению которой он посвятил всю жизнь. Перебывал у всех наших специалистов. Никто не мог его успокоить. А у Себальды он сам себя убил. Не вижу здесь никакого торжества разума. Вчера вечером он взял из больничной аптеки два пакетика с порошками морфия.

Мой Холмс! Но ведь были же какие-то признаки! Ведь должен же он был ощущать симптомы! Значит, он ощущал симптомы несуществующей болезни? Как это объяснить логически?

Дом меня ждал приятель.

— Твой шеф сам пригласил из Праги Прохазку и ту женщину. Ее фамилия Ружичкоба. Он познакомился с ними в онкологической поликлинике, где тоже проходил обследование. Очевидно, пообещал им какое-то чудодейственное лекарство, обнадежил, чтобы потом использовать против Себальды. После смерти Ружичковой тебе звонил не Прохазка — тот уже вообще не мог ходить, а сам главный. Это была ловушка, но ловушка для тебя, дорогой Уотсон...— «Комиссар» грустно вздохнул.— Разумеется, он не мог предполагать, что я буду настолько глуп, чтобы не проверить фактов. Да только реальности и эксперименту он никогда не придавал большого значения.

— Но я сам видел письмо, присланное ему Себальдой!

— Письмо было старое. Она часто писала ему. Но, видимо, этот человек боялся ее, как вообще боялся женщин и жизни. Он и покончил-то с собой из страха.

Мой Герой! Считал, что ему все равно суждено умереть, и хотел заодно уж устранить Себальду, единственного свидетеля его научной несостоятельности.

— У нее же были найдены его деньги,— привел я новый аргумент.

— Он сам тайком принес их. Чтобы они послужили уликой против Себальды. Решил избавиться от нее мошенническим наветом. Мошенничество из добрых побуждений!

Я припомнил несколько подобных же случаев: как Крамер в Вене перекрашивал саламандр, чтобы доказать свою теорию, а в Пилдауне изготовили фальшивый череп прачеловека, чтобы с его помощью доказать существование промежуточного звена между обезьяной и человеком. Мошеннические доказательства ложных теорий! Точно так в средние века выдавали моржовые клыки за рога единорога, которого и на свете-то никогда не было. А обыкновенные желчные камни — за некогда почитаемую чудодейственную панацею от всех болезней — безоар.

— Но нашему делу этим пользы не принесешь,— продолжал мой приятель.— Себальда станет теперь святой. А если она действительно добивается каких-то результатов, пускай хоть любовным уходом или интуицией, то вы в первую очередь должны зафиксировать эти результаты, описать их, всесторонне изучить. И только потом отвергнуть или принять. Мы не можем априорно не признавать факты лишь потому, что они не соответствуют выдвинутой нами теории. Так мы не раскрыли бы ни одного преступления. Не излечили бы ни одной болезни. Ученые не смогли бы открыть ни единого закона природы. Это уже не современная логика, а современное средневековье. Жизнь сложна, полна случайностей и неожиданностей. В конечном счете мы поймем ее, в конечном счете все объясним. Но это требует терпения, братец... И ясного разума.— Он положил руку мне на плечо, и теперь я до конца осознал, что мы говорим на родном для нас языке. У Кован Дойля таких сцен нет. Мой приятель объяснил мне, в чем я ошибся.

И в чем заключалась подлинная болезнь Шерлока Холмса.

Перевел с чешского О. МАЛЕВИЧ.

Рис. С. ХАЛИЗОВА.

БИЗНЕС НА БОКСЕ...

ЗАСЛУЖЕННЫЙ МАСТЕР СПОРТА,
КАНДИДАТ ТЕХНИЧЕСКИХ НАУК А. КИСЕЛЕВ
О КНИГЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЖУРНАЛИСТА
Р. ПАССЕВАНА.

С удовольствием представляю читателям журнала три главы из книги «Бизнес на боксе». С удовольствием — потому что эта книга о спорте, который я очень люблю и которому посвятил свою жизнь.

Потому, что она увлекательно написана и повествует о многих любопытных людях, историях и фактах из жизни боксеров. И потому, что она разоблачает то, что вносит в профессиональный бокс хищнический мир наживы.

Ее автор, известный во Франции журналист Ролан Пассеван, в течение долгих лет был спортивным

обозревателем, а затем редактором спортивного отдела газеты французских коммунистов «Юманите». И хотя нравы профессионального спорта в его стране и судьбы французских боксеров занимают в произведении весомое место, это рассказ — не о французском боксе.

Как и кто превратил благородный спорт в разновидность бизнеса, средство торговли и наживы — вот о чем говорит автор. Увы, профессиональный бокс, особенно в США, — это не только прекрасные боксеры, мужественные бойцы. Прослеживая судьбы знаменитостей и незнаменитостей, так никогда и не ставших чемпионами, Р. Пассеван раскрывает нам мир подлости, предательства, беззакония, махинаций.

Спортсмен на Западе — объект купли-продажи. Он лишен элементарных прав человека, которыми так любят похвастаться пропагандисты «свободного мира». И это убедительно доказано в предлагаемых читателю главах из книги Р. Пассевана.

Читатель узнает о преступной деятельности дельцов от профессионального бокса, идущих ради наживы на подлог, фальсификацию, жульничество и подтасовки. Они берут и дают взятки, со спокойной совестью покушаются на здоровье спортсменов, морально растлевают еще зеленых юнцов, пришедших на ринг. Хозяева клубов, организаторы встреч и тренеры стараются создать вокруг соревнований нездоровый азарт, подбивают миллионы людей на заключение пари, от которого выигрывают одни лишь дельцы. И помогает им в этом реклама продажной буржуазной прессы. Честный боксер не может найти защиту ни у властей, ни у правосудия. Автор книги убедительно показывает, чем заканчивались так называемые расследования о фальсификации результатов встреч.

Мне самому не раз доводилось присутствовать на боях профессионалов и беседовать с ними.

В большинстве своем хорошие, честные, сильные, эти ребята оказывались в полной зависимости от менеджеров, владельцев залов и организаторов матчей. Дельцы использовали

их способности, талант, здоровье в максимальной степени — а потом... потом спортсмены были им не нужны.

Истории, которые вы прочтете,— правдивое и грустное свидетельство того, как портит буржуазное общество спорт и людей спорта.

РОЛАН ПАССЕВАН

ИЗ ВЕНЕСУЭЛЫ... БЕЗ БИЛЕТОВ

«**П** есо и золота у него завались...» Мелодия этой песенки звучит у меня в ушах, в то время как мой собеседник рассказывает не очень веселую историю.

Их было трое боксеров, отправившихся в Венесуэлу с мечтой о больших матчах и крупных заработках.

Хотя организатор матчей, прилетевший из-за Атлантики, весьма похож на разбойника, в гостеприимной Франции он надеется без помех завербовать нескольких любителей приключений и дальних путешествий.

У господина Пейрисака в одном из спортивных залов парижского пригорода приезжий нашел то, что искал. Французский менеджер знает, что именно нужно сказать, чтобы убедить трех спортсменов лететь в Каракас. Например, такое: «У вас будет не только великолепное путешествие. Вы еще и хорошо заработаете. Кроме того, если вы хорошо выступите,— реклама для дальнейшей карьеры. Уж будьте спокойны».

Было о чем подумать. Дело выглядело серьезным. Сам Пейрисак беседует с господином оттуда. А тот выглядит богачом. Вероятно, его послал человек, который ворочает крупными делами, меценат, желающий также доставить себе удовольствие.

Венесуэла. Каракас. Красиво звучит: «Ка-ра-кас»!

В то время как три боксера, воодушевленные предстоящим путешествием, тренируются, Пейрисак и упавший с неба венесуэлец договариваются между собой в укромном уголке, потом обращаются к спортсменам.

— Ребята, все согласовано. Вы получите три билета в Каракас, а обратные вам будут даны на месте.

Венесуэлец кивает, подтверждая сказанное. Ну, а боксеры, не беспокоятся ли они?

— Разве мы едем без вас, господин Пейрисак?

— Конечно. У меня здесь много работы и разных других обязательств. Путешествия — не для меня, счастливички!

Южноамериканский предприниматель и французский менеджер великолепно понимают друг друга. Латиноамериканец передает Французской федерации бокса (ФФБ) в качестве гарантии сто тысяч франков, которые Пейрисак сможет получить, когда трое его подопечных будут на месте. Но это лишь часть условий ФФБ, которая посоветовала менеджеру заранее, до отъезда из Парижа, потребовать билеты туда и обратно для боксеров и для него самого, а также договориться о том, чтобы в Каракасе во французское консульство вносились заработанные боксерами деньги.

Чтобы проследить за выполнением условий, менеджер должен был бы сопровождать боксеров. На этом обязана настаивать и федерация. Но уж во всяком случае ему, поскольку он взимает с заработков спортсменов достаточно высокий процент, надлежало любым другим способом обеспечить им на месте заботу и внимание.

Впрочем, у нас еще будет возможность судить об обязательности и моральных качествах менеджера.

Венесуэла их не разочаровывает. Печать принимает французов вполне благожелательно. У нового предпринимателя отменные связи в редакциях, знакомые журналисты, пишущие лестные статьи. Боксеры вырезают их и наклеивают в тетрадь — по газетным сообщениям можно проследить весь их спортивный путь. Лестно: ведь Венесуэла и матчи в Каракасе, Маракайбо, Кристобале — это реклама, хсрошая реклама.

Правда, нельзя сказать, что гостиница, в которой они остановились, числится в списках знаменитых южноамериканских дворцовотелей. Но боксеры не так требовательны, как миллиардеры. Тем более, если надеешься, что после первых встреч на ринге жизнь станет еще лучше.

Однако на следующий день после первых боев предприниматель, договаривавшийся с Пейрисаком, почему-то не спешит к ним в гостиницу. Что ж, они к этому приучены. Но время идет, а у них никто не появляется. Ими овладевает беспокойство.

— Смотри-ка, вот наш организатор. Наконец-то! Сколько мы заработали в тот вечер?

— Ну, по правде сказать, не так уж блестяще...

— Но зал был полон...

— Да, но это ничего не значит, потому что нельзя было сразу назначать слишком высокие цены. Для начала нужно познакомить с вами публику... Да еще издержки были большими.

Боксеры смотрят друг на друга в недоумении. Кажется, они уже слышали где-то эти слова? Возможно, но что поделаешь в Каракасе без руководителя, без поддержки? Несомненно, их терпение окупится. Им остается принять объяснения человека, которому доверяет их менеджер. «Ах, если бы Пейрисак был с нами здесь...»

Новые тренировки. Новые статьи в печати. Новые бои... И снова ожидание. Один раз ничего, но два... Не осмелится же организатор явиться без денег.

Он осмелился. И нагло убеждает своих подопечных, что в следующий раз все наладится, благо на свете нет более наивных, более послушных ребят, чем боксеры, приученные терпеть боль на ринге.

— Это будет настоящий праздничный вечер. На этот раз публика дорого заплатит за билеты. Никто не сомневается в успехе. По окончании вечера все будут довольны.

Зал снова полон. Трое боксеров еще раз бьются до изнеможения. Полумертвые, они возвращаются в гостиницу. Предприниматель забывает их проводить. Он не приходит ни застра, ни в следующие дни. Они его вообще больше не увидят. Исчез дед-мороз из Каракаса, не оставив ни адреса, ни денег, и самое ужасное — не оставив... обратных билетов на самолет.

А Франция так далеко... Что там происходит?

Если бы они могли перелететь через океан, то увидели бы, как через несколько дней после их приезда в Венесуэлу почтенный менеджер Пейрисак переступает порог дома номер 62 по улице Нолле, где размещается Французская федерация бокса, чтобы заверить кого-то из ее руководителей, будто пребывание его протее за океаном идет отлично, и уйти домой... с сотней тысяч франков в кармане.

Но они не могут летать. Они в Каракасе. С гневом в сердцах и пустыми кошельками. Никто не может найти наглого дельца, удравшего с их деньгами. Руку спасения протягивает им только французское консульство, которое оплачивает пребывание боксеров в Венесуэле и возвращение в Париж.

Трое путешественников возвращаются без песо, без золота, но с несколькими шрамами над бровями...

...Эту историю мне рассказывает человек, работавший в то время в ФФБ. Немного помедлив, видимо чтобы произвести эффектное впечатление, он добавляет:

— Вы еще не знаете самого интересного...

— Чего же именно?

— Когда трое боксеров вернулись в Париж, первое, что сделал Пейрисак, — заставил их подписать оправдательный документ на сумму в сто тысяч франков, объяснив, что это компенсация за потерю его доли с заработков, так и не полученных ими в Венесуэле...

Скольким боксерам, отправившимся в путешествие на край света, чтобы участвовать порой в очень жестоких боях, выгодных только местным организаторам и их французским посредникам, выпали такие же грустные испытания.

Я вспоминаю, как Франсис Шарль рассказывал мне о своем печальном турне в Австралию и Соединенные Штаты:

— В Австралии это был хорошо организованный грабёж. А в Америке я участвовал в труднейших боях. Меня хотели убить в Нью-Йорке. Я был тогда почти среднего веса — от семидесяти трех до семидесяти четырех килограммов, а противником оказался не тот, кого обещали. Мне предложили Поля Берленбаха, чемпиона мира среди боксеров полутяжелого веса.

Или Жан Сток, которого организатор боев Жильбер Бенаим использует на все сто! Жан боксировал пятнадцать раз на Зимнем велодроме в качестве основной звезды. Послушайте, что он говорит:

— Когда мне платили за бой по твердой ставке, я мог зайти за деньгами в кабинет организаторов, но не имел права на это, если заработок шел со сбора. На другой день после матча, когда мы являлись за гонораром, менеджер первым входил к предпринимателю и лишь через несколько минут приглашал меня.

Сток, как и те трое, тоже совершил путешествие-неудачу.

— Дважды я ничего не получал. Сначала в Женеве. Я победил Дотюиля. Мне говорили: не беспокойся, эта победа стоит всего золота мира. Она хороша уже сама по себе и открывает перед тобой дорогу в будущее... Затем в Дакаре — удачный бой за звание чемпиона Франции с Кидом Марселем. На этот раз я очень разозлился, что не получил деньги, и пожаловался во Французскую федерацию бокса. Мне ответили, что это дело их не касается. Куда уж дальше!

Таких случаев десятки. Одни стали известны, другие — нет, ибо боксеры скрывали это из стыда или боязни неприятных последствий. Все они — жертвы тех, кого Жан Сток вежливо именует «нечистоплотными людьми».

ПРИЗНАНИЯ ЖО МОРАЛЕСА

Дворец спорта переживает последний раунд матча Баур — Моралес. В раздевалке обладатель чемпионского звания Роже Баур переводит дыхание.

— Еле заставил себя довести бой до конца, — произносит он. И погода добавляет: — За свои деньги они получили достаточно.

На следующий день все комментаторы описывали ужасный последний раунд: «Как Моралес удержался на ногах до спасительного гонга, остается тайной».

Один из журналистов пишет: «Решение присудить победу Роже Бауру вызвало оглушительный шум и позволило публике разрядиться. Судьи должны были обладать исключительно точными весами, чтобы суметь выбрать победителя... Ничья была бы, без сомнения, лучше встречена всеми. Реванш привлечет массу народа».

Сразу после окончания боя менеджеры договариваются о новой встрече.

— Мой боксер выиграл, — утверждает один. — Дайте нам матч-реванш, и мы сделаем из твоего отбивную котлету!

— Увидим, — возражает другой. — Вся награда — победителю. По рукам?

— Твой Баур был сегодня бит! — кричит разозленный менеджер Филиппи. — Я согласен, чтобы победитель получил весь выигрыш.

— Идет, — отвечает менеджер другого, Перье. — Твой Моралес получит новую взбучку.

Дело происходит 20 сентября 1949 года. В следующие дни во-

круг реванша устраивается большая шумиха. Его требует в первую очередь Филипп Филиппи, которого больше волнует новый кассовый сбор, нежели здоровье подопечного.

Говорят о плохих отношениях между Бауром и Моралесом, ставших «непримиримыми врагами». Расписывают подготовку Жо Моралеса, тренирующегося с первоклассным спарринг-партнером, чемпионом мира Марселем Серданом. Сообщают о продолжении словесной дуэли между Филиппи и Перье:

«Менеджеры немного успокоились и, считая, что отдать весь заработок одному — чересчур, согласились на выплату пятидесяти тысяч франков каждому из боксеров после нового боя.

Снова шум в печати. Первая страница газеты «Экип» заполнена сообщением: «Оригинальный пролог к матчу за звание чемпиона Франции среди боксеров легкого веса: двойная ставка, сто тысяч франков... Обладатель звания Баур и его соперник Моралес ставят каждый по пятьдесят тысяч на свою победу. Победитель придет в газету «Экип» во вторник, чтобы получить деньги. Фотография запечатлела церемонию передачи на хранение в сейф «Экип» ста тысяч франков, составляющих пари. Участвуют слева направо: Филиппи, свидетель Морис Геро, Роже Баур, наш кассир господин Гевель, Моралес, за которым не виден второй свидетель Нэссенс, Раймон Перье и наш сотрудник Раймон Мейер».

При такой рекламе пари заключает вся Франция, дела букмекеров процветают.

Предприниматель Жильбер Бенаим потирает руки за кулисами. Он в восторге от артистических талантов своего друга Филиппа Филиппи, чье картинное поведение в редакции «Экип» перед регистрацией пари описано в красочных деталях. Он ведет себя как фигляр, Филипп Филиппи, его говорливость производит впечатление. Всем совершенно ясно — ставить надо на Моралеса. Зато какой поток золота выльется на тех, кто осмелится против общего мнения поставить на победу Баура...

Бенаим и Филиппи могут ликовать.

Накануне матча «Паризьен либере» сообщает: «Вчера вечером в 21 час Марсель Сердан в сопровождении своего менеджера улетел с аэродрома Орли в Нью-Йорк».

Наступает ужасное утро, вести с Азорских островов постепенно подтверждают несчастный случай с самолетом, масштабы трагедии, гибель Марселя Сердана.

В тот же день читаем в «Паризьен либере»: «Теперь Филиппи собирается заключить дополнительные пари. С тех пор, как Сердан научил Моралеса кое-чему, его вера в последнего безгранична.

— Он держал свою левую слишком далеко, — заявил вчера Филиппи в зале, где Моралес заканчивал тренировку. — Марсель научил его наносить короткий хук слева, не разворачиваясь на ногах. Если Жо усвоил урок, Бауру придется туго».

Даже после смерти Марсель Сердан помог рекламной кампании Филиппи.

Матч Баур — Моралес состоялся 31 октября, через два дня после катастрофы на Азорах. Такие бои не переносят.

Корреспондент «Франс суар» пишет: «...Организатор Жильбер Бенаим справедливо считает, что он сделал хороший бизнес».

Исход боя оставляет всех спорщиков, слепо поверивших полному энтузиазму Филиппи, в растерянности. Кто бы мог подумать, что Жо Моралес получит бесспорный нокаут во втором раунде.

Одна из газет отмечает: «Жестокий приговор, тем более удивительный, что около месяца назад молодой спортсмен отлично держался десять раундов в бою с лучшим легковесом Франции, и решение судей в пользу Баура было весьма спорным».

Жестокий приговор.

Неожиданный приговор.

Придется подождать двадцать четыре года, чтобы узнать истинные причины поражения Жо Моралеса.

Февраль 1973 года. Я еду поездом в Гренобль и перечитываю письмо, полученное из этого города несколько дней назад.

«Месье. Вечером 30 числа я смотрел телевизионную передачу «Досье экрана» о боксерской жизни Марселя Сердана и его сына.

Вечер был интересным, но вы выступали один против всех».

Говоря об «организаторе Бенаиме» и «его сообщнике Филиппи», автор письма сообщает: «...Я знаю его (Филиппи) очень хорошо, поскольку был под его началом в 1948 и 1949 годах, когда боксировал в Париже. Я мог бы многое рассказать о том, что вас интересует, так как сам был одной из жертв».

Жо Моралес, ибо он автор письма, напоминает о своем нашумевшем матче-реванше против Баура...

«Замечу, что я был в нокауте за два часа до матча и мог бы вам сказать, каким образом это произошло, и еще многое другое. Во всех случаях, если это письмо и останется без ответа, я сохраню о вас память, ибо вы осмелились бросить вызов гангстерам бокса...»

— Гренобль, прибываем в Гренобль...

Поезд останавливается. Пассажиры устремляются к выходу. Я ищу человека, с которым не знаком, — Жо Моралеса, ныне инспектора полиции.

Я наблюдаю за Моралесом, пока мы усаживаемся в кафетерии. Он прибавил в весе, но ни полнота, ни годы не помешали ему быть в форме. В ходе разговора я отмечаю, что в его памяти полностью сохранились события двадцатичетырехлетней давности.

За вечер и следующий день мы совершаем путешествие в прошлое. Моралес рассказывает:

— Я знал, что Бауру надо было сгонять много лишнего веса, и считал, что победа за мной.

...Потом было двойное пари. И вся Франция заключала пари... Тут погибает Марсель. Ужасный удар. Но разве не лучше всего в память о связывавшей нас дружбе выиграть титул чемпиона Франции?

...В полдень 31 октября я иду взвешиваться в редакцию «Экип». При выходе Филипп Филиппи говорит:

— Смерть Сердана сказала на тебе, малыш. Возьми эти таблетки. Их восемь. Принимай по одной через каждый час.

Говорит жена Моралеса:

— Я не хотела, чтобы муж принимал таблетки. Но он был очень исполнительен. Филиппи ему их предложил, и он не хотел слушаться.

Моралес:

— Я принял все восемь таблеток и к восьми часам почти потерял сознание, как будто получил нокаут, но остался на ногах.

Госпожа Моралес:

— Он даже не узнал моего отца у нас дома. Мы все видели, что муж был в совершенно непонятном состоянии.

Бой должен был начаться менее чем через два часа.

Моралес:

— А ведь Филиппи утверждал, что эти таблетки использовались пилотами английских воздушных сил во время войны как тонизирующее средство. С такой дозой они бы проиграли битву за Лондон...

Моралес, как известно, проиграл свой парижский бой 31 октября 1949 года. Филипп Филиппи вывел на ринг человека в полубессознательном состоянии, с нарушенной реакцией, посланного в нокаут во втором раунде.

Жильбер Бенаим, сидя у самого ринга, подсчитывал доход (зал был полон). Филипп Филиппи стоял в углу Моралеса и рассчитывал прежде всего на действие восьми таблеток, а в конечном счете — на солидную «инъекцию» из карманов букмекеров. И, вероятно, оба потирали руки.

Но на этом хозяева бизнеса на боксе не останавливаются.

Жо Моралес вспоминает свидание с Филиппи, состоявшееся на следующий день.

— Заработок был жалким. Триста тысяч тогдашних франков за центральный матч в переполненном Зимнем велодроме. Ну и обокрали же меня! Тем не менее я предложил Филиппи причитающиеся ему тридцать процентов. И сказал, что готов вернуть сумму проигранного пари — пятьдесят тысяч франков, оставленных в сейфе «Экип».

...Филиппи был очень щедр.

— Нет, малыш, оставь это себе для поднятия духа. Я беру все расходы на себя.

...Еще бы, если учесть сбор на Зимнем велодроме и итоги пари! Они могли изображать щедрых господ!..

С тяжелым сердцем, в полной растерянности из-за событий, происшедших накануне, которые привели его к нокауту, а также под сильным впечатлением потери Марселя Сердана Жо Моралес возвращался домой, продолжая думать о своих несчастьях. Он проиграл при весьма подозрительных условиях, а ведь так хотелось выиграть.

— Через несколько дней у себя в зале Филиппи делает мне предложение...— Жо и сейчас качает головой от отвращения.— «Ты сразу проведешь три боя. Сначала в Лондоне. Встретишься с Билли

Томпсоном. Получишь миллион при условии, что будешь соблюдать план. Тебе даются четыре раунда, чтобы его побить»... Представляете, побить Билли Томпсона, одного из лучших тогдашних боксеров легкого веса за четыре раунда! Об этом нечего было и думать... «Если ты не побьешь его в четыре раунда, ты симулируешь нокаут». Моралес повышает голос, вспоминая свою реакцию.

— Если бы массажист Фредо не схватил меня за руку, Филиппи получил бы удар в лицо. Я был возмущен. И все бросил — Филиппи, Париж.

В двадцать четыре года Моралес решил вернуться к семье и оставить бокс. Глубоко разочарованный, он считает, что у него нет ничего общего с этой средой, ибо хорошо понимает, чем занимается его так называемые «покровители».

— Однажды, не имея денег, незадолго до боя, который должен был принести солидный заработок, я попросил Филиппи дать мне пятьдесят тысяч франков аванса. Его ответ сбил меня с ног.

«Не понимаю тебя, Жо. У тебя такая красивая жена... Почему ты ее не используешь?..»

«Но, господин Филиппи... я ее люблю. Мне кажется...»

«Идиот! — возразил Филиппи. — Она может приносить тебе по триста кусков в месяц. Моя жена именно этим и занимается...»

ЧЕМПИОНЫ НА ЗАКАЗ

Махинации в профессиональном боксе приняли такие размеры, скандалы на его почве столько раз были темой обсуждения в печати, что приходится удивляться, если кто-то еще верит в честность и невинность дельцов от спорта. Предприниматели рассчитывают на неосведомленность части публики, на нездоровый интерес к трагедии, наконец на то, что такого рода бокс признают чем-то вроде «опиума для народа». Ведь недаром его поддерживают те средства массовой информации, которые стремятся к моральному разоружению граждан, отчуждению их от социальных проблем и воспитанию в духе праздности и равнодушия.

Как иначе объяснить, что помощь открыто оказывается лицам и организациям, мошеннический характер которых широко известен? В то же время забывают о спортивных организациях, ведущих настоящую воспитательную работу и не гоняющихся за прибылью.

Нельзя не приравнять относительную свободу действий бизнеса на боксе к подпольным играм или порнографии. Ведь и там и тут царят жульничество, коррупция, подтасовка.

24 сентября 1957 года на «Янки Стадиум» в Нью-Йорке чемпион мира в среднем весе Рэй Шугар Робинсон («Сахарный» Рэй) встречается с Карменом Базилио. Хозяин «Интернэшнл Боксинг Клуб» Джим Норрис и его компаньон, известный мафиозо Фрэнки Карбо,

решили, что Робинсон должен отдать противнику свой титул, как бы ни складывался матч.

Журнал «Сьянс э ви» так описывает эту невероятную историю: «Сентябрьский вечер 1957 года останется одним из худших воспоминаний о боксе. Спорт там не играл никакой роли... Наоборот, любители «спектакля», избиения, мошенничества и общего смятения были очень довольны.

Черный ангел Гарлема, чемпион мира с 1951 года (с перерывами) Робинсон, встречался с претендентом на это звание владельцем каких-то луковых плантаций на американском Юге, человеком с женским именем и плешивой головой — Карменом Базилио.

В течение пятнадцати раундов происходило одно и то же. Обладая богатой техникой Робинсон двигался по кругу, делал обманные движения, увертывался, время от времени бил длинным хуком левой, который попадал в цель три раза из четырех, ловко уклоняясь, чтобы передохнуть. Базилио получал удары.

Пятнадцать раундов повторялась одна и та же комедия, или, точнее, один и тот же сценарий избиения. «Сахарный» Рэй целил в голову. Одним свингом он разбил противнику глаз. Другим разорвал губу. Третьим — разворотил скулу. Четвертым — рассек левое надбровье... Пятьсот тысяч телезрителей видели только огромный охровавленный нос Базилио, лицо которого походило на расплюсченную ударами лопату морду крота... Но человек с Юга, которому долгие месяцы вдалбливали главную заповедь претендента — нападать, всегда нападать, — неизменно шел на соперника, шел на бойню. Это была долгая, монотонная и зверская пытка.

Судьи должны были обладать большой наглостью, чтобы объявить победителем Базилио, а трубачам понадобилось крепкое дыхание, чтобы заглушить рев зрителей, последовавший за решением арбитра.

Чемпион Италии и Европы в полутяжелом весе Джулио Ринальди рассказывал:

«Мафия, которая контролирует бокс в Соединенных Штатах, предлагала мне стать чемпионом мира в полутяжелом весе, а спустя три месяца проиграть титул Арчи Муру. В Америке контролирует бокс Фрэнки Карбо. Он хотел заняться этой встречей. И за несколько дней до матча поручил Джими Норрису поговорить с моим менеджером Луиджи Проетти. Мне сказали, что помогут выиграть титул при условии его проигрыша через три месяца в матче-реванше. Проетти отклонил предложение. В то время я был не в форме и считал, что не смог бы стать чемпионом мира.

...Почему же мы не приняли предложение? Потому что речь шла об аморальном поступке. Но какую мораль можно теперь искать в боксе?»

Это заявление, сделанное в свое время болонской газете, получило немалый резонанс.

«Нью-Йорк, 29 мая 1965 года (агентство «Франс пресс»). Американское общественное мнение убеждено, что матчи Клея с Листоном, один в Майами, другой в Льюистоне, были крупной аферой.

Большинство спортивных комментаторов считает, что короткий прямой удар чемпиона мира в голову претендента был не шедевром бокса, а шедевром обмана, который покрывает позором не только американский профессиональный бокс, но и страну в целом.

Из-за давления, оказываемого со всех сторон (скандал принял общегосударственные масштабы), конгресс Соединенных Штатов был вынужден взяться за решение проблемы профессионального бокса в стране. Между тем нападать на профессиональный бокс в Америке означает нападать на мощные коммерческие консорциумы и солидные промышленные компании, в чьих руках боксеры с мировым именем — не больше, чем послушное оружие.

Некоторые признания приводили лишь к судебной волоките.

«Сиэтл (штат Вашингтон), 13 апреля 1972 года. Комиссия по боксу штата Вашингтон решила начать следствие в отношении Фрэзера Скотта, американского боксера среднего веса двадцати четырех лет, который объявил в начале недели о своем уходе из бокса. Он признался, что участвовал в двух боях, заранее договорившись их проиграть.

Результаты следствия, которое начнется в мае, будут доложены Всемирной боксерской ассоциации. По словам Скотта, оба подтасованных матча были устроены за пределами штата Вашингтон, из которого американец выезжал только пять раз для встреч с Нино Бенвенути в Риме, Марио Маркесом в Сакраменто (Калифорния), Максом Козном в Париже, Карлосом Монзоном в Буэнос-Айресе и Пьером Фури в Иоганнесбурге».

Тринадцать дней спустя о так называемом «деле Скотта» заговорили снова.

«По совету адвоката американский средневес Фрэзер Скотт отказался во вторник от дачи показаний представителю генерального прокурора штата Вашингтон по поводу своих недавних заявлений, согласно которым он участвовал в двух боях с якобы заранее условленным результатом не в свою пользу.

Комиссия по боксу штата Вашингтон, президент которой Джимми Рондо обратился в бюро генерального прокурора «по делу Фрэзера Скотта», начнет следствие 2 мая. «Он отказался во вторник от какого бы то ни было заявления, и мы не знаем, явится ли боксер по нашему требованию 2 мая,— сказал Джимми Рондо, добавив, что хотя Скотт сам объявил о своем уходе, его могут исключить из числа боксеров.

Красноречивое сообщение. Истинных виновников и мошенников-предпринимателей, которые дергают ниточки за кулисами бизнеса на боксе, никто никогда не исключает и не наказывает.

Еще рассказ, еще судьба. На сей раз речь идет о юноше, имя которого то же, что у его отца, Марселя Сердана, чемпиона мира в среднем весе в 1948 году, героя послевоенных лет.

Первого апреля 1960 года в редакции парижских газет поступили пакеты с фотографиями. Под одной из них стояла длинная подпись: «Марселю Сердану, который тренируется восемь месяцев, 4 апреля 1960 года исполняется шестнадцать лет и два месяца. В этот день он впервые поднимется на ринг зала Ваграм, надеясь завоевать корону отца, трагически погибшего в зените славы более десяти лет назад. Марсель Сердан-младший сфотографирован во время тренировки в зале Филиппи».

Так, за четыре дня до того, как он поднялся на ринг, начинается его рекламирование. Впрочем, некоторые предчувствуют, что дело идет об очередной фальшивке.

Наверное, сначала следует спросить, какие причины толкнули сына Сердана заняться боксом. До катастрофы на Азорских островах в октябре 1949 года часто писали, что Сердан говорил о будущем своих трех сыновей: «Они никогда не будут заниматься боксом. Я могу обеспечить им образование. Хотел бы, чтобы они стали врачами или адвокатами...»

После гибели отца нью организаторов матчей привел их к сыну в Касабланку. Они знали, что он живет в достатке, не нуждаясь в деньгах. А жестокие испытания ринга не для сыновей обеспеченных родителей. Не ищите чемпионов-профессионалов из этой среды. Их нет.

Филипп Филиппи это отлично понимал, когда приехал в Касабланку к матери мальчика, Маринетт Сердан. И он получил разрешение взяться за спортивную карьеру ее сына Марселя. У него был свой точно рассчитанный план.

Все идет «нормально» до матча за звание чемпиона Парижа среди любителей, где Марсель Сердан встретился с Джеки Вандриешем, боксером среднего класса, который тем не менее его нокаутировал. Это объяснили болезнью Сердана. Но в таком случае либо врач, либо Филиппи должны были вмешаться и отменить бой.

Во всяком случае о смутьяне Вандриеше больше никогда говорить не будут, и «Операции «Сердан» еще долго не будет никаких происшествий.

В декабре 1964 года в Нейи Сердан проводит первый бой с Алексисом Шейда из Ле Мана. И побеждает.

Любой повод служит основанием для целой кампании в печати. Сам юноша не перестает повторять: «Я знаю, что буду чемпионом мира». Ни один спортсмен Франции, даже достигнув вершины, не имел такой мощной, такой непрерывной рекламы.

Сердан научился боксировать. Его техника покоряет. Однако в ней отсутствует столь важный в боксе фундамент, как хорошая физическая подготовка. Его полнота удивляет. Считают, что он хорош лишь в течение пяти раундов.

Окружение Сердана делает все необходимое, чтобы его противники не представляли серьезной угрозы. Следят за двумя условиями: решимостью соперника и ролью судьбы. В этом нет ничего нового. Подходящий судья — залог безопасности.

В книге «Серданы» я рассказал, как заплатили Андре Леги за

то, чтобы Сердан победил его в 1965 году в Лиможе. И привел свидетельство Леги.

Филипп Филиппи был задет этим разоблачением. Через третьих лиц мне пригрозили судом. Сильное давление оказали и на Леги. К нему приходил его бывший менеджер Анри Ле Жанну. Боксеру также угрожали процессом. Но затеять его дельцы не могли: слишком много было у них самых разных прегрешений.

Итак, карьера Сердана-младшего «продается хорошо». Жильбер Бенаим устраивает в Париже матч Сердан — Нолле. Один из самых дорогих матчей в шесть раундов в истории бокса: по три с половиной миллиона франков каждому боксеру.

Говорят, что Фернан Нолле выиграл менее чем за 25 минут сумму, превышающую его двухгодичную зарплату кладовщика универсального магазина. Нолле, подопечный Жана Бретоннея, никогда не бросал свою работу. Но он не боксировал уже десять месяцев. В этом и заключается один из аморальных аспектов «Операции «Сердан».

Рене Фромон, противник Сердана в 1967 году в Руане, с некоторой долей неприязни объяснил: «Сердан никогда не встречался с настоящими профессионалами. Мы все трудимся. Я докер, у меня трудная работа. В спортивный зал я прихожу, оставив часть своих сил на работе. Сердан, напротив, единственный профессионал, с пятнадцати лет он только и делает, что тренируется...»

С благословения его менеджера на ринг вызывают Фернана Нолле, не боксировавшего почти год. Ему спешно устраивают в Тарбе бой — возвращение на ринг — и подставляют Сердану во Дворце спорта в центральном матче вечера.

На следующий день печать сообщает о встрече между уставшим ветераном и оберегаемым Серданом под такими заголовками: «Атмосфера бунта на пятнадцатой победе Марселя Сердана», «Сердан подает надежды, но его маскируют под чемпиона».

«Операция» продолжается. Организуются матчи с бывшими боксерами или теми, кто заканчивает свою карьеру, как Павилла, Фернандес (33 года), Ди Мартино (33 года); видимость боя с пуэрториканцем Пабло Лопесом, нокаутированным через пять минут десять секунд, вызвала возмущение публики. После этой встречи недовольный Филипп Филиппи, театрально повышая голос, разглашует в раздевалке перед журналистами: «Лопес дважды стоял во главе афиши в зале Мэдисон в Нью-Йорке. И не имел ни одного нокаута». На следующий день в статье из Нью-Йорка сообщается, что путь Лопеса был очень легким и что его скромный послужной список насчитывает лишь два нокаута.

Сердан-младший участвует в боях с Галлуа и Лополо, в которых он выглядит по-настоящему хорошо. Беда в том, что не известно, где кончается коммерческая «операция» и где начинается спорт...

Затем — Соединенные Штаты и поражение от Падуано.

А раньше несколько кровавых боев, в том числе в Руане в июне 1967 года, с докером Рене Фромоном. В тот вечер в руанском цирке Сердан был спасен от поражения арбитром, который дисквалифицировал Фромона на восьмом раунде.

Надо послушать, как докер вспоминает о своей неудаче:

— Соппротивление Сердана кончилось в пятом раунде. Он начал крутиться по рингу, избегая сближения. И казался совершенно обессиленным в шестом и седьмом раундах. Победа была у меня на кончиках пальцев. В восьмом раунде мы столкнулись головами и получили травмы. Но он выше меня и, следовательно, в большей мере виноват в случившемся. А дисквалифицировали меня. Это решение возмутило меня и заставило задуматься над ролью арбитров в карьере Сердана. Впрочем, ими были всегда одни и те же люди.

...В Руане Филиппи отозвал судью к себе в угол, затем судья вернулся в центр ринга и заявил о моей дисквалификации: «Все это не очень красиво!»

Фромон с удовлетворением добавил, что Сердан подошел к нему и почти извинился: «Фромон, сегодня вечером выиграть должен был ты, ты был сильнее». Слабое утешение.

В руанском цирке матч шел нормально. Иначе говоря, его результат подделали по-другому. Все же на пути к матчу за звание чемпиона мира перед Марселем Серданом-младшим возникает серьезное препятствие: непобедимый Роже Менетрей.

Филиппи и Сердан понимают, что эту партию они не смогут сыграть по правилам. Время от времени они повторяют: «Мы побьем и Менетрея», но это скорее лай из подворотни. И Французская федерация, опасаясь скандала, не позволяет Сердану обойти Менетрея. Тогда Марсель-младший вновь встречается с Галлуа в бою за звание чемпиона страны и терпит поражение. Предполагавшийся триумф оборачивается крушением.

Разбитый, потерявший сознание под ударами, но спасенный арбитром, который позволил ему висеть на противнике и выиграть время, Марсель Сердан под шиканье изменчивой и безжалостной толпы возвращается в раздевалку, где долго плачет... в объятиях менеджера.

Он никогда не будет чемпионом. Ни мира, ни Европы, ни Франции, ни Парижа.

Отчаяние Сердана-младшего в тот вечер может взволновать лишь тех, кто забыл о Тео Нолле, Рзе Фамешоне, Лоране Дотюиле и стольких других униженных и раздавленных чемпионах.

В январе 1973 года объявили об уходе Сердана с ринга, а какое-то время спустя становится известно, что Жильбер Бенаим помог ему купить игорный дом в Дижоне.

Что сказать? Марсель Сердан-отец бесстрашно дрался пятнадцать лет, чтобы его сыновья «стали врачами или адвокатами»... Он никак не мог предвидеть, что организатор матчей Бенаим и менеджер Филиппи осмелятся повести одного из его сыновей по дороге бесчестья...

Перевод с французского А. ИГНАТОВА и М. МАКАРОВСКОИ.

ИМЕННО САТИРЫ

ФЕЛЬЕТОН

Характеристики эти, как и положено характеристикам, к художественной литературе не относятся. Здесь красоты стиля, пожалуй, даже излишни. Может, человека прочтат на повышение в должности или представляют к награждению именными часами? И тут важны его деловые качества, а не живописные картинки внешности.

Одним словом, характеристики, выданные на железнодорожной станции Одесса-порт, ничем особенным не выделялись среди себе подобных. Вот, к примеру, некоторые выдержки из них.

Петров Петр Никитович, маневровый диспетчер, «обладает хорошими организаторскими способностями, волевыми качествами, умело воспитывает и мобилизует коллектив смены на выполнение...»

Сапрыкин Владимир Николаевич, осмотрщик

вагонов, «среди коллектива пользуется авторитетом. Дисциплинированный и исполнительный работник»...

Анненко Георгий Иванович, дорожный мастер, «много уделяет внимания воспитанию рабочих, имеет сорок поощрений, принимает активное участие в общественной жизни коллектива»...

Чумак Иван Семенович, слесарь по ремонту подвижного состава, «за период работы проявил себя дисциплинированным и исполнительным работником, браков (так в тексте.— Л. Ю.) не допускал»...

Куда же они адресовались? В наградной отдел? В отдел кадров на предмет переаттестации или назначения на более высокий пост? Отнюдь! Их сочиняли для следственных и судебных органов. Прочитав, судьи пришли в некое смущение. Ведь материалы дела из-за мрачности фактов слишком не соответствовали тому, о чем сообщал «треугольник», а весьма суховатый слог протоколов допроса звучал во сто крат убедительней, нежели весь портативный набор слов в служебной публицистике. Из них вырисовывались портреты отнюдь не ангелов, случайно сброшенных на нашу грешную землю, а обыкновенных преступников, посаженных на скамью подсудимых за хищение и вполне справедливо наказанных по закону.

...Душой задуманной операции был Сапрыкин. Осмотрщик вагонов, он и высмотрел тот, в котором аппетитно булькали бутылки с коньяком «Армения».

Вагон беспечно маневрировал по путям, охраняемый лишь крошечными, еле заметными пломбами. Он будил воображение. Дразнил. Натренированному обонянию Сапрыкина даже чудились щекочущие запахи коньяка. Он закрывал глаза, и ему виделся разлитый на трюх напиток, слышался любимый тост: «Со свиданьем».

Увы, разливать нечего было. Многозвездочное зелье пребывало за закрытой дверью, в аккуратно упакованных коробах и вот-вот могло укатить в заданном направлении, чтобы пролиться в рюмки лишь за кровные наличные. А очень хотелось чокнуть на шармака.

Но недаром осмотрщик вагонов славился умением сообразить на трюх. Сапрыкин делает срочный запрос диспетчеру Петрову: не скажет ли уважасмый повелитель подвижного состава, как долго еще простоят без движения вождеденный вагон, и, если ему суждено маневрировать, то нельзя ли подкатить его на такой-то путь. Видите ли, там удобнее провести операцию...

Какую, Петров понял сразу. Однако не стал с возмущением отключаться от нахального абонента и торопливо подключаться к милиции. Он спокойно дал требуемую справку, лишь выразив сомнение в успехе задуманного. Позже, когда он был посрамлен за

скеписе первоклассным жидким презентом, диспетчер раскаялся и по-отечески заинтересовался: «Все было нормально?..»

С точки зрения Сапрыкина и без лишних слов вошедших к нему в компанию слесаря по ремонту подвижного состава Чумака и приемосдатчика поездов Максимова, все было «нормально». Если считать нормальным то обстоятельство, что трое железнодорожников с ведома четвертого в течение получаса с помощью лопаты, ломика и молотка крошили потолочный люк вагона. Поскольку орудия эти далеко не бесшумные, то стоял такой грохот, что даже удивительно, как не пробудилась совесть у всех, кто его слышал. А слышали ведь! И даже видели похищенное. Только прошли они по делу свидетелями. Например, старший осмотрщик вагонов М. Быков. В будке у переезда Сапрыкин и Чумак угостили его добротным коньячком, посоветовав не поднимать шума. Шума он не поднимал, а смех дружков вызвал, обозвав содержимое стакана — самогонкой.

Стрелочница Плахотнюк и дежурная по переезду Краснюк наблюдали, как Сапрыкин и Чумак перетаскивали три короба с коньячком. Как непьющим им посулили за молчание конфеты. Будущий подарок показался им царским, и они плотно прикрыли глаза, уши, а главное — рот.

Да, справедливости ради стоит заметить, что Максимов по причине занятости служебными делами не смог участвовать в завершающем штурме люка и ушел, не дождавшись добычи. И был наказан: приятели потом скрыли от него «успех».

Впрочем, количество сопричастных от этого не уменьшилось. Среди них машинист А. Быков. За бутылку он согласился в нужном месте сбавить ход состава с порожняком, в одном из вагонов которого расхитители припрятали коробки со спиртным.

Среди них дорожный мастер Анненко, в кладовую которого потом перекочевало краденое. Его вознаграждали и поштучно, и в розлив, а кроме того, он и сам был не промах — взял сколько захотелось, без спросу.

Среди них брат Чумака Николай. В его квартире было сначала устроено стационарное спиртохранилище. Ненадолго, однако. Побоявшись, он перенес все бутылки к своей знакомой Очеретяной, где они пролежали впредь до раздела между непосредственными участниками операции.

Даже две работницы торговли из сорок первого магазина рыбкоопа Гольдберг и Королева, и те «посильно» участвовали. Правда, не в роли продавцов, а в роли покупателей. Каждая из них приобрела у расхитителей по бутылке коньяка с пятидесятипроцентной скидкой против государственной цены. Такая странная уступчивость

их не смутила. Они, не столько боялись ворованного, сколько подделки. По крайней мере именно так прозвучали их показания в суде.

Приговором суда Сапрыкину и Чумаку гарантирован трехгодичный срок абсолютно трезвой жизни. Анненко, ангел-хранитель краденого коньяка, в течение года получал урезанную зарплату — двадцать процентов из нее пошло в пользу государства. Конечно же, коллективу придется перевоспитывать Анненко.

Не знаю, как подчиненные перевоспитывают дорожного мастера, а вот проблема перевоспитания упомянутых здесь свидетелей волнует. Ведь факт остается фактом: тайный коньячно-вскрышной замысел подсудимых вышел за рамки затен «на тронх». О ней без труда узнали и другие, которые могли бы легко ее раскрыть, не прибегая к штатным детективам милиции. Более того, воровство и вовсе можно было предотвратить. Прямо-таки в зародыше. Ежели, конечно, гражданская совесть не теряет дара речи от соприкосновения с чаркой. И ежели не смотреть на государственное добро как на нечто бесхозное, которое так и просится в чьи-то загребущие руки.

И тогда, наверно, дрогнет начальственная рука, прежде чем напишет медовую характеристику на хапугу; не скажут на общем собрании, что Анненко «в данном случае споткнулся» и надо срочно выделить общественного защитника, чтобы взять его на поруки. Да и вообще неповадно будет ходить с ломом «на дармовщину» стоимостью почги в тысячу рублей. Наших с вами рублей, товарищи. Потому что государственная казна — это наша с вами общая казна. И когда жулик покушается на нее, он тем самым покушается и на наш персональный кошелек.

Рис О ТЕСЛЕРА.

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗГИКА

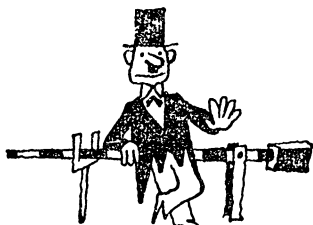
«КОРОЛЬ НИЩИХ»

В Дюссельдорфе (ФРГ) подвизался в местных ресторанах один тридцатисемилетний любитель легких заработков, обладавший несомненным артистическим даром. Раньше он работал мойщиком посуды, потом начал рассказывать посетителям ресторанов придуманные им замысловатые и душеспасительные истории о своих похождениях и получал от растроганных слушателей щедрую милостыню. Этот «король дюссельдорфских нищих» сумел собрать за короткое время более ста тысяч марок и хранил свои «трудовые» сбережения в шести различных банках.

О ПОЛЬЗЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ

В Великобритании, в Уэльсе, находится имение лорда Фироу, через которое проходит большая автомобильная дорога с мостом. Более двадцати лет предприимчивый лорд собирал дань со всех проезжавших по «его» мосту автомашин — и довольно высокую. Теперь он вынужден распрощаться с этим источником дохода. Один до тошноты чиновник, порывшись в древних актах, откопал закон от 1806 года, запрещающий взимать плату за проезд по мосту тележек и прочих экипажей, в которые не запряжены животные.

ТРАГИКОМЕДИЯ В ГАРДЕРЕБЕ

Нений Луи Паснье избил в гардеробе парижского бара посетителя и попал за это в полицию. Там он дал такое объяснение своему поступку: «Когда этот господин надевал пальто, я стащил у него бумажник. Вообразите мое возмущение, когда я увидел, что этот бумажник мой собственный, — он исчез из моего кармана за час до этого».

АРЕСТ ЛОКОМОТИВА

В Италии по предписанию прокурора был арестован поджигатель, который вызвал в Альпах, в окрестностях Беллуно, несколько лесных пожаров. Им оказался... старый паровоз, ветеран железных дорог. После этого полиция сняла его с линии.

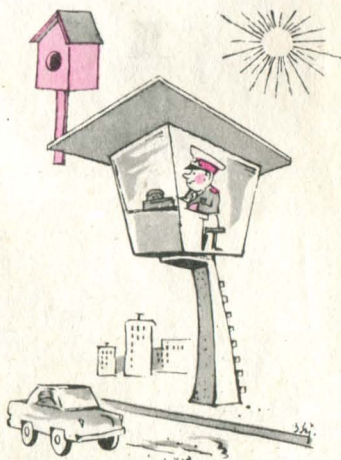

Без слов.

Рис. В. ВОЕВОДИНА.

— Хулиганить больше не буду — «завязал»...

Без слов.

— До техосмотра ваша машина находилась на уличной стоянке?

Рис. В. ТАМАЕВА.

